

Р.Ю. Просветов,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Священномученик Феодор (Поздеевский) о духовном образовании и воспитании пастырства

В начале XX века духовное образование в России переживало серьезный кризис. Проявлением его было растущее революционное движение в среде духовных школ, весьма малый процент выпускников – кандидатов в священство и стремление к автономии от духовной власти преподавательских корпораций, состоявших, главным образом, из представителей белого духовенства и светских лиц. Причиной того можно также назвать оскудение веры, чему немало способствовали сословный характер духовных школ, схоластическое обучение и одновременно обмирщение духовного образования через лиц немонашеского звания. Сказалось и общее направление времени, соединенное с погоней за материальными благами. О проблемах в духовном образовании говорит и тот факт, что в феврале–марте 1905 года в пяти семинариях Российской империи произошли значительные волнения, иными словами – «семинарские бунты».

Открывшееся при Святейшем Синоде в марте 1906 года. Особое Присутствие для подготовки к Собору с большим вниманием отнеслось к трудностям духовных школ. Однако единого мнения по разрешению этих трудностей не было.

В этой связи большой интерес для нас представляет проект преобразования духовной школы, который был разработан ректором Тамбовской духовной семинарии архимандритом Феодором (Поздеевским) и представлен в «Записке о реформе духовно-учебных заведений»¹, а чуть позже в статье «Чего желать для нашей духовной школы?»². Основные положения проекта священномученика Феодора были включены в «Докладную записку» епископа Тамбовского и Шацкого Иннокентия (Беляева) и направлены в Святейший Синод³.

¹ ГАТО Ф. 186. Оп. 112. Д. 1. Л. 61–75.

² Феодор (Поздеевский), архим. Чего желать для нашей духовной школы // Санкт-Петербургские ведомости, 1905. №№ 63, 64.

³ Докладная записка Святейшему Правительствующему Синоду Иннокентия, Епископа Тамбовского и Шацкого. Тамбов, 1906.

Исходя из первоначальной «Записки о реформе духовно-учебных заведений»⁴, можно заключить, что одной из причин создавшегося положения в духовной школе священномученик Феодор считал несоблюдение требования мотивированного выбора священнического поприща: «...чтобы не случайно и не по принуждению люди приходили к желанию принять священство, а с полным сознанием важности и святости дела, которое они заранее наметили себе, как идеал для жизненного пути, и по своей силе сознательно и усердно готовились к принятию его на себя».

Таким образом, священномученик Феодор еще раз напоминал о том, что для принятия человеком священства необходимо особое «призвание». Причем «призвание» следует понимать, «как сложившийся, цельный характер сознательного усвоения в своей личной жизни христианских начал и убежденного желания и решения идти на созидание Церкви». Такое религиозно-нравственное и церковное настроение формируется «в живом чувстве и опыте прихода церковного, и этот приход и простые верующие люди в данном случае являются лучшими воспитателями и лучшей школой» для его выработки. Священномученик Феодор весьма сожалел, что «нет уже той приходской жизни, того клира церковного и с тем характером, как древле, в котором бы постепенно у членов этого клира вырабатывался и рос под влиянием церковной атмосферы и благочестия прихода дух церковности и благоговения», а потому и «вопрос о реформе пастырской школы необходимо ставить в тесную связь с общей церковной реформой и, в частности, реформой прихода».

Возвращаясь к проекту преобразования духовной школы, священномученик Феодор предлагал «устроить общеобразовательные школы средние для детей духовного ведомства, из которых ученики могли бы свободно, а не по принуждению, или в силу необходимости, идти, куда им хочется... А после этой уже средней школы создать новую, специальную – духовную школу для подготовки к пастырству, желающим избрать себе этот род служения Церкви Христовой». Эта школа «должна быть доступна юношам всех сословий, которые заявят свое желание учиться в ней при надлежащей, конечно, подготовке для прохождения ее курса, т.е.

⁴ Здесь и далее при цитировании источника см.: ГАТО Ф. 186. Оп. 112. Д. 1. Л. 61–75.

по успешном окончании общеобразовательной средней школы». Приниматься в нее должны ученики в возрасте от 18 до 30 лет, количество которых не должно превышать 150–200 человек, т.к. «при 700 невозможно воспитание, а только полицейские меры». В новой школе «должно завести вполне церковный, строгий образ жизни и порядок, соответствующий будущему высокому пастырскому служению, которое, прежде всего, есть молитва по образу Великого Пастыреначальника, Иже во днех плоти Своя, моления же и молитвы к Могущему спасти Его от смерти, с воплем крепким и со слезами принес, и услышан был от благоговеинства (Евр. 5, 7)».

Таким образом, «самая цель духовной школы укажет и определит и программу, и характер, и размер преподавания наук: это будет обуславливаться и узаконяться самым духом школы и задачами, какие она преследует».

Количество курсов школы должно быть три и никак не больше четырех, т.к. общеобразовательные предметы должны быть пройдены в средней школе. В пастырской школе, которую священномученик Феодор предлагал именовать «богословскими курсами», должны были изучаться специально духовные предметы, в основе которых стояло бы преподавание священного писания Ветхого и Нового Завета, самое подробное и основательное. «При осмысленном и умелом его изучении могло бы и не быть далее разных богословий, – утверждал священномученик Феодор, – но так как это дело весьма трудно, то богословие, далее, должно проходиться как единая наука без разделения на существующие теперь предметы его; затем христианская нравственность или аскетика... далее церковная история общая и русская с историей старообрядчества, которая укажет и пути к примирению старообрядцев с Церковью; особенно важное внимание здесь должно быть уделено изучению творений и деятельности святых отцов, как выразителей церковного предания; далее пастырское богословие с практическим руководством для пастырей, к которому примыкает литургика с гомилетикой; последняя вместе с теорией ораторского искусства должна быть сведена к практике проповедничества через изучение проповедников и составление на основании их и самостоятельных поучений; но чтобы это дело не носило большой печати искусственности и непрактичности, непременно нужно, чтобы ученики

упражнялись в проповеди слова Божия по приходским церквям и народным аудиториям; а литургика, кроме изучения истории и археологии литургической, должна особенное внимание уделить изучению самого богослужения, его устава, а вместе с тем познакомить и с богатым содержанием наших церковных песнопений, в чем значительную услугу окажет знание греческого языка; поэтому изучение древних языков непременно должно быть и в новой школе; но оно должно сводиться к усердному чтению святых отцов и церковных песнопений; к этому же разряду наук должно быть отнесено и церковное пение – история, теория и практика; в виду важного значения пения для священника, на этот предмет нужно уделить особенное внимание; наконец, непременно должны быть оставлены в прежнем составе и науки философия и психология без логики, которая должна быть пройдена в средней школе; а психология должна бы, думается, получить более практический характер: она должна быть педагогической, опыт которой нам уже приходилось встречать и в виде специального руководства, помимо известной книги Ушинского; это важно для ученика, как будущего пастыря или учителя в школе».

«Вместе с тем, – продолжал священномученик Феодор, – непременно нужно рекомендовать продолжение занятий и по новым языкам, не менее одного, по желанию: это нужно и в целях образовательных, и в целях практических, вследствие усложнившихся условий жизни и взаимообщения между народами. Так как в новую школу будут собираться юноши с сознательно намеченными целями жизни, то указанный широкий курс наук нисколько не будет обременителен для прохождения его даже в три лишь года». При такой постановке дела, считал священномученик Феодор, будут восстановлены забытые сокровища духа, а именно церковные песнопения и молитвы, творения святых отцов, жития святых.

Касаясь вопроса воспитания будущих пастырей, священномученик Феодор считал нужным всем педагогам «вменить в нравственную непременную обязанность – вместе с начальством руководить учениками, вникать в их настроение, отвечать на все их не только умственные, но и нравственные запросы».

Чтобы обеспечить возможный успех всего дела, ректор Тамбовской духовной семинарии предлагал предоставить начальникам новых учебных заведений «полные права и возможность».

А именно, «пусть всякий начальник сам себе подбирает нужных ему сотрудников, с которыми он уверенно мог бы вести ответственное дело», и будет сам вполне ответственным за успех или не успех порученного ему дела.

В добавление ко всему сказанному священномученик Феодор призывал не смущаться, если временами новая пастырская школа будет малочисленная, – не за количеством надо гнаться, а за качеством.

Проект преобразования духовной школы, предложенный ректором Тамбовской семинарии, не был реализован сразу. Общий строй духовных школ продолжал оставаться в прежнем виде. Однако, священномученик Феодор не оставлял надежды на преобразование и, будучи настоятелем Свято-Данилова монастыря, в 20-х годах XX века все же устроил задуманные «богословские курсы». Правда, просуществовали они недолго.

О.Ю. Левин,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
заведующий Историко-архивным отделом Тамбовской епархии

**«Глубока скорбь любви...»
Тамбовский период в жизни священномученика
Владимира (Богоявленского, 1848–1886)**

Будущий митрополит Владимир, в миру Василий Никифорович Богоявленский, родился в северных пределах Тамбовского края, в небольшом старинном моршанском селе Малая Моршевка, первое письменное упоминание о котором относится к началу XVIII века. Его отец был здесь священником, одним из представителей священнического рода Богоявленских. Известно, что у митрополита была обширная родня по отцу, Никифору Сергеевичу, и по матери, Ирине Антоновне: Ветринские, Черменские, Багрянские – родственники Богоявленских.

О рождении будущего святителя в метрической книге Никольской церкви села Малая Моршевка сохранилась запись: «Младенец мужского пола Василий, родился 2 января 1848 года, крещен 4 января того же года священником Петром Федоровичем Никольским. Родители: Никольской церкви священник Никифор Сергиев Богоявленский и законная жена его Ирина Антонова. Оба православного вероисповедания. Восприемники: той же церкви священник Петр Федоров Никольский и вдовая дьячиха Ирина Карпова»¹. Василий был четвертым ребенком в семье.

Жизнь сельского священника в те годы мало чем отличалась от жизни простого крестьянина. Все члены причта имели небольшие участки земли, сами их обрабатывали. При такой жизни дети священника очень рано приучались к физическому труду. Жили в простых крестьянских избах, тесных и неудобных; и взрослые, и дети одевались во всё домотканое, на ногах носили лапти. Пища также была обычной: каша, щи, квас. Неимоверных трудов стоило отцу семейства собрать деньги на обучение своих сыновей. Денежное

¹ ГАТО. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 4524. Л. 1 об.

содержание причта даже в достаточно зажиточных селах было не очень большое, а приход М. Моршевки не относился к богатым.

Семья Богоявленских была большой. Кроме Василия в ней было еще два сына и четыре дочери: старший брат Иван (1844 г.р.) и младший Феодор (1851 г.р.); старшие сестры Евгения (1845 г.р.), Александра (1846 г.р.), Евдокия (1847 г.р.) и младшая Елена (1853 г.р.).

В 1857 году в семье Богоявленских произошло горе – смерть отца: «10 июня умер, 13 июня отпевали. Умер от горячки»². Отпевал все тот же отец Петр Никольский, с которым отец Никифор много лет прослужил вместе. Не успели похоронить отца, как случилась новая беда: 10 июля того же года, т.е. ровно через месяц, умерла одна из сестер Василия – Александра.

Потеря кормильца осложнила положение семьи, тем более что трем сыновьям нужно было дать образование. К моменту смерти отца в Тамбовском духовном училище уже учился старший сын Иван. 1 сентября 1858 года туда поступил Василий, а спустя два года, в 1860-м, – третий брат Феодор.

Тамбовское духовное училище к тому времени отметило свое 40-летие. Дети, поступающие в него в возрасте 7–8-ми лет, заканчивали обучение к 14–15-ти годам, пройдя через три класса отделения – низшее, среднее и высшее (в каждом по два года).

Учеба в училище для детских неокрепших душ была серьезным испытанием, и не все его выдерживали: кто-то озлоблялся, кто-то становился равнодушным ко всему, а кто и веру терял, а вся его дальнейшая жизнь становилась мучительным поиском пути к Богу, которого многие так и не смогли найти. Но все же справедлива оценка, данная бурсе митрополитом Вениамином (Федченковым) (он также учился в 1-м Тамбовском духовном училище): «Конечно, анекдотических рассказов в духе «Бурсы» Помяловского можно было бы написать немало, но это было бы обидной неправдой... Общая картина, оставшаяся в моей памяти, приятельская, хорошая, мирная»³.

Здесь теперь предстояло жить и учиться маленькому Василию в течение шести лет. Здесь прошло его детство, точнее, самая луч-

² ГАТО. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 5437. Л. 31 об.

³ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 91.

шая его пора. Здесь он должен был получить начальное духовное образование, которое, впрочем, давало возможность желающим поступить на светскую службу. Мальчик жил в бурсе (училищное общежитие), в ней же питался, получал одежду и кое-какие деньги на содержание.

Всех воспитанников по успехам в учебе и поведении по итогам учебного года делили на три разряда. Василий всегда был в первом разряде, причем в десятке лучших учеников. Так, в 1863 году в высшем отделении он стоял в списке 9-м.

В 1864 году Василий Богоявленский окончил Тамбовское духовное училище и, как один из лучших учеников, был зачислен без экзаменов в низшее отделение Тамбовской духовной семинарии, которая ко времени его поступления была уже солидным учебным заведением со своими традициями, методами преподавания и талантливыми преподавателями. Так же, как и в училище, в ней существовала строгая дисциплина и порядки, но в бытовом отношении она была устроена лучше. «Была просторней и чище училищной. Кормили нас тоже получше», – вспоминали ученики.

Среди преподавателей семинарии в то время было немало незаурядных личностей, которые оказали большое воздействие на формирование характера и взглядов юноши. Один из них – протоиерей Иоанн Максимович Сладкопевцев. Его влияние на будущего святителя не вызывает никаких сомнений. Всякий, кто читал проповеди митрополита Владимира, может заметить в них удивительную стройность и ясность мысли. Отчасти это результат педагогической работы Сладкопевцева, который долгое время преподавал логику и смежные с ней предметы – психологию и философию. Влияние отца Иоанна было настолько велико, что в молодые годы Василий всерьез увлекся этими науками. Не случайно, что и его первой печатной работой был перевод с немецкого учебника по логике.

Годы учебы Василия Богоявленского совпали с чрезвычайно интересными процессами, происходившими в русском обществе во второй половине XIX века. Реформы 60–70-х годов дали новое направление общественной жизни, привели к появлению в стране людей нового типа. Эти веяния затронули и духовные школы. Быть может, эти годы во всей истории Тамбовской семинарии были наиболее плодотворными. Именно тогда здесь получили об-

разование и сам митрополит Владимир, и его земляк митрополит Антоний (Вадковский), а также будущие преподаватели – А. Спасский, Д. Астров и другие.

Именно в это время ректором семинарии был назначен архимандрит Геннадий (Левицкий), очень интересная личность, оказавшая на будущего митрополита огромное влияние. «Он не корчил из себя начальника, а со всеми служащими обращался по-товарищески. Двери его всегда для всех были открыты. Умел вести дело управления семинарии по всем частям в порядке и целесообразно. С воспитанниками всегда обращался по-отечески», – писал о нем один из его подчиненных⁴. Под руководством и при участии таких преподавателей (а мы отметили наиболее выдающихся из них), воздействие которых на Василия не вызывает сомнений, прошли шесть лет семинарского учения Богоявленского. Все это время он был по учебе и поведению всегда в числе первых. Успешно окончив первые два года (низшее отделение), на третий год, в 1866-м, по результатам учебы он был шестым в первом разряде. По окончании среднего отделения, в 1868-м, в том же первом разряде – десятый. Закончил семинарию Василий Богоявленский в 1870 году четвертым в списке первого разряда⁵.

После семинарии будущий митрополит вместе со своим другом Алексеем Спасским был направлен в Киевскую духовную академию для дальнейшего обучения. Годы, проведенные Василием в ней, были временем упорных трудов в постижении богословских наук. Свидетельство тому – первая печатная работа, изданная в Киеве в 1874 году. Это был перевод с немецкого языка «Логики доктора Ганемана».

6 февраля 1874 года Богоявленский написал прошение в правление Тамбовской духовной семинарии о принятии его преподавателем «на вакантную кафедру гомилетики и литургики». 13, 16 и 17 мая 1874 года в присутствии комиссии профессоров и доцентов церковно-практического отделения Василий Никифорович выдержал испытание и получил «право на занятие... кафедры гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей»⁶.

⁴ Русская старина. М., 1905. С. 548.

⁵ ГАТО. Ф. 186. Оп. 73. Д. 19. Л. 7 об.

⁶ Там же. Оп. 80. Д. 17. Л. 9.

В июне 1874 года кандидат богословия В.Н. Богоявленский приехал в Тамбов. Молодой педагог, «не жалея трудов и сил своих», взялся за новое для себя дело. Однако сам предмет преподавания «с сухим перечнем частей богослужения и с теоретическим изложением правил церковного красноречия» не удовлетворял Василия Никифоровича. Чтобы оживить уроки, Богоявленский пытался их менять: на уроках по литургике в обязательном порядке сообщал исторические сведения, а по гомилетике давал темы для экспромтов. И все же он не видел должной заинтересованности в своем предмете со стороны семинаристов. Это его несколько печалило, и сам он по поводу такой ситуации выражался следующим образом: «Людам, сердцу которых близко благодетельствие государства, начальникам, с любовью и самоотвержением трудящимся для пользы своих подчиненных, с пламенной ревностью подвигающимся на своем поприще, учителям, любящим учеников, как детей своих, — ...всем таким деятелям небезызвестна глубокая скорбь напрасной любви, и если бы вверенные заботам этих слуг Божиих видели всегда, как они скорбят и плачут о безуспешности трудов своих, они, быть может, подумали бы о том, что служит к их миру!»⁷. Поэтому нет ничего удивительного, что, как только освободилась кафедра Священного Писания в семинарии, Богоявленский обратился в правление с просьбой перевести его на эту кафедру. В прошении он писал: «Находя преподавание Св. Писания для себя более удобным, я желал бы занять вакантную сейчас при Духовной семинарии кафедру Св. Писания...»⁸. В мае 1875 года Василий Никифорович был переведен на кафедру Священного Писания.

Чем жил эти семь лет преподаватель В.Н. Богоявленский? Каковы были его стремления, чаяния, надежды? О чем думал, мечтал?

Вся его деятельность была сосредоточена на преподавании своего предмета и делах семинарии. Но находилось время и для научной деятельности. В период с 1875 по 1880 год написаны его первые три серьезные работы. Первая из них появилась в девятом номере местных епархиальных ведомостей и называлась «Слово

⁷ ТЕВ, 1875. № 9. С. 217–218.

⁸ ГАТО. Ф. 186. Оп. 81. Д. 92. Л. 2.

в неделю Вайи». По форме – проповедь, по сути – небольшой духовный очерк. В нем нашли отражение и собственный опыт, и отголоски споров, которые велись в среде семинарских преподавателей. В статье Василий Богоявленский обратился к конкретным слушателям – воспитанникам и товарищам по учительству. На протяжении всего его «Слова», как рефрен, звучит тревога: «Не нашел на любовь сочувственного отклика». Здесь же обозначена еще одна мысль, которую будет повторять Василий Никифорович, став священником, а затем митрополитом: «Безропотно переносите ваши страдания, как бы это ни было тяжело и больно для вас».

В 1876 году в Тамбовских епархиальных ведомостях появилось еще одно творение будущего митрополита – небольшое эссе под названием «Суета твари». Тема выбрана очень важная, не потерявшая своей актуальности в наше время: открытия науки – благо или зло? Взяв строки из послания апостола Павла к Римлянам «о чаянии твари откровения сынов Божиих», Богоявленский с убедительностью доказывает: «Кто хочет быть учеником Христа, необходимо должен соревновать ему в любви и милосердии по отношению ко всякому творению Божию»⁹. А в успехах науки Василий Никифорович видит «ступень к исполнению Апостольского слова об освобождении твари от работы нетления в свободу славы чад».

В последующие годы преподавательской деятельности сочинения Богоявленского не появлялись в печати вплоть до 1880 года. Затем в епархиальных ведомостях в нескольких номерах было опубликовано «Соглашение некоторых противоречащих, по-видимому, мест Св. Писания» – итоговая работа всей научно-педагогической деятельности в Тамбовской духовной семинарии. Причину пятилетнего молчания следует видеть в большой занятости В. Богоявленского.

Новая житейская проблема, с которой столкнулся Василий Никифорович в то время, – недостаток денежных средств. Один из современников, тоже семинарский преподаватель, вспоминал: «Материальное обеспечение по службе в Духовной семинарии было скудным». Поэтому уже в сентябре 1874 года Богоявленский вынужден был подрабатывать, определившись учителем географии в Тамбовское епархиальное женское училище (здесь он преподавал

⁹ ТЕВ, 1876. № 14. С. 613.

до 15 августа 1878 г.). С жильем было проще, так как при семинарии одиноким преподавателям предоставлялась комната.

В 1876 году в жизни Василия Никифоровича произошли значительные перемены – он женился. Его избранницей стала Александра – дочь кирсановского протоиерея Василия Салтыкова. После заключения брака молодая семья сняла квартиру в городе. Расходы на жизнь увеличились. Василий Никифорович устроился учителем географии в Тамбовской мужской гимназии, а с 13 ноября 1876 года в Тамбовской духовной семинарии, помимо Священного Писания, он начал преподавать немецкий язык.

Добросовестный, исполнительный и аккуратный преподаватель, Василий Богоявленский был на хорошем счету у начальства и быстро продвигался по служебной лестнице. 25 апреля 1879 года он получил чин коллежского асессора, в 1880 году был представлен к чину надворного советника. В формулярном списке Богоявленского 1879 года отмечалось: «Поведения весьма хорошего и к должности исправен и благонадежен».

Омрачала жизнь молодой семьи болезнь Александры Богоявленской. Василий Никифорович не терял надежду на выздоровление супруги и делал все возможное к этому. Так, по совету врачей он с женой почти каждый год во время своего отпуска ездил на Кавказ лечиться на курортах. В 1877 году Богоявленский не успел даже вернуться к началу учебного года «из Пятигорска, где он находился для лечения своей жены»¹⁰. В 1876 году он был в отпуске два месяца – июнь и июль. В конечном итоге это дало свои результаты: развитие болезни удалось приостановить.

Неудовлетворенность педагогической деятельностью все больше угнетала Василия Никифоровича. Он не видел результатов своей работы, ему казалось, что он не на своем месте. Мысль о том, что талант, данный Богом, используется не по назначению, мучила постоянно.

«Принятие священного сана было постоянной думою Василия Никифоровича», – говорит современник и указывает причину промедления: «способ содержания нашего духовенства». Но, на наш взгляд, это не было главным. Нам видится, что Василий Никифорович просто долго сомневался, действительно ли он достоин

¹⁰ ГАТО. Ф. 186. Оп. 86. Д. 31. Л. 4 об.

священства, понесет ли он этот крест, тем более что эту тяжесть должна была разделить с ним и его больная жена. Длительные раздумья, убеждения друзей и самого будущего епископа все же дали свои результаты: Василий Богоявленский решил принять сан иерея.

30 января 1882 года Василий Никифорович был рукоположен во диакона, а 31 января – во иереи. Резолюцией Преосвященнейшего епископа Тамбовского Палладия (Ганкевича) отец Василий был определен к Покровскому собору города Козлова на должность помощника настоятеля.

В начале февраля 1882 года отец Василий прибыл в Козлов. Город этот был вторым по величине в губернии, со своими традициями и укладом жизни, присущими только маленьким провинциальным городам Центральной России. Первые впечатления, связанные с новым родом деятельности, подвигли отца Василия в традиционном для начинающего священника «Слове при вступлении на паству» четко и ясно сформулировать те задачи, которые, на его взгляд, стояли перед каждым пастырем. Он говорит: «Нужны такие деятели, каковым желал бы быть и я, которые не потворствуют страстям человеческим, но, по примеру Спасителя, беспристрастно снимают маску с лица и прямо говорят, что нужно для него, что для меня»¹¹. Быть пастырем людей, потерявшим веру, – вот главная задача священника на тот момент, по мнению отца Василия. И в этом трудном деле есть единственная поддержка, дающая энергию в деятельности пастыря, это любовь Господня.

Церковноприходская жизнь Козлова ко времени появления в нем иерея Василия Богоявленского протекала достаточно бурно. Горожане были недовольны духовенством, а те – своими прихожанами. Взаимное неудовольствие в конечном итоге вело к конфликтам, а эпицентром их стал Покровский собор, как центр духовной жизни города.

Ко времени приезда отца Василия в Козлов конфликт между духовенством и прихожанами несколько утих, но отголоски его все еще были слышны. Усилия прежнего настоятеля Покровского собора и городского благочинного протоиерея Феодора Криволуцкого по умиротворению сторон ни к чему не привели, а еще больше раз-

¹¹ ТЕВ, 1882. № 7. С. 237.

жигали конфликт и стоили здоровья самому отцу Феодору (нервные переживания привели его к болезни, от которой он умер в 1882 г.).

После смерти отца Феодора настоятелем собора становится протоиерей Симеон Жемчужников, в будущем епископ Аксайский. Думается, что епископ Тамбовский Палладий не случайно определил при отце Симеоне помощником отца Василия. Эти личности (оба с академическим образованием) могли положительно повлиять на приходскую жизнь города Козлова. И Владыка не ошибся в своем выборе.

Священник Богоявленский очень быстро завоевал уважение прихожан и приобрел авторитет среди местного духовенства. Свидетельство тому – избрание его уже в 1882 году депутатом сначала на окружной съезд духовенства, а с 1883 году – и на епархиальный (где он был избран председателем). В том же 1883 году священник Богоявленский становится благочинным 1-го Козловского городского округа. На этой должности сполна проявились основные черты его характера: «необыкновенная выдержка всех действий и поступков». Занимая эту административную должность (а впоследствии и как настоятель прихода), он «никого не затронул, никого не обидел, со всеми был ровен, в обращении со всеми одинаково приветлив, ко всем благожелателен».

Деятельность священника Богоявленского как благочинного положительно отразилась на жизни козловских приходов. Да иначе и быть не могло: отец Василий всегда неуклонно шел к намеченной цели, твердо, но мягко осаживая непокорных, завоеывая расположение людей только любовью. Это был его принцип: любовь побеждает все. И ему он был верен до конца своей жизни.

Видимым знаком того, что церковно-приходская жизнь в Козлове наладилась, стало создание 24 апреля 1883 года братства при кладбищенской Крестовоздвиженской церкви. Для города таких масштабов, как Козлов, создание братства стало делом историческим, ничего подобного прежде не было. В одном благородном деле соединились силы прихожан и духовенства. Несмотря на трудности первых лет существования, братство смогло выжить и впоследствии занимало одно из почетных мест в ряду подобных учреждений епархии.

Первым председателем братства был единогласно избран отец Василий Богоявленский, который много сил и энергии положил на

организацию его деятельности. Он не раз с амвона убеждал прихожан участвовать в деле братства, доказывая, почему именно такой тип благотворительности наиболее предпочтителен. В своей проповеди, сказанной в соборе 22 июня 1884 года, священник указывал на то, что при частной благотворительности: «С каждым годом все более и более открывается злоупотреблений, потому что под личиной бедности сплошь и рядом гнездится тунеядство, леность, пьянство». Поэтому, подавая милостыню, человек только наполовину исполняет заповедь Христову: «А вопрос об удовлетворении нуждающейся массы нищенствующих остается неразрешенным». По сути, идеи, изложенные отцом Василием в 1884 году, лежат в основе социальной политики любого современного государства. Но тогда такие мысли и такой взгляд на благотворительность для многих был внове.

В 1884 году отец Василий на общем собрании братства отказался быть повторно его председателем. Связано это, прежде всего, с назначением его с 3 сентября 1883 года настоятелем Козловской Троицкой церкви на место священника Ивана Знаменского (перешедшего в собор на место отца Василия)¹². В связи с этим «наличными членами Братства единогласно заявлено искреннее сожаление».

Переход в Троицкую церковь осуществился по личному желанию священника, согласно собственному прошению, «движимый жаждой самостоятельной деятельности как глава прихода». Именно здесь он мог в полной мере реализовать свои планы и идеи как пастырь.

Отец Василий, став настоятелем, обратил, прежде всего, свое внимание на богослужение. Сам он его совершал «чинно, стройно и благоговейно... Церковные службы устраивались самым торжественным образом». Он завел обычай, чтобы настоятель церкви или старший священник совершал позднюю торжественную Литургию. Жители города особенно любили такие службы, потому что они проводились именно отцом Василием, которого горожане искренне любили, чувствуя в нем настоящего пастыря. Привлекал он людей и своими проповедями.

¹² Кученкова В. А., Сухоруков Н.М. Пострадавший за веру Христову. Тамбов, 2000. С. 38.

Более двух лет настоятельством отец Василий в Троицкой церкви и мог бы и дальше находиться на этом поприще, но Бог судил иначе: ему был уготован иной путь.

Мы уже писали о том, что горячо любимая жена отца Василия, Александра Васильевна, страдала каким-то тяжелым недугом, мучившим ее со дня свадьбы в течение 10 лет. И вот осенью 1885 года наступила развязка – жена умерла. Тяжело воспринял этот удар отец Василий, но перенес стойко, твердо уповая на Бога и только в Нем находя утешение. Осень и часть зимы священник еще служил в Троицкой церкви, по-видимому, много думал над новым своим положением, но ясно осознавал, что смерть жены – Божие указание дальнейшего пути. Наконец он решил принять монашество.

Указ о возведении в сан архимандрита от Святейшего Синода последовал 6 января 1886 года «8 февраля 1886 года, в субботу, за всенощной, в архиерейской Крестовой церкви, пострижен священник Троицкой церкви г. Козлова Вас. Богоявленский, 9 февраля возведен в сан архимандрита», – было написано об этом событии в местных епархиальных ведомостях¹³. Постриг совершал епископ Тамбовский и Шацкий Виталий (впоследствии Калужский). Отец Василий получил новое монашеское имя – Владимир и был назначен настоятелем Козловского Троицкого мужского монастыря.

Козловский монастырь был небольшим, тихим уголком, приютом и местом успокоения для скорбящей души. Количество его братии к 1886 году достигало не более 16 человек.

Указ о назначении отца Владимира (Богоявленского) настоятелем монастыря исполняющий должность настоятеля иеромонах Иосиф получил 21 января 1886 года. Архимандрит Владимир приступил к исполнению своих обязанностей в начале февраля. Во время первых же богослужений он обратил внимание на необходимость замены старой церковной утвари и 3 апреля просил Консисторию разрешить старую продать, а на вырученные деньги купить новую, что и было исполнено.

С начала сельскохозяйственного сезона появилась еще одна забота: найти, кому можно было бы сдать в аренду монастырскую землю. Раньше ее всегда сдавали с торгов. Это было менее хлопотно, но не всегда выгодно, так как арендаторы неисправно платили

¹³ ТЕВ, 1886. № 5. С. 217.

и могли проживать даже в другой губернии. Архимандрит Владимир решил сдавать землю хозяйственным способом: самому искать арендатора и договариваться с ним о конкретных условиях аренды.

Летом на короткое время отец архимандрит по делам обители ездил в Москву (с 10 по 16 июня).

21 сентября 1886 года состоялось освящение вновь отремонтированного Троицкого храма – значительное событие в истории обители (ремонт его начался еще при прежних настоятелях).

6 октября 1886 года последовал указ Священного Синода о назначении архимандрита Владимира (Богоявленского) настоятелем Новгородского Антониева монастыря. В конце октября 1886 года отец Владимир покинул Козловский монастырь.

Итак, 38 лет жизни остались позади, впереди было еще 22 года, полные скорби, страданий, терпения и труда.

Протоиерей Виктор Лисюнин,
проректор Тамбовской духовной семинарии,
заведующий Отделом по делам молодежи,
культуры и паломничества Тамбовской епархии,
кандидат исторических наук

**Роль православного духовенства в развитии
системы народного образования
в конце XIX – начале XX века
(на примере Тамбовской епархии)**

Негативно оценивая последствия либеральных реформ 1860-х годов, обер-прокурор К.П. Победоносцев задачу народного образования формулировал так: «Уберечь народ от губительной заразы нелепых, возмутительных учений можно только посредством церкви и школы, тесно связанной с церковью»¹. Концепция Победоносцева была поддержана Правилами о церковно-приходских школах 1884 года, призывавшими воспитывать народ в духе православного учения, христианской нравственности и давать полезные первоначальные знания. Так сформировалось смешение образовательной и воспитательной задач, которое Тамбовский архиепископ Иннокентий (Беляев) (1903–1910) характеризовал как «двойственность», вносящую «страшный разлад... борьбу за перевес или светского, или духовного влияния». Как отмечал Владыка: «В последнее время, кажется, перевес решительно на стороне первого...»².

Политика государства в отношении образования в конце XIX – начале XX века менялась, отсутствие преемственности усиливало социальное напряжение в обществе. Основной образовательной структурой были земские школы, дававшие преимущественно светское образование, а учительские кадры в них составляли «интеллигенты-демократы». Церковь не могла в этой ситуации остаться в стороне. Хотя развитие церковно-приходских школ началось

¹ Веселовский Б. История земств. СПб., 1911. Т. 3. С. 272.

² Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Ч. 2. С. 450.

позже, но, благодаря политике К.П. Победоносцева, после утверждения Правил о церковно-приходских школах 13 июня 1884 года Церковь стала получать средства из казны на содержание духовного образования, а школьное управление включалось в общую систему церковного управления³. Земства отнеслись к этой идее с пониманием, тем более, что вопросы народного образования требовали очень больших затрат. После 1884 года земства частично передают свои школы церковному ведомству. Ввиду событий 1905 года усиление просветительской позиции духовенства стало государственной политикой⁴. Николай II Манифестом от 9 июля 1906 года поставил просвещение народа на уровень перво-степенной задачи.

Проблема ликвидации безграмотности в Тамбовской губернии была особенно актуальной. По данным переписи 1897 года, только 16,7% населения было грамотным. Среди 20 губерний, где производились подсчеты, Тамбовская губерния занимала 17-е место⁵.

Понимая, что престиж церковного образования зависит от уровня преподавания, духовенство направляет усилия на усовершенствование его в церковных училищах и семинарии. Количество духовных школ, как в Тамбовской епархии, так и в России в целом росло, что создавало проблему качества подготовки церковных кадров. Почти в каждой епархии существовали семинарии, в 1900 году насчитывалось духовных училищ – 187, семинарий – 58, академий – 4. Необходимость дать образование ложилась тяжким бременем на многодетные семьи духовенства и церковнослужителей, за счет казны учились лишь в Академиях, большинство семинаристов и учащихся училищ содержались «своекоштно». К сожалению, популярная идея церковно-государственного союза государством в достаточной мере не обеспечивалась материально⁶.

³ Правила о церковно-приходских школах. СПб., 1885.

⁴ Из доклада гр. Уварова в Госсовете 26 янв. 1912 г. // Прибавление к Церковным Ведомостям. 1912. Ч. 1. № 8. С. 298–302.

⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи. СПб., 1897. Т. 17. С. 13, 14.

⁶ Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Св. Синода. СПб., 1910. С. 23; СПб., 1914. С. 25; Духовно-учебные заведения ведомства Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1899.

В Тамбовской губернии существовали различные типы церковных школьных учреждений: 1. Церковные школы (2-классные, 1-классные, школы грамоты, воскресные); 2. Духовные училища; 3. Духовная семинария. В ведении Епархиального училищного совета на 1905 год состояло 1170 церковных школ (одноклассные – более 85%), одна из которых находилась в Касимовском уезде Рязанской губернии, в том числе 105 мужских, 174 женских, 872 смешанных. 459 школ имели квартиры для учителей. В течение 1897–1902 годов появилось 379 новых школьных помещений⁷.

На 1908 год образовательный уровень тамбовского духовенства выглядел так: священники с академическим образованием – 16; священники с семинарским образованием – 1296; священники, не окончившие семинарию, – 117; священник с университетским образованием – 1. По уровню образования священники обгоняли дворянство, поскольку это составляло профессиональное требование⁸. Образовательный статус духовенства выглядел особенно выразительно на фоне общей малограмотности населения.

В подавляющем большинстве уровень образованности священников Тамбовской епархии рос вместе с успехами образования в России. К 1914 году из 77 протоиереев 76 имели богословское образование, 1 – философское; из 919 священников 751 имели богословское, 152 – философское образование и только 16 не имели его вовсе. Ниже был этот уровень у диаконов, где 125 человек из 347 не имели образования, и у псаломщиков – 222 из 7209.

В то же время предъявляемое государством требование к духовенству об обязательном обучении своих детей оказывалось для многих обременительным, а то и непосильным, о чем свидетельствуют данные благочинных за 1914 год. Если до 7 лет за белым духовенством числилось 2985 детей, то после 7 лет числилось 1397

⁷ ТЕВ, 1905. № 50–51; Левочкин А. Краткий исторический очерк Церковно-школьного дела в Тамбовской губернии. (Библиотека музея народного образования в Тамбовском крае.) Б.г.; Сборник-календарь ТГ на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 327–343; Ведомости Тамбовского епархиального училищного совета о церковных школах // ТЕВ, 1906. № 27 (н). С. 515; Там же, 1908. № 49 С. 929–930; Там же, 1909. № 24. С. 351–352; Там же, 1910. № 21. С. 399–400; Там же, 1911. № 28. Прилож. С. 1–2; Там же, 1913. № 27. С. 718–719; Там же, 1914. № 19. С. 614–615; ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1926. Л. 185, 471, 472.

⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2092. Л. 16–75; С. Freze G.L. (ed.) From Supplication to Revolution: Documentary Social History of Imperial Russia. New York, 1988. P. 455.

⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2179.

нигде не обучающихся детей, т.е. около $\frac{1}{3}$ детей духовенства оставалось на уровне домашнего образования и приходской школы. На устранение этой проблемы нужны были средства, которыми духовенство не располагало.

Хотя духовенство, занятое в системе народного образования, имело достаточно высокий образовательный уровень, однако резкое увеличение числа приходов вело к дефициту кадров и постоянному увеличению процента клира, не имевшего богословского образования¹⁰. В то же время некоторыми благочинными наличие специального образования «по старинке» считалось необязательным и даже вредным.

Эффективной формой приведения духовенства в соответствие с современными задачами признавалось самообразование. В круг чтения священника входили и светские журналы, доказывая осознание необходимости расширения информационной базы. Благочинные отмечали, что «отсутствие средств на приобретение хороших библиотек и выписку духовной и светской литературы мешает многим из духовных лиц возможности серьезно заниматься самообразованием»¹¹.

Ежегодно Епархиальный училищный совет организовывал педагогические курсы для учителей церковно-приходских школ при Тамбовской духовной семинарии, оплачивая обучение 8–9-ти учителей от каждого уезда из средств епархиального совета, 5-ти – из средств уездных училищных советов. Проводились занятия по школьной дидактике и гигиене¹².

Церковноприходская школа, а также система подготовки учительских кадров для нее носила всесловный характер. На 1904 год в учительских школах, организованных в уездах Тамбовской губернии, учились 680 крестьян, 138 мещан, 10 купцов, 31 чиновник, 92 представителя духовенства, 16 дворян, 17 почетных граждан. Большинство (81%) проживали в общежитиях, малоимущим назначалась стипендия. Штатные учителя двухклассных школ были исключительно светские, «Закон Божий» и «Историю Церкви» преподавали представители клира. Хотя образовательный ценз учащихся в двухклассных школах был средним (из 45 уча-

¹⁰ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2092. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 59.

¹² Отчет ТУС за 1896–1897 год. Тамбов, 1898.

щихся в 15 школах высшее образование имели 2, среднее – 36, со званием учителя училища – 1, со званием учителя приходской школы – 6), однако их силами обучалось 985 будущих народных учителей¹³.

Участие духовенства в системе народного образования еще больше активизировалось после выхода закона 3 мая 1908 года о постепенном (в течение 10 лет) введении всеобщего обязательного начального образования. На заседаниях думской комиссии по народному образованию большинство высказывалось против льгот и привилегий приходских школ: интересы Церкви защищали правые, националисты; против выступали кадеты, социал-демократы и октябристы¹⁴. Показательно, что большинство правящих архиереев в «Отзывах» 1905 года предлагали увеличить количество часов на преподавание естественных и гуманитарных наук в духовной школе. Это рассматривалось как средство достижения стратегической цели: «образовать просвещенных священнослужителей, способных дать себе ясный отчет в современных течениях мысли и жизни и обладающих живым православным христианским убеждением»¹⁵.

Особой заботой Тамбовского училищного совета было состояние школьных помещений и библиотек, наличие учебной литературы. В год советом организовывалось 1112 инспекционных посещений. Из 1170 церковно-приходских школ в 1905 году 1006 имели библиотеки с более чем 151 тысяча книг, или в среднем 5 учебников на одного ученика. Все школы снабжались бесплатными учебниками и учебными пособиями из епархиального училищного совета и его уездных отделений. В 1914 году в Тамбовской губернии действовали 592 народные библиотеки, из которых 113 принадлежали духовенству. Религиозная литература в них составляла 39%, художественная – 25%, научная – 17%, книг по истории в церковных библиотеках было даже больше, чем в земских¹⁶. Обучение детей

¹³ ТЕВ, 1904. №№ 50–51. С. 1565, 1172–1175.

¹⁴ Прибавление к Церковным Ведомостям. 02.01.1910.

¹⁵ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Ч. 2. С. 18, 20–21, 450–460.

¹⁶ Смолич И.К. История русской церкви. 1700–1917. В 2 ч. М., 1996–1997. Ч. 2. С. 113–115; Черменский П.Н. От крепостного права к октябрю в Тамбовской губернии. Очерк экономики и культуры пореформенного периода. 1861–1917 гг. Тамбов, 1928. С. 93–95.

в приходских школах было вполне толерантным, так как духовенство к обучению допускало раскольников, сектантов, католиков, протестантов, иудеев и магометан. Из 63 952 обучающихся в приходских школах на 1905 году 553 – инославцы и иноверцы.

Епархиальное руководство учитывало растущее количественно участие духовенства в школах Министерства народного просвещения. «В 1909 году законоучителями в учебных заведениях, подведомственных дирекции народных училищ и училищным советам Тамбовской губернии, состояло 898 лиц духовного звания, из них было протоиереев 15, священников 860, диаконов 11 и псаломщиков 12... Обязанности законоучительства и учительства духовенством велись оживленно и с усердием»¹⁷.

Содержание системы образования требовало больших финансовых вливаний государства и местных общественных организаций. Введение бесплатной системы обучения в церковно-приходских школах потребовало значительных ассигнований и постоянного их увеличения. С 1896 по 1903 год их содержание увеличилось в 25 раз. Духовенство являло собой основной источник финансирования. Монастыри, миссионерские братства, приходские попечительства отчислили на содержание церковных школ в 1904 году почти 78 тысяч рублей, что фактически составило половину из общей суммы ассигнования¹⁸.

Тема образования всегда была среди наиболее обсуждаемых в обществе проблем. Вопросы всеобщего обучения и статуса народного учителя стали особенно популярны в 1895–1903 годы в либеральной прессе, с которой консервативные издания вели скрытую полемику. Пресса реально влияла на формирование общественного мнения. Современники давали противоречивые оценки главному поставщику пастырских кадров – духовной семинарии.

Добрый примером является то, что из стен Тамбовской духовной семинарии вышло целое поколение священников Сладкопевцевых, член IV Думы М.Ф. Лачинов, протопресвитер военного

¹⁷ Ведомости Тамбовского епархиального училищного совета о церковных школах // ТЕВ, 1906. № 27. (н). С. 515; Там же, 1908. № 49. С. 929–930; Там же, 1909. № 24. С. 351–352; Там же, 1910. № 21. С. 399–400; Там же, 1911. № 28. Прилож. С. 1–2; Там же, 1913. № 27. С. 718–719; Там же, 1914. № 19. С. 614–615.

¹⁸ Черменский И.Н. Прошлое Тамбовского края. Воронеж, 1961. С. 138–139; Отчет ТУС за 1896–1897 год. Тамбов, 1898; Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. С. 327.

и морского духовенства Е.П. Аквилонов, митрополиты Антоний (Вадковский), священномученик Владимир (Богоявленский), Анастасий (Грибановский), Оптинский старец преподобный Амвросий (Гренков), фольклорист Н.Я. Аристов, автор «Истории христианской Церкви» П.И. Малицкий, краеведы И.И. Дубасов, протоиерей Георгий Хитров и протоиерей Стефан Березнеговский, писатель А.И. Левитов¹⁹. Однако были и негативные оценки семинарского образования, высказанные в мемуарах «Записки протоиерея Певницкого» и пр. В ответ на мемуары протоиерея Певницкого в рецензии, опубликованной в Тамбовских губернских ведомостях, отмечалось, что «в эпоху протоиереев Певницкого и Москвина в Тамбовской духовной семинарии не было даровитых учителей, но, тем не менее, об них нельзя сказать: были они из рук вон плохими учителями. Все они делали свое дело тихо, скромно, добросовестно». Были в ту эпоху и выдающиеся лица, но они не всегда могли проявить себя с надлежащей пользой по независящим от них обстоятельствам²⁰.

Еще критичнее о семинарии отозвался тамбовский корреспондент В. Крюковский, опубликовавший очерк «Около бурсы». Закончив ее в числе лучших учеников, Крюковский избрал светскую карьеру. С теплотой вспоминал он бесплатную школу для крестьянских детей, организованную в доме его отца – священника. Спустя 35 лет он вернулся в родное село, где, к его удивлению, соперничали две школы – церковноприходская и земская. «С грустью узнал, что между школами существует антагонизм. Как будто две соседние лавочки, соперничающие в торговле одним и тем же товаром!»²¹.

Такое противостояние на рубеже двух веков было не случайным. Монополия государства на образование подтачивалась правыми и левыми либералами и радикалами. Они стремились резко модернизировать общество, в большей степени на западный манер, пусть даже путем утраты своей национальной идентичности и государственности, попирая многие культурные традиции и исто-

¹⁹ ГАТО. Ф. 186; *Нечаев А.* Очерки из истории Тамбовской церкви. СПб., 1908; Березнеговский С. Тамбовская духовная семинария // ИТУАК, 1913. Вып. 55.

²⁰ Из истории Тамбовской семинарии. (Несколько слов по поводу статьи: протоиерей А. Москвин.) // Тамбовские губернские ведомости, 1897. № 173. С. 1513–1521.

²¹ *Крюковский В.* Около бурсы // Русская старина, 1910. Т. 144. Кн. 10. С. 66.

рический уклад. В этой связи церковной школе, стоявшей на основах традиционного духовно-нравственного воспитания, противопоставлялась земская школа, ориентированная на рационализм и практицизм. Наиболее радикальное, левое, крыло предлагало вовсе закрыть школы, не отвечающие его критериям эффективности. Таковыми, по их мнению, оказывались приходские школы и школы грамоты. Однако по вопросам образования борьба мнений не приняла форму антиправительственных и антиклерикальных выступлений. Немалая заслуга в этом принадлежит именно Церкви, которая, несмотря на ожесточенную критику либеральной общественности, пыталась сохранить мир в стенах учебных заведений и часто себе во вред, не отвечая на антагонизм оппонентов, тихо, без лишних слов выполняла свой просветительский долг перед государством и народом.

Изменение общественной среды, падение нравов, доминирование материальных и меркантильных интересов над нравственными привело к тому, что в начале XX века светское образование стало более приоритетным в сравнении с духовным. Адаптируясь в быстро меняющейся среде, к светскому образованию отчасти стремилось и духовенство, чьи дети, к сожалению, часто поступали в семинарии из-за дешевизны обучения с тем, чтобы затем пойти в университет. В Тамбовской духовной семинарии в 1903/1904 учебном году обучалось 614 человек, из них 518 – из духовного сословия. Из выпускников семинарий меньше половины оставалось «на церковном деле», да и те не всегда самые способные²². Об этом свидетельствует и участие некоторых семинаристов в смуте 1905–1907 годов. Однако это не говорит о радикализации всего духовенства, так как такие семинаристы ни клириками, ни священниками не были, а их пребывание в семинарии в итоге оказывалось случайным.

Реформирование церковной школы являлось попыткой компромисса между запросом нового поколения духовного сословия и системой обучения. Эта проблема обсуждалась на первом пастырском собрании духовенства Тамбовской епархии 15–17 января

²² Определения Святейшего Синода // ТЕВ, 1906. № 2. С. 32–37; Извлечения из годичных отчетов о состоянии духовных семинарий за 1903–1904 уч. гг. // Церковные ведомости, 1905. № 33. С. 399; Феодор (Поздеевский), архим. Что желать для нашей духовной школы? // ТЕВ, 1905. № 21. С. 938.

1906 года. Суммируя высказанные суждения по поводу реформы духовно-учебных заведений, архиепископ Иннокентий (Беляев) оценил их состояние как неудовлетворительное, согласясь, что духовная семинария и училища должны составлять одно среднее учебное заведение с 7- или 8-летним учебным курсом и программой не меньшею, чем в светских средних учебных заведениях. Такая семинария или духовная гимназия должна быть всесословной и содержаться на средства казны. Должность ректора семинарии предлагалось сделать выборной, а инспекцию духовной гимназии дополнить воспитателями. «Вообще же начальники, воспитатели и преподаватели должны быть людьми строго церковной настроенности и высокой нравственности»²³.

По ряду показателей церковная система начального образования уступала земской школе, однако это было обусловлено тем, что Церкви приходилось, опираясь часто только на энтузиазм клириков и некоторых прихожан, безвозмездно содержать целую систему общедоступного начального образования. Об этом свидетельствуют многие факты. Хотя обучение в церковно-приходской школе длилось 2 года, а в земской – 3, в то же время средний бюджет земской школы составлял 507 рублей в год, приходской школы – только 123 рубля; на одного ученика в земской школе приходилось – 7 рублей 78 копеек, в приходской – 2 рубля 72 копейки. Даже если качество обучения в церковно-приходских школах было невысоким, как старались это представить либеральные критики, то все же оно было самым доступным. Земская школа была платной и обучала часто детей именно более зажиточной части населения, малоимущие в основном учились в церковно-приходской школе. К 1885 году земская школа охватила только $\frac{1}{5}$ населения Тамбовской губернии (699 школы и 44 700 учащихся): в 1867 году имелись 253 земские школы, в 1875 – 516 школ. Но церковно-приходских школ уже в 1894 году насчитывалось 1014, в 1905 – 1170; тогда как число земских школ сократилось до 621²⁴.

Духовенство и светское учительство, выполняя общую функцию образования, просвещения, воспитания, к сожалению, не

²³ ТЕВ, 1906. № 9. С. 156–158; Там же, 1908. № 1 (н). С. 4351.

²⁴ Левочский А. Краткий исторический очерк Церковношкольного дела в Тамбовской губернии; Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 327–343.

стали союзниками и зачастую воспринимались как политические оппоненты. За сохранение приоритетов Церкви в народном образовании выступали консерваторы. Рационалистический элемент, присущий индустриальному, технократическому обществу, приносился в этом случае в жертву религиозно-нравственному началу. Плохое преподавание дисциплин естественно-научного цикла в церковной системе образования, в этом смысле, не было случайным, чтобы не позволить через эти дисциплины обеспечить соответствующими кадрами процесс модернизации, так разительно сказывавшегося на падении нравов в обществе²⁵.

Тамбовское духовенство активно участвовало в развитии народного образования, подготовке профессиональных церковных кадров, религиозном и нравственном воспитании. Вместе с тем светское образование, поддержанное мощным процессом модернизации, вытесняло его не только в земских, но церковно-приходских школах, проникало в духовные семинарии, академии, в повседневную церковную практику. Политика государственного консерватизма порождала использование формальных, схоластических приемов и методов. В связи с тем, что государство зачастую проводило политику в сфере народного образования формальными методами, требуя от Церкви быстрой отдачи и видимых результатов, при этом, не способствуя ее социальному благополучию и мобильности, низкий педагогический уровень преподавателей компрометировал дисциплины религиозного цикла. В то же время к концу XIX века общественная активность Церкви возрастает, так как стало очевидным, что европейские модели образования не гарантируют гармонии информационного и духовного компонента образования. В этой ситуации государство вынуждено было обратиться «к семье, взывая к нравственным силам общества, в этом случае, на помощь Государству приходит Церковь, которая воспитывает каждую индивидуальную волю, располагая системой воспитательных и нравственно-оздоровительных средств, накопленных веками»²⁶.

²⁵ Чуткерашвили Е.В. Кадры для науки. М., 1968. С. 35–59; Мягкова К.А. О положении народных учителей. СПб., 1905.

²⁶ Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 125.

Священник Иоанн Сутормин,
выпускник Тамбовской духовной семинарии

**Образование и социальное обеспечение
сельского духовенства в XIX веке
(по материалам сельских храмов
Гавриловского района Тамбовской области)***

Храмы до революции были построены в следующих селах района: Вельможино, Гавриловка-1, Гавриловка-2 (ныне районный центр), Булгаково, Булыгино, Глуховка, Гусевка, Димитриевка, Космодемианская Ира, Осиновый Гай, Поляково, Софьино.

В XIX веке духовное сословие было замкнутым. Проанализировав клировые ведомости, мы убедились, что все члены клиров были сыновьями священно- или церковнослужителей, а их сыновья учились в духовных учебных заведениях. В начале своей карьеры многие выпускники духовных училищ и семинарии часто переводились из одного прихода в другой, а многодетные, как правило, надолго оседали в одном приходе.

В клировой ведомости Богоявленской церкви села Пересыпкино за 1862 год содержатся сведения о штате¹. Принадлежность к духовному сословию определяла наследственность профессиональной принадлежности к церкви. Но судьбы складывались по-разному. Должность отца не обеспечивала сыну благополучного продвижения. Важную роль играло образование. Многие начинали его в духовном училище и семинарии. Но не все оканчивали полный курс. «Недочкам» приходилось довольствоваться низшими чинами. Приведем сведения о штате храма села Пересыпкино на период 1862 года.

Священник Елиозар Федотович Соколов был сыном диакона, получил семинарское образование и начал свое служение в Богословской церкви села Гремячки в 1833 году. По документам он

* В статье излагаются сведения о сельских храмах, расположенных в границах современного нам Гавриловского района, тогда как по старому, дореволюционному административно-территориальному делению он входил в Кирсановский уезд. Административно-территориальные границы менялись также и позже. Привязка исследования к современным границам объясняется особенностями методики краеведческой работы, которую провели школьники и прихожане.

¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1763. Л. 1–6 об.

предстает человеком незаурядным. В 1835 году Соколов был переведен в с. Пощелкино и только в 1835 – в Пересыпкино. Его усердие по обращению сектантов в православную веру было замечено: в 1836 году он был определен духовником; в 1841-м – награжден набедренником; в 1843-м – назначен наставником сельского приходского училища; в 1847-м – награжден фиолетовой скуфьею; в 1855-м – за усердную службу получил благословение от Святейшего Синода; в 1857-м – назначен благочинным, чуть позже награжден крестом. Соколов был хорошим благочинным, и его усердие в этой должности было отмечено Архипастырским Благословением от Преосвященнейшего Макария. В 1861 году последовало награждение камилавкой. В 1862 году Соколову исполнилось 53 года, из которых 30 лет он находился в службе. Двадцатилетний сын Соколова в тот период учился в семинарии; старшая дочь была замужем; младшая, семилетняя, училась читать.

Второй священник Богоявленской церкви села Пересыпкино Яков Гаврилович Пересыпкинский, сын пономаря, был на 20 лет моложе Соколова. Он окончил семинарию и начал свой трудовой путь с педагогической деятельности – работал наставником в нескольких сельских училищах и только потом был рукоположен в сан.

Ровесник Соколова диакон Алексей Давыдов был сыном дьячка, в свое время исключенным из среднего класса Тамбовской духовной семинарии. В 1833 году он был посвящен в диаконы в селе Пересыпкино и остался на всю жизнь в этом чине без наград. В 1862 году его 16-летний сын учился в духовном училище; 18-летняя дочь была не замужем.

Дьячок той же церкви Иван Андреев, сын дьячка, был исключен из шестого класса Тамбовского духовного училища, поэтому удостоился только низшей должности. Зато свою дочь он начал учить грамоте с шести лет.

Другой дьячок Богоявленской церкви села Пересыпкино Антоний Гаврилов был сыном диакона. Он одолел всего два класса духовного училища и в 68 лет оставался в низшем чине.

Пономарь Иван Иванов, сын священника, несмотря на самый солидный в этом клире возраст, пребывал в столь невысокой должности из-за когда-то полученной судимости. Вторым пономарем Петр Петров, сын пономаря, был исключен из высшего класса Тамбовского духовного училища.

Таким образом, на примере штата Богоявленской церкви села Пересыпкино можно видеть, что в получении церковнослужителями чинов большую роль играло образование.

К таким же выводам мы пришли, анализируя и штат Архангельской церкви того же села Пересыпкино. Для сына дьячка Иоанна Максимова Касаткина семинарское образование открыло путь к священству, послужив своего рода «социальным лифтом»². Однако для того, чтобы этим «лифтом» воспользоваться, выпускнику семинарии требовалась вакансия. А она открывалась не всегда. Поэтому встречались случаи, когда выпускник на какое-то время возвращался к родителям. Такая ситуация к 1862 году сложилась в селе Гавриловка. Со священником Лукой Лебедевым, которому в то время исполнился 51 год, жил его 22-летний сын Алексей, уже окончивший семинарию.

В жизни церковнослужителей случалось и понижение в должности. Например, в Знаменской церкви села Осиновый Гай должность причетника исполнял диакон Андрей Львов, который ранее был судим (но информацию о преступлении мы не обнаружили)³.

Иногда членов клира выводили за штат. В Осиновых Гаях за штатом находился 49-летний вдовый диакон Василий Васильев, имевший судимость⁴.

Семьи духовенства в основном состояли из родителей и неженатых детей. Дочери выходили замуж, как правило, к 20 годам. Если девушки оставались в семье долго, то обычно они считались физически или интеллектуально негодными для замужества. Например, в селе Гавриловка дочь священника Луки Гаврилова Лебедева Елена, 26-ти лет, названа глухонемой⁵. Но встречались ситуации, когда один из престарелых родителей оказывался на попечении детей. Подобные обстоятельства сложились в 1840 году у 22-летнего священника Покровской церкви села Гавриловка Луки Гавриловича Лебедева. С ним жил отец Гавриил Давыдов, до этого служивший в селе Пересыпкино.

В 1840 году в селе Осиновый Гай дьячок Знаменской церкви Георгий Ефимович Воскресенский назван двоеженцем. Разобраться

² ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1763. Л. 11 об.

³ Там же. Д. 1141. Л. 4 об.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 1763. Л. 28.

в его семейной истории трудно. В клировую ведомость вписана первая жена с тремя его старшими детьми; вторая жена не вписана, но трое ее малышей значатся с отцом. Однако подобный случай единственный, встреченный нами в исследованных клировых ведомостях⁶.

Архивные документы начала XX века отразили добросовестное служение священника Богоявленского собора села Пересыпкино Дмитрия Соколова⁷. Он был избран на место благочинного второго Кирсановского благочиннического округа, следовательно, пользовался высоким доверием епархиальной администрации и имел авторитет среди священников своего округа. Составленные им рапорты, ведомости и отчеты свидетельствуют о том, что он хорошо знал своих прихожан, был аккуратным и исполнительным в исполнении возлагаемых на него поручений, касавшихся как приходда, так и благочиния. Не случайно в 1904 году он был представлен к протоиерейству.

Благочинным первого Кирсановского округа в то же время был протоиерей Троицкой церкви села Глуховка Ксенофонт Смирнов. В 1904 году он был представлен к ордену Святого Владимира 4-й степени. Смирнов занимался организацией благотворительных сборов на армию во время русско-японской войны⁸. Священник села Гавриловки участвовал в этих сборах, в том числе лично пожертвовал немалую сумму – 18 рублей 75 копеек. К сожалению, имя этого пастыря в сохранившемся архивном документе не названо.

В 1904 году представлением к протоиерейству был представлен священник села Гремячка Дмитрий Соколов; к скуфье – священник села Булагино отец Николай; к набедреннику – священник села Пересыпкино Петр Архангельский и священник села Осиновый Гай Николай Спасский⁹.

Однако не все заслуживали наград. Встречаются и сведения о штрафах, судимостях и других наказаниях. Например, в клировой ведомости за 1840 год Покровской церкви села Глуховка записано: «Священник Василий Кириаков. Пономарский сын.

⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1141. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 2485, 2461.

⁸ Там же. Д. 2475. Л. 10.

⁹ Там же. Д. 2436. Л. 87, 103, 119 об., 127.

Из церковников. В 1803 году в Предтеченской церкви в селе Рогожки Елатомского уезда посвящен в стихарь и дьячка. В 1818 переведен в дом Его Преосвященства в том же звании. В 1820 в сей церкви посвящен в священника. Грамоту имеет. Находился под следствием в 1822 году в причинении будто бы им экономическому крестьянину Колину острижением брады и жене его боем обид, которых производство прекращено миром. Штрафован в 1825 году за уменьшение церковных доходов, общем причтом на вдов и сирот пятью рублями. В 1834 году находился под следствием и был запрещен в священнослужении в причинении им обид причетникам того села, за что штрафован и послан в монастырь на 6 месяцев. После возвращения из монастыря состоял под присмотром Благочинного»¹⁰.

При постановке на должность давалась специальная грамота. Утрата этого документа становилась предметом специального разбирательства. Например, в 1840 году в селе Рудовка дьячок лишился ставленной грамоты из-за пожара в доме¹¹.

Благочинные осуществляли надзор за духовенством округа. В 1839 году инспекционную поездку совершил благочинный Кирсановской округи села Васильевка иерей Авксентий Никольский¹². В рапорте он сообщил о беспорочном служении священников сел: Глуховки – Василия Кириакова, Коровщины – Алексея Иродионова, Нащеккино – Иоанна Николаева, Рудовки – Василия Семенова и заштатного Евфимия Васильева. Также хорошо служили диаконы сел: Соколово – Василий Федотов, Пересыпкино – Николай Григорьев, Космодемьянской Иры – Евдоким Стефанов.

Важным источником о служении были «Формулярные списки» духовенства¹³. Например, из «Формулярного списка» диакона села Гавриловка Павла Никитича Вознесенского за 1863 год мы узнали, что он имел неоконченное семинарское образование. Полный курс семинарии тогда был столь труден, что одолевали его далеко не все поступившие. Но даже неполное образование позволило сыну пономаря подняться по должности выше отца. Место службы менялось неоднократно. Вознесенский был посвящен в диаконы в селе Гремячка, потом переведен в Леонтьевку, затем возвращен в Гремяч-

¹⁰ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1141. Л. 25 об. – 26.

¹¹ Там же. Д. 1440. Л. 7.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 1778.

ку. Из Гремячки 31 октября 1858 года вместе со священником он был переведен в Покровскую церковь села Гавриловка.

Из архивной справки от 23 января 2006 года, хранящейся в Космодемиановском храме села Космодемиановка, мы узнали имена священнослужителей, служивших в 1917 году¹⁴. Приведем сведения о них.

Священник Дмитрий Александрович Крылов, сын священника, был выпускником полного курса Тамбовской духовной семинарии по второму разряду. После окончания семинарии с 1 сентября 1898 по 8 сентября 1899 года он был учителем в Пахотно-Угловской церковно-приходской школе; 8 сентября 1899 года епископом Тамбовским и Шацким был рукоположен в священника в Космодемиановском храме села Космодемиановская Ира. С того же времени он был поставлен законоучителем и заведующим местной церковной школы, а с 1 ноября 1912 года – законоучителем в земской школе. На шестнадцатом году службы священником, ко дню Святой Пасхи, Крылов был награжден набедренником, а также в память 25-летия церковно-приходской школы получил серебряную медаль. Он имел нагрудный знак в память 300-летия дома Романовых. У отца Дмитрия было шестеро детей.

Диакон того же храма, Николай Федорович Орлов, был сыном диакона, окончил полный курс Кирсановского уездного училища и получил свидетельство на звание учителя начального народного училища. С 1890 по 1898 год он был учителем в селах Кирсановского уезда: Красивке, Чернавке и Подвигаловке. С 8 ноября 1898 года семь лет Орлов служил псаломщиком Воскресенской церкви села Рудовка Кирсановского уезда. 6 марта 1905 года епископом Тамбовским и Шацким Иннокентием он был рукоположен в диакона Космодемиановского храма. С 1898 по 1911 год состоял учителем в церковно-приходской школе. Орлов имел серебряную медаль в память 25-летия церковно-приходской школы и нагрудный знак в честь 300-летия дома Романовых. В семье у него было шестеро детей, а также состояла на воспитании сирота племянника Гавриила Орлова.

Социальное обеспечение духовенства в 1800–1917 годы было несовершенным. Обеспечение пенсиями престарелых и больных

¹⁴ Архивная справка от 23.01.2006 г. № 3936/09. Хранится в Космодемиановском храме.

священно- и церковнослужителей в начале XX века осуществлялось за счет сборов с причтов. Платили их все, находившиеся при должности. Средства в казну перечислялись через губернское казначейство. Судя по рапорту благочинного 2-го Кирсановского округа за 1904 год, перечисления делались дважды в год¹⁵. Каждый раз отчисляли 2% от дохода. В Пересыпкино в 1904 году эта сумма составляла 131 рубль в полгода. В масштабах всей епархии собираемые на пенсии средства исчислялись 5000 рублями каждые полгода¹⁶. Это небольшая сумма, если учитывать количество нуждавшихся в получении пенсии стариков, выведенных за штат, и вдов. Испрашивать на епархию сумму сверх собранной не полагалось. Приходилось делить только эти сборы.

Сельское духовенство обеспечивало семьи церковнослужителей необходимыми продуктами питания, добытыми собственным трудом на земле. Но земли этой всегда не хватало. Например, в селе Пересыпкино при Богоявленской церкви усадебной земли было 4 десятины, а пашенной и сенокосной – 66 десятин, т. е. на одну семью священно- и церковнослужителя приходилось меньше 10 десятин, что было недостаточно для эффективного ведения хозяйства. Даже свои деревянные дома им пришлось поставить на крестьянской земле, чтобы не занимать усадеб. У второй церкви того села, Архангельской, при усадебной земле при церкви насчитывалось 2 десятины, пашни и сенокосов – 3 десятины. Следовательно, материальное положение причта этой церкви было совершенно неудовлетворительным. 4 семьи, в которых было 19 человек, никак не могли прожить с трех десятин земли. Значит, они или арендовали, или покупали землю у крестьян. Составитель клировой ведомости отметил: «Постоянного оклада не получается. Содержание скудное»¹⁷. В крестьянских хозяйствах считалось нормальным положением, если не менее 5 десятин земли приходилось не на семью, а на каждую мужскую душу в семье. В семьях духовенства Архангельского храма было 12 мужских душ. Значит, по крестьянским нормам, они должны были иметь не три, а 60 десятин пашни и сенокосов. Скудным названо в клировых ведомостях и содержание причта Покровской церкви села Гавриловка¹⁸.

¹⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2461. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 102.

¹⁷ Там же. Д. 1763. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 28.

Духовенство заботилось о принадлежавшей им земле. Многие сельские священнослужители, кроме обработки пашни, занимались садоводством. Мы обнаружили уникальный документ в 1886 году о состоянии сада священника села Покровской Иры Александра Кармелицкого¹⁹. При переводе священника на новое место возникла проблема передачи усадьбы с садом преемнику. В данном случае возник конфликт, т. к. новый священник Петр Рождественский отказался заплатить за садовые посадки и начал распоряжаться фруктами по своему усмотрению. Спор рассматривался в благочинии и консистории. В итоге было подтверждено право собственности Кармелицкого на сад. В саду насчитывалось 15 яблонь, 150 кустов вишневого и несколько кустов ранних ягод. Владелец нес заметные расходы на покупку саженцев и дополнительной площади земли. При споре он оценил их в 50 рублей серебром, подчеркивая, что свои труды он не оценивает и не требует их денежной компенсации.

По воспоминаниям стариков, заставших первую половину XX века, мы знаем, что сады на усадьбах церковнослужителей часто были единственными в селе. Крестьяне степной части Тамбовской губернии садоводством не занимались. Члены семей священников меняли фрукты на другие продукты у крестьянок, а крестьянским малышам давали их бесплатно. Некоторые садоводы умели прививать на дички сортовые яблони и груши. А вот цветоводством духовенство занималось очень редко.

Православная церковь заботилась о повышении уровня образованности своих служителей и прихожан. Церковные библиотеки при сельских храмах были единственным источником книг и периодики для грамотных крестьян. Сохранился отчет 1903 года благочинного второго Кирсановского округа священника Дмитрия Соколова о церковных библиотеках²⁰. В этот округ входили и интересующие нас села. Всего в округе было 23 библиотеки при церквях и одна благочинническая в селе Ульяновка. На журналы и книги в 1903 году было потрачено 132 рубля 20 копеек. Причем шесть библиотек ограничились только подпиской на «Тамбовские епархиальные ведомости»; остальные – выписали еще от одного

¹⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2154.

²⁰ Там же. Д. 2403.

до восьми наименований литературы. Чаще всего это были журналы: «Тамбовские епархиальные ведомости», «Миссионерское обозрение», «Странник», «Воскресный день», «Пастырский собеседник», «Душеполезное чтение», «Русский паломник», «Христианское чтение», «Воскресный день», «Кормчий», «Проповеднический листок», «Отдых христиан» (в некоторые библиотеки они выписывались с приложениями).

В 1903 году «Библейскую энциклопедию» архимандрита Никифора выписали в библиотеку при Покровской церкви села Канди. Книги были выписаны в библиотеку при Архангельской церкви села Царевка. Это были «Толкование на Евангелие от Матфея» епископа Михаила, «Критический разбор чтения Л. Толстого «Царствие Бога внутри вас», «Богопознание и самосознание» о. И. Кронштадского, «Евангелие как основа жизни», «Христос Воскресе». Сейчас сложно сказать о том, почему предпочтение было отдано именно таким книгам. Вероятно, духовенство этого храма было более склонно к анализу христианской мысли того времени.

Стоимость подписки на один журнал в тот период составляла от 1 до 9 рублей в год. Книги стоили от 15 копеек до 5 рублей. Очень интересна информация о том, что в благочиннической библиотеке были потрачены 6 рублей на переписку книг. Следовательно, потребовались копии каких-то отсутствовавших в продаже изданий, а иных способов копирования печатного текста тогда не было. Значит, библиотекарь священник Дмитрий Яковлевич Алмазов следил за запросами читателей.

В клировых ведомостях церковью первого Кирсановского округа за 1916 год описана церковная школа села Новая Гавриловка²¹. О ней говорится: «Церковная школа помещается в доме собственном. На содержание ее отпускается от общества села Новой Гавриловки и деревни Кричаловки 45 рублей. В сем году в ней обучается 70 мальчиков и 43 девочки».

В приходе Старой Гавриловки значились две школы: земская и церковно-приходская. На содержание церковной школы выделяется 80 рублей; в ней обучались 77 мальчиков и 35 девочек²².

²¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2740. Л. 187–188 об.

²² Там же. Л. 194 об.

В 1917 году в приходе Космодемиановского храма было две школы: двухкомплектная смешанная и одноклассная церковно-приходская. Обе школы располагались на церковной площади. Церковная школа помещалась в собственном здании и находилась на полном церковном содержании. В 1917 году на школу было выделено 210 рублей. В ней обучались 60 мальчиков и 15 девочек²³. Это описание подтверждает встречающиеся в литературе выводы о росте престижа школьного образования детей среди крестьянства в конце XIX века. Постройка и содержание отдельного школьного помещения, обучение не только сыновей, но и дочерей доказывают положительное отношение родителей к школе. Несомненно, в этом заключалась заслуга и сельского духовенства.

²³ Архивная справка от 23.01.2006 г. № 3936/09. Хранится в Космодемиановском храме.

М.А. Климкова,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Сергей Александрович Рачинский и церковно-приходские школы

Читая наши педагогические руководства, прислушиваясь к толкам печати, беседуя о школах с представителями нашей интеллигенции, ...чувствуешь, что речь идет не о той сельской школе, в которой приходится нам трудиться, но о сельской школе вообще, о какой-то схеме, заимствованной из наблюдений над школами иностранными, преимущественно немецкими. Но та школа, которая возникает на наших глазах среди народа, глубоко отличающегося от всех прочих своим прошлым, своим религиозным и племенным характером, своим общественным составом, ...с этой схемой имеет очень мало общего.

С.А. Рачинский. «Сельская школа» (1881)

Идея обучения в России грамоте принадлежала императрице Екатерине II, которая в 1770 году составила первый проект устройства школ для мужского населения, однако на протяжении века он не был воплощен в жизнь. Лишь после 1860-х годов, когда было отменено крепостное право, проведены земская и городская реформы, появились реальные основы для развития народного образования. Всеобщее обучение стало первейшей задачей земства, столкнувшегося с множеством проблем: отсутствием государственного финансирования, учителей, помещений, программ, учебников. Но самое главное – не было единства во взглядах на то, каким должно быть образование и какие цели оно будет преследовать.

В тот период число школ быстро росло. Они имели разную направленность и ведомственное подчинение: школы министерства народного просвещения, земские, церковные, школы грамоты и др.

Идейным вдохновителем церковно-приходских школ стал Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) – ученый и педагог, своей биографией связанный с Тамбовским краем. Его мать, Варвара Аврамовна, которой он обязан воспитанием и начальным образованием, была сестрой поэта Е.А. Боратынского и выросла в усадьбе Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии¹.

Сергей Рачинский был сторонником церковно-приходских школ и Общества трезвости, что вызывало осторожное отношение к его деятельности перед революцией и после нее. До революции оно объяснялось либерализацией высшего общества, порой враждебно относившегося ко всему национальному, – как тогда казалось, устаревшему, отжившему, реакционному. Именно так воспринималось дело Рачинского, который распространению у революционеров-разночинцев «хождению в народ» противопоставил путь «слияния с народом», обратившись к традиционной для русского государства идее единства школы и Церкви.

В советский период наследие Рачинского тоже замалчивали. Ведь, помимо поддержки церковно-приходских школ, он был потомственным дворянином, помещиком, что заставляло задуматься об исключениях, существовавших в марксистско-ленинской теории о классе «угнетателей».

В то, что дворянин мог не только строить школы для крестьян, но и преподавать в них, живя и питаясь вместе с учениками, тратя на это большую часть своих доходов, было трудно поверить. Невозможно было представить, что ученики Рачинского могли читать и писать, петь по нотам, прекрасно рисовать, а также решать в уме сложнейшие примеры. Одно из таких занятий увековечено на живописном полотне Н.П. Богданова-Бельского «Устный счет. В народной школе С.А. Рачинского», которое хранится в Государственной Третьяковской галерее. Художник, присутствовавший на уроке, изобразил класс и в нем доску, на которой мелом начертан пример – сумма квадратов пяти двузначных чисел, разделенная на трехзначное число. Если Сергей Александрович сумел

¹ Подробнее см.: *Климкова М.А. «Край отеческий...»: История усадьбы Боратынских.* СПб., 2006; Ее же. *Духовные традиции рода Боратынских // Духовные традиции усадебной культуры рода Боратынских: Сб. материалов Всероссийского научного семинара.* Тамбов, 2005.

добиться со своими учениками такого удивительного результата в устном решении сложнейших задач, то опыт его школ, по сегодняшним меркам, бесценен.

Понять особенности школ Сергея Рачинского невозможно без обращения к традициям семьи, в которой он родился и вырос.

В усадьбе Мара Кирсановского уезда, принадлежавшей дворянам Боратынским, основы воспитательной системы были заложены матерью поэта Евгения Боратынского – Александрой Федоровной. Сергей Рачинский вспоминал о своей бабушке: «В ней благородство характера, доброта и нежность чувства соединялись с возвышенным умом и почти не женской энергией»².

С шести лет Александра Федоровна воспитывалась в институте благородных девиц при Смольном монастыре в Петербурге и являлась одной из лучших учениц своего выпуска. Это учебное заведение воплощало в жизнь идею его основательницы Екатерины II, которая хотела создать «новую породу людей» – улучшить человечество путем воспитания. Поэтому основное внимание в институте уделялось гуманитарным дисциплинам, формирующим сознание.

Окончив институт, Александра Федоровна стала любимой фрейлиной императрицы Марии Федоровны, которая умела ценить в людях достоинства.

Когда Александра вышла замуж за генерала Аврама (Абрама) Андреевича Боратынского и переехала в его тамбовское имение, то явила пример хорошей хозяйки дома и заботливой матери. Воспитание своих семерых детей (а потом и внуков) она строила на основах педагогической системы Смольного института – традиционных нравственных ценностях, доверительных отношениях, поощрениях, приобщении к искусству. Без этого не смогли бы раскрыться таланты ее дочерей и сыновей.

Александра Федоровна сама занималась с младшими детьми русским и иностранными языками, а когда они подрастали, то приглашала гувернеров, гувернанток и учителей. Среди приоритетов в семье Боратынских – занятие рисованием, живописью, музыкой. Особое значение придавалось чтению. Любовь к книге, по

² Е.А. Боратынский: Материалы к его биографии: Из Татевского архива Рачинских / Введ. и прим. Ю. Верховского. Пг., 1916. С. 136.

мнению Александры Федоровны, являлась важнейшим стимулом самообучения. Она писала в 1830-х годах к дочери – Варваре Рачинской, которая в ту пору сама стала матерью: «Отчего ты так отчаивалась насчет твоих познаний? Насильно никого не выучить, а ежели сын твой не будет любить читать, так и учить не стоит. В противном случае, он сам больше вовнутрь горевши, нежели долбивши наизусть...»³

Впоследствии, когда Сергей Рачинский, упомянутый в письме, начал развивать в школах смоленского имения Татеево социальную педагогику, то вслед за своей бабушкой Александрой Боратынской, вопреки сложившимся правилам, которые ограничивали время уроков, утверждал, что дети способны учиться целый день, но при условии духовной жажды и вдохновения.

Рачинский провел детство в усадьбе Татеево, часто гостя у родственников в Тамбовской губернии. Екатерина Федоровна Черепанова писала в 1849 году из Мары к своей племяннице Варваре Рачинской: «Истинное утешение – приезд... бесценных твоих детей. Серезу уже знала; как тебя благодарить за него – ты [многого] лишила себя, отпустив его к нам. А Володенька нас всех просто восхитил. Я не знаю, как достойно возблагодарить Бога за них. Одна молитва к нему: да сохранит их Господь, этих несравненных, добрых, нежных юношей... Радуюсь за тебя, что ты вознаграждена за все труды твои. Много ли родителей так счастливо?»⁴

В тот год Сергей Рачинский поступил в Московский университет на медицинский факультет, но затем перевелся на естественный. Кроме того, в качестве вольного слушателя он посещал занятия физико-математического факультета. Впоследствии знания, полученные Рачинским, определили его судьбу...

Окончив университет, Рачинский уехал за границу, где занимался наукой и свободным творчеством. Везде, где жил и бывал молодой человек, он, как некий духовный магнит, притягивал к себе людей. В тот период он подружился с композитором Ф. Листом, писавшим музыку на его стихи, и с историком философии К. Фишером.

³ Цит. по: Климкова М.А. «Край отеческий...» С. 192.

⁴ Там же. С. 197.

В 1858 году 25-летний Рачинский вернулся в Москву, возглавил кафедру ботаники Московского университета, защитил докторскую диссертацию, стал профессором. Студенты его любили за педагогический дар и душевную теплоту. Сергей Александрович читал лекции, занимался административной работой и благотворительностью, помогая наиболее талантливым ученикам, а в свободное время вел светскую жизнь. Он был частым гостем в доме драматурга, поэта и журналиста Н.В. Сушкова, где собиралось аристократическое общество Москвы, а квартиру Рачинского на Остоженке посещали братья Аксаковы, Тютчевы, граф Л.Н. Толстой, П.И. Чайковский.

Рачинский воспитывался в традиционной патриархальной семье, в жизни которой вера в Бога занимала естественное место, поэтому тот период был насыщен не только светскими знакомствами, но и церковными. К примеру, 25 мая 1865 года он рассказывал матери в письме о встрече с епископом Смоленским Антонием (Амфитеатровым), который известен тем, что в 1861 году предложил отмечать в России память святых Кирилла и Мефодия и День славянской письменности:

«Милая мамаша. Я в субботу благополучно прибыл в Смоленск. В воскресенье был у обедни в соборе, затем на завтраке у архиерея и с визитом у директора... и вечером был опять у Антония. Вчера утром отправился к Свирской и нарисовал эту старую церковь. Обедал у Настасьи Ивановны и пил там чай с Антонием... Сегодня утром буду у отца Кирилла (инспектора семинарии, очень любезного молодого архимандрита), у Антония...

Антоний – прелесть владыка. Я в первый раз в жизни вижу монаха, производящего такое приятное впечатление, и притом естественная важность, несмотря на почти юношескую веселость и добродушие. Он чрезвычайно мал и худ, деятелен и быстр донельзя, даже служит быстро и отчетливо, совсем наоборот московских архиереев, но все делает с какою-то сосредоточенностью, серьезностью, придающей величавость его несколько резким движениям. Это особенно заметно во время облачения, которое так легко делается смешным, если архиерей во время этого обряда жеманится и медлит. Он страстный охотник до садоводства и превратил живописные овраги, окружающие архиерейский дом, в изящную прогулку. В доме у него все просто и хорошо, и дышит порядком и деятельностью.

Прощай милая мамаша, обнимаю вас всех. Твой С. Рачинский»⁵.

В 1868 году Рачинский подал в отставку и оставил университет. Ему исполнилось 35 лет. Некоторое время он продолжал жить в Москве, подрабатывая переводами для «Русского архива», однако сердце и разум все более тянули его в родное дворянское гнездо, в Татеве, куда он приезжал летом и зимой. Там он занимался строительством, много читал, проводил ботанические опыты и усовершенствовал приемы сельского хозяйства. Лишь осенью 1871 года Рачинский окончательно поселился в Татеве, став помещиком. Все его мысли теперь занимали сад и оранжереи. В заметках и письмах Сергея Александровича тех лет встречаются записи:

«1872. Прибытие [садовника] Андерсена. Постройки: цветочная, ананасная, маленькая оранжерея. Неслыханная весна...»⁶

«...У нас продолжается холодная погода и беспутница... В теплице царствует самая роскошная весна: соединение орхидей, рододендронов и роз придает ей вид огромного букета. Даже совестно, что все это цветет для нас одних...»⁷

«...Несмотря на холод, у нас в саду множество фиалок и гиацинтов. В комнате же цветут глоксинии красоты неописанной...»⁸

«...Погода стала хорошая, все зеленеет, балкон убранся цветами... Сегодня начали ломать оранжерею, и садовники бегают около нее, как муравьи около разрушенного муравейника, спасая, что можно из общего разгрома... Третьего дня мы с мамашей обратили в христианство юного Андерсена, причем было наречено ему имя Константин: неопит страшно барахтался, жара была страшная, ...но все кончилось благополучно...»⁹

Однажды Сергей Александрович зашел в школу для крестьянских детей, основанную в Татеве его сестрой Варварой, и был разочарован царившей там скукой. Он попытался объяснить ученикам тот же материал, но другим языком – более живо и доступно. Результат превзошел все ожидания: дети заинтересовались темой и быстро усвоили ее, а Рачинский получил удовлетворение. С тех

⁵ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 477. Л. 242–243.

⁶ Там же. Д. 719. Л. 44.

⁷ ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 33. Оп. 2. Д. 415. Л. 9 об.

⁸ Там же. Л. 19 об.

⁹ Там же. Л. 22.

пор Сергей Александрович постоянно ходил в школу и постепенно из помещика превратился в сельского учителя¹⁰. Тут ему пригодились и знания в разных областях науки, и увлеченность искусствами, и опыт университетского педагога, и высокая человеческая культура. Если раньше Сергей Александрович разводил и культивировал растения, то теперь он занялся возвращением детских душ, которые по своей чистоте могли быть сравнимы разве что с райскими цветами...

Рачинский стал главным в России идеологом церковно-приходской школы, начавшей развиваться и конкурировать со школой земской. «Заметки о сельских школах», публикуемые им в «Русском вестнике», «Руси», «Церковных ведомостях», способствовали развитию национальной педагогики¹¹. Как перед одним из первопроходцев народного образования, перед ним встал ряд сложнейших проблем, и, прежде всего, взаимоотношение общества и Церкви.

подавляющая часть российской элиты, от которой зависело принятие решений, была в тот период далека от Церкви и не поддерживала создание церковно-приходских школ. «Слово "религия", – писал Сергей Александрович, – в консервативных кругах получило право гражданства, но слово "церковь" подозрительно, слово "священник" возбуждает смех. Высшее общество, насколько оно еще заботится о религии, сплошь проникнуто пашковским духом и презрением к православию. В нем защитниками церкви и духовенства являются лютеране, например баронесса Раден...»¹²

Рачинский понимал, что в таком положении дел отчасти виновата и сама Церковь. Ее служители, среди которых было мало людей с хорошим образованием, не были готовы удовлетворять возросшие духовные потребности общества, стремительно накапливавшего знания в области естественных и технических наук.

В подобных условиях важнейшей проблемой для церковно-приходских школ становилась потребность в верующих учителях и образованных священниках.

¹⁰ См.: Переписка С.А. Рачинского с Л.Н. Толстым. М.; Л., 1928.

¹¹ См.: Рачинский С.А. Сельская школа: Сб. статей / Пред. И. Горбова. М., 1892; Его же. Сельская школа: Сб. статей / Сост., вступит. статья, коммент. Л.Ю. Стрелковой. М., 1991.

¹² РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 718. Л. 8.

Рачинский поставил перед Татевской школой задачу – подготовить учителей и церковнослужителей из крестьянской среды. Эту деятельность поддержал обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, который в 1883 году писал Александру III: «Вы изволите припомнить, как несколько лет тому назад я докладывал Вам о Сергее Рачинском, почтенном человеке, который, оставив профессорство в Московском университете, уехал на жительство в свое имение... и живет там безвыездно вот уже более 14 лет, работая с утра до ночи для пользы народной. Он вдохнул совсем новую жизнь в целое поколение крестьян, сидевших во тьме кромешной. Стал поистине благодетелем местности, основал и ведет с помощью 4 священников, 5 народных школ, которые представляют теперь образец для всей земли. Это человек замечательный. Все, что у него есть, и все средства своего имения он отдает до копейки на это дело, ограничив свои потребности до последней степени... Кроме школ он устроил у себя специальную больницу...»¹³

Когда Сергей Рачинский занялся педагогикой, то стал открывать в учениках таланты – математические, художественные, музыкальные. Он считал, что количество дремлющих творческих сил в народе – огромно, но о них может составить представление лишь внимательный сельский учитель.

Рачинский умел увлечь детей любым предметом. Он развил до совершенства математические навыки учеников, особенно полюбивших устный счет. В перерыве между занятиями они не желали отдыхать, а просили дать примеры для «умственного» счета и решали их с большим воодушевлением. Племянница Рачинского, Ксения Боратынская, вспоминала об уроках Сергея Александровича: «Дети не сидели за партами, а теснились вокруг него. Он импровизировал задачи и задавал по несколько задач зараз. Одни – легче, другие – труднее... и тут же сам решал их в уме... Первое время цифры записывались на доске, но потом и это облегчение отстранилось. Устный счет принимал вид азартной игры»¹⁴.

Уроки арифметики обретали настоящий творческий характер, когда, освоив правила, дети сами придумывали оригинальные ме-

¹³ *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени: Письма к Александру III. М., 1993. С. 356–357.

¹⁴ *Боратынская К.Н.* Мои воспоминания. М., 2007. С. 203.

тоды вычислений. Опыт своего преподавания Рачинский изложил в книге «1001 задача для умственных вычислений», вышедшей в 1891 году в Петербурге.

Рачинский ввел в программу своих школ геометрию, физику, основы географии и истории. Являясь профессиональным ботаником, он рассказывал о законах природы и мире растений. Одним словом, все свои научные знания Сергей Александрович использовал для развития учеников. Причем весь материал он преподносил с точки зрения практических потребностей крестьянской жизни, да и само устройство школы подчинил особенностям сельской России.

Холодные зимы, короткий световой день, большие расстояния между населенными пунктами способствовали тому, что дети отдаленных деревень приходили в школу на целый день, а то и на неделю, ночуя в классе или сторожке. Чтобы создать условия для учебы, Рачинский придал школе форму трудового интерната с общежитием и сам поселился в ней. Занятия здесь проходили до самой ночи, поэтому заданий «на дом» не давалось.

Между уроками воспитанники гуляли, играли, читали книги и занимались хозяйством. В распорядок дня были включены утренние и вечерние молитвы, воскресные и праздничные богослужения. Сергей Александрович устраивал паломничества по святым местам, в том числе в ближайшую с Татовом Нило-Столбенскую пустынь. (Именно с Рачинским связывают зарождение в России школьных паломничеств.)

Рачинский заметил, что его ученики с удовольствием занимаются с новичками и отстающими, являясь прирожденными педагогами. Это объяснялось особенностями жизни крестьянских семей, в которых мать была всегда занята домашним хозяйством и полевыми работами, а старшие дети нянчили младших, учили и заботились о них. Поэтому некоторые занятия Сергей Александрович поручал проводить способным мальчишкам. Так в детях поддерживались и развивались ответственность, взаимовыручка, терпение, уважение к товарищам, а также прививались первые практические навыки школьного учителя.

Большое значение в обучении Рачинский отводил чтению книг и, в первую очередь, книг религиозного содержания, без которых нельзя было представить жизнь крестьян. Церковносла-

вянский язык, преподававшийся в школе вместо иностранного, помогал освоению грамоты и литературы, давая ребенку возможность самому открывать и удивляться их тесной взаимосвязи.

Кроме книг церковного характера дети полюбили русскую литературу «догоголевского» периода, особенно поэзию Пушкина и Жуковского, а также прозу Аксакова, которые воспевали светлые, добрые начала. Любопытно, что ученики тянулись к Гомеру и Бруту – к их непреходящим темам и возвышенному слогу. Однако произведения Гоголя, Островского и Некрасова, отличавшиеся критическим характером, не вызывали у них душевного отклика. Причину подобного отношения следовало искать в национальном характере русского народа, для которого были чужды дисгармоничные представления о мире и осуждение, пронизывающие творения перечисленных авторов.

Важное место в школе было отведено искусству, развивающему образное мышление и воспитывающему чувства. Когда занятия по чтению, письму, арифметике и Закону Божьему чередовались с художественной деятельностью, то открывались редкие таланты. Так, ученики Тит Никонов, Иван Петерсон и Николай Богданов-Бельский, обладавшие способностями в рисовании, были устроены Рачинским в иконописную школу Троице-Сергиевой лавры. Сохранилось письмо Никонова к сестре Сергея Александровича, Варваре, в котором он рассказывает о приезде в монастырь Коли Богданова-Бельского:

«...Приехавши от Вас в Лавру, мы явились к о. Симеону. Он принял Николю ласково. Назавтра Николе дали рисовать для испытания на грифельной доске, он значительные сделал успехи. Видя, что Николя рисует уже порядочно, наставники начали давать ему рисовать на бумаге контуром, а теперь Николя тушует головки и хорошо преуспевает! К порядкам нашим Николя очень скоро привык. Так как пища наша не очень сытная и всегда постная, то я покупаю для нас с Николею молоко и иногда что-нибудь мясного. С Николею я устроился вместе в одной комнате. Он очень скоро нашел себе товарища из маленьких, живущих с нами учеников. Хотелось бы мне пристроить его к нашему хору, но едва ли это удастся, ибо певчий он не из порядочных; регент мой все-таки обещал испытать его голос.

Теперь относительно себя скажу вам, что я также понемногу в рисовании подвигаюсь вперед. Картину, мученика Севастияна, которую Вы видели у меня, я окончил, а теперь о. Симеон дал мне рисовать другую картину, которая изображает воскресение дочери Иаира. По вечерам Николая рисует маленькие пейзажики, и я до сих пор рисовал с небольших оригиналов, а с понедельника начну рисовать с гипсу. Часто мы бываем у нашего знакомого Ивана Ивановича Соколова. На днях я нашел в газете «Русь» две статьи, написанные Сергеем Александровичем [Рачинским]; прочтя их, я был в восторге, но не один я радуюсь этим прекрасным статьям, а почти каждый, кому попадались эти номера «Руси». Поражает еще всех подпись при статьях: «Сельский учитель С. Рачинский». В Татево мы с Николею пишем почти каждую неделю...»¹⁵

Николай Богданов-Бельский, который стал известным художником, с благодарностью отзывался о Рачинском, считая его своим учителем жизни.

Другой ученик Татевской школы, Иван Петерсон, по окончании учебы в Троице-Сергиевой лавре был определен Рачинским на работу в имение А.И. Новикова Козловского уезда Тамбовской губернии, где преподавал иконопись в народной школе.

Особое внимание Рачинский уделял «педагогической» ценности древних церковных «роспевов». В Татево приезжал С.В. Смоленский – руководитель Синодального хора, директор Московского синодального училища церковного пения, профессор Московской консерватории. Он занимался с детьми хоровым пением. Сергей Александрович давал уроки сольфеджио, знакомя с нотной грамотой.

На долю учеников Рачинского выпала редкая удача. Они получали духовное воспитание и классическое образование, в котором точные дисциплины соседствовали с гуманитарными, занятиями искусством и трудовым воспитанием. Преподавание велось на самом высоком уровне, обусловленном уникальной личностью Рачинского, который соединял в себе душевную чистоту, глубокий ум, талант и блестящее образование.

¹⁵ Климкова М.А. «Край отеческий...» С. 407.

Сергей Рачинский объединил в своей деятельности две задачи – воцерковление школы и отрезвление народа¹⁶.

Однажды, в день праздника Святой Троицы, Сергей Александрович встретил бывшего воспитанника, который был пьян. Увиденная картина была столь безобразной, что Рачинский испытал чувство стыда и раскаяния. Он почувствовал, что упустил в воспитании то, без чего все прочее не имеет значения, – не закалил воли ученика против опаснейшего из искушений. Единственным средством против этой беды, которое Рачинский смог тогда придумать, было создание Общества трезвости.

5 июля 1882 года, в день именин Сергея Александровича, в татевской Троицкой церкви, после молебна преподобному Сергию Радонежскому, Рачинский вместе с учениками принял обет воздержания от спиртных напитков сроком на один год. Через год срок обета был продлен, а к обществу стали присоединяться новые члены.

В 1889 году в «Церковных ведомостях» Рачинский опубликовал статью, в которой разъяснял необходимость создания обществ трезвости. Он считал, что трезвенная работа может быть плодотворной лишь в церковном приходе и что только в Церкви можно исцелить человеческую душу от пороков.

Вскоре общества трезвости, по образцу Татевского, стали учреждаться во всех епархиях. Таким образом, благодаря деятельности Рачинского в России начался новый этап православного образования, когда для воспитания в школах появился специальный предмет – «Наука трезвости» и учредились внешкольные учреждения дополнительного образования – общества трезвости.

Сегодня считается, что в России на рубеже XIX–XX веков было распространено пьянство. Население, якобы одержимое «национальной болезнью», спивалось, а общества трезвости не могли существенно повлиять на ситуацию. Действительно, пьянство, постоянно возрастая, превращалось в один из основных пороков народной жизни, но в то время оно не имело столь бедственной

¹⁶ См., напр.: Гусев Г.В. Социально-педагогическая деятельность С.А. Рачинского в контексте трезвенного движения Русской православной церкви // Духовные традиции усадебной культуры рода Боратынских: Сб. материалов Всероссийского научного семинара. Тамбов, 2005.

формы, как впоследствии, а главным виновником этого духовного рабства являлся не народ, а государство.

К тому времени винная продажа в европейских странах была изъята из рук частных лиц и передана городам или казне, причем значительный процент с прибыли шел на борьбу с алкоголизмом. В 1897 году этот опыт был перенят Россией, где тоже установили государственную монополию на продажу «питей». Закон был введен ради уменьшения потребления водки и расходов населения на ее приобретение, но вскоре цели реформ забыли, а государственная монополия начала использоваться для пополнения казны. Водка превратилась в фундамент бюджета. Кроме того, с введением данного закона потеряли силу «приговоры» сельских обществ, которым в 1885 году было дано право не разрешать винной торговли в своей местности.

Однако даже при возрастающем пьянстве душевое потребление алкоголя в России было гораздо ниже, чем в европейских странах. Если в период с 1885 по 1905 год на одного российского жителя в среднем приходилось 2,8 литра спирта, то во Франции – 19,04 литра, Италии – 12,5 литра, Англии – 10,63 литра, Германии – 9,13 литра. Причем крестьянство в России потребляло алкоголя втрое меньше городского населения¹⁷.

Творческое наследие Сергея Рачинского огромно: статьи, книги, рецензии на памятники искусства, рассказы, стихи, сказки, толкования евангельских текстов. Кроме того Рачинский был собирателем и хранителем святынь своего дворянского рода. Он обладал обширнейшим семейным архивом и в 1899 году издал «Татевский сборник», в котором опубликовал материалы своего дяди – поэта Е.А. Боратынского. Любопытно, что коллекции памятников искусства своей усадьбы Сергей Александрович использовал в качестве образовательного музея, в который водил учеников на занятия.

В 1895 году Рачинский писал о себе в автобиографии в третьем лице:

«Сергей Александрович Рачинский, надворный советник, доктор естеств. наук, 62 года. С 1859 по 1868 г. состоит экстраорди-

¹⁷ Степаненко Н. Заколдованный круг // Пробуждение, 1914 (1 июля). Вып. 13. С. 435.

нарным, затем ординарным профессором Московского университета по кафедре ботаники.

С осени 1875 г. занят исключительно делами начального образования. Все это время по зимам преподавал в Татевской начальной школе, летом же наиболее способных из своих воспитанников приготавливал к экзамену на звание учителя, а также к другим жизненным поприщам, сообразным с их личными способностями [...].

В то же время... был деятельно занят размножением школ в сев.-восточ. углу Бельского уезда. Таковых им постоянно содержанных на собственный счет 10–12. Было этих школ построено... на свой счет десять школьных зданий, по большей части обширных, не считая здания Шопотовской министерской школы, на которое министерством было отпущено 2000 р., издержано же 7000.

В настоящее время на его содержании остается лишь пять школ ведомства Мин. Нар. Просвещения и три школы грамотности, так как четыре из содержимым им школ с начала текущего года [признаны] ц.-приходскими, и получают субсидию от Св. Синода.

Эта сторона его деятельности была крайне неосторожна, ибо уменьшила приблизительно на треть (40 000 р.) его состояние и продолжение ее в настоящих размерах становится невозможным»¹⁸.

В Татеево приезжали люди со всей страны. Их влекло желание прикоснуться к живому, творческому делу Рачинского. Здесь побывали многие выдающиеся личности, в том числе историк князь С.Д. Шереметев, философ В.В. Розанов, автор «Писем из деревни» А.Н. Энгельгардт, глава миссии Русской Церкви в Японии архиепископ Николай Японский, который родился в соседнем с Татеевом селе Егорье-на-Березе.

Владыка Николай писал из Японии:

«...Вы представить себе не можете, как, живя за границей, страдаешь за недостаток людей для общественной деятельности в России... Отчего это? А нет их оттого, что русский народ еще не развит. Наличия образованного класса едва хватает для службы

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 719. Л. 2.

в самой России... Иное дело будет, когда она будет образованна. И так, развитие массы – вот что насущнейшая потребность России...»¹⁹

«...Боже! Как подумаешь, что за необъятное значение имеет сельская школа! Велика и обширна Россия: шестую часть света занимает она, и на каждом клочке ее в трех-четыре квадратных верстах водятся вот такие бриллианты, какие открыты Татевской школой и отшлифованы в виде художников, священнослужителей, учителей и т.п. Будь Россия покрыта сетью школ, подобных Татевской, как заблестала бы она в мире!..»²⁰

В конце XIX века народные школы, подобные татевским, открылись по всей стране, в том числе в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Елизавета Антоновна Дельвиг, дочь поэта А.А. Дельвига, участвовавшая в устройстве школы села Софьинка, писала в 1880 году из усадьбы Мара к матери Сергея Рачинского: «Скажите Сергею, что все чудеса, виденные мною в его школе, не выходят у меня из головы»²¹. В то время уже действовало народное училище в селе Сергиевка, попечительницей которого была кузина Рачинского – Софья Сергеевна Чичерина, урожденная Боратынская. (Именно здесь получил начальное образование митрополит Вениамин (Федченков) – уроженец тех мест, выходец из крестьянской семьи.) Вскоре открылись школы в кирсановских поместьях Рачинских: в 1886 году – в селе Кобыки; в 1888 году – в Натальевке.

14 мая 1899 года император Николай II написал в Высочайшем рескрипте на имя Сергея Александровича Рачинского: «Школы, вами основанные и руководимые, состоя в числе церковно-приходских, стали питомником в том же духе воспитанных деятелей, училищем труда, трезвости и добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений. Близкая сердцу Моему забота о народном образовании, коему вы достойно служите, побуждает Меня изъявить вам искреннюю Мою признательность»²².

¹⁹ Цит. по: *Хлопецкий А.* Всякому да откроется стезя своя: По рассказам Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Н.В. Мурашова // *Хлопецкий А.* «И вечный бой...» // <http://sp.voskres.ru/prose/hlop1.htm>

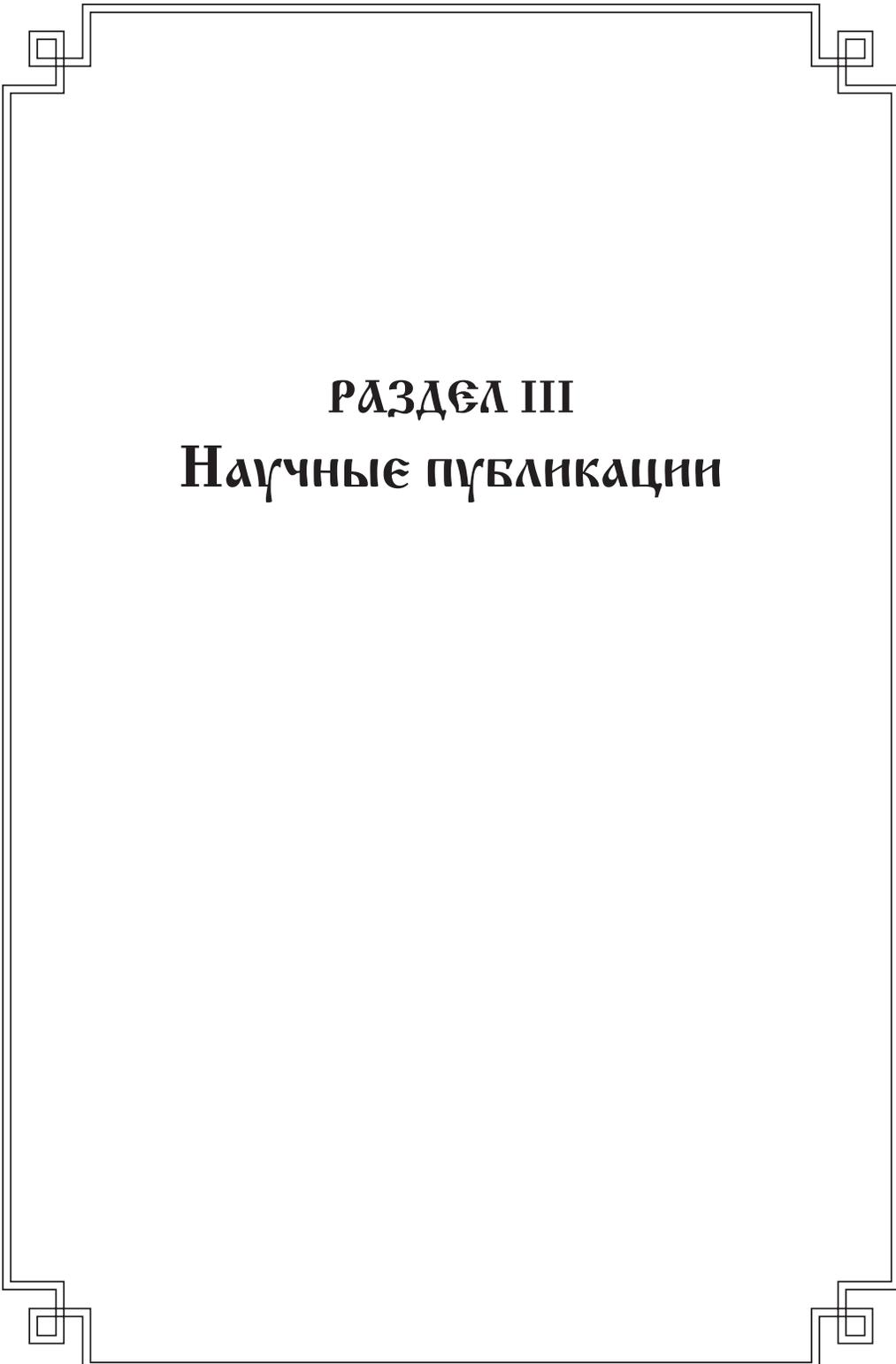
²⁰ Там же.

²¹ Цит. по: *Климкова М.А.* «Край отеческий...» С. 399.

²² Там же. С. 409.

В 1900 году Татевская школа приняла участие во Всемирной промышленной выставке в Париже. К тому времени опыт Рачинского изучали в Англии, где открылись школы подобного типа – Аббатсхолмская (1889) и Бидельская (1892).

За 20 лет из числа воспитанников Рачинского вышло около 60 учителей, 12 диаконов, 4 священника, 3 художника, академик-атомщик, министр нефтяной промышленности, доктор медицины. Один из учеников Рачинского, протоиерей Александр Васильев, расстрелянный в 1918 году, был последним духовником царской семьи.

РАЗДЕЛ III
Научные публикации

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Священник Дмитрий Смольянинов,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

**Значение и роль епископата в жизни Церкви
(по творениям святых отцов и церковных писателей
II–IV веков)**

Ибо вы были, как овцы блуждающие
(не имея пастыря); но возвратились ныне
к Пастырю и Блюстителю душ ваших.

1 Петр. 2, 25.

Апостольское служение, столь существенное для всей «икономии спасения», не могло прекратиться со смертью апостолов: по своему характеру оно было таково, что, несомненно, предполагало наличие преемников. Так, апостол Павел, обращаясь к посвященному им Тимофею, призывал его к учению во имя более действенного назидания паствы: «Вникай в себя и в учение, занимайся им постоянно; ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя»¹. Он же убеждал держаться образца здравого учения, проповедовать слово «во время и не во время... обличать, запрещать, увещевать»².

К преемникам обращены знаменательные слова святого апостола Павла: «Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителеми, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею»³.

Первые свидетельства о существовании в сознании Церкви идеи богоучрежденности священства и преемственной передачи иерархического служения встречаются в творениях мужей апостольских. Так, святой Климент Римский писал к коринфянам: «Проповедуя по различным странам и городам, они первенцев из

¹ 1 Тим. 4, 16.

² 2 Тим. 11, 13; 4, 2.

³ Деян. 20: 28.

верующих, по духовном испытании, поставляли в епископы и диаконы для будущих верующих»⁴.

В первые века христианства уже существовали антицерковные явления. К ним относятся: гностицизм, монтанизм и новацианство.

Гностицизм коснулся всех существенных сторон учения о Церкви, но в особенности он направлен был против представления о ней, как о божественном учреждении, что вело к отрицанию ее апостольского и вселенского значения. Монтанисты и новациане, уча о безусловной святости Церкви, не находили отражения своего идеала, поэтому задалась целью образовать новую церковь, которая бы вполне соответствовала их представлениям.

При таком положении вещей Церкви Христовой грозила опасность. Она послужила стимулом для лучших ее сынов – знаменитых отцов и учителей Церкви – выступить на борьбу с этими вредными антицерковными учениями.

«Таинство священства, – говорит протоиерей Владимир Малиновский, – имеет то отличительное от прочих таинств свойство, что, являясь источником и для самого себя, состоит из различных степеней, образующих собой церковную иерархию»⁵.

Церковь не признавала поставление в иерархические степени тождественным избранию достойных лиц на эти степени (первое всегда строго отличалось от последнего). Посвящение облакало избираемых лиц особыми благодатными полномочиями, они признавались членами церковной иерархии.

В древней Церкви, по свидетельству христианских писателей и святых отцов, церковная иерархия состояла из трех степеней: епископа, пресвитера, диакона. Первую и высшую степень священства составляли епископы (от греч. – наблюдатель), которые являлись носителями всей полноты благодати священства и совершителей всех семи таинств христианской Церкви. Вторую степень священства составляли пресвитеры (от греч. – старцы), третью – диаконы (от греч. – слуга).

Климент Александрийский, касаясь суждения об иерархическом служении, посвящает этому вопросу целую главу шестой кни-

⁴ Писание мужей апостольских. СПб., 1992.

⁵ Малиновский В., прот. Православное догматическое богословие. Сергиев-Посад, 1909. Т. IV. С. 308.

ги «Строматы». Обличая гностиков, приписывавших одним людям одну природу, другим – другую, Климент доказывал, что в Церкви действительно есть различные степени совершенства, равно как и степени иерархии. Однако бытие степеней того и другого рода обуславливается не природой или естественными свойствами известных личностей, а упражнением в благочестии для одних и божественным, благодатным избранием других. Климент говорит, что и апостолы были избраны «не по какому-либо превосходству природных своих свойств, так и Иуда был избран вместе с ними, но были избраны Тем, Который проводит конец для того, чтобы сделаться апостолами. Поэтому и Матфей, не избранный вместе с ними, но сделавший себя достойным, чтобы быть апостолом, поставляется на место Иуды... Поэтому и здесь в Церкви есть степени епископов, пресвитеров и диаконов, по подражанию, думаю, ангельской славе и ее домостроительству»⁶.

Святой Иринеи Лионский, видя в иерархии критерий истины и используя его в борьбе с еретиками, подробно и конкретно излагает учение о преемстве епископата, которое является почти господствующей в системе его эклезиялогических воззрений. При каждом удобном случае он повторяет свою мысль о том, что истина сохраняется в Церкви благодаря преемству епископов⁷.

О факте поставления апостолами епископов находим сведения и в трудах Климента Александрийского. Хотя специальной речи по этому поводу у него нет, но все же его учение об иерархии можно представить так: «Главное и основное начало, руководящее, правящее жизнью Церкви и направляющее ее к высшей цели есть воля и сила самого Иисуса Христа. Воля Божия, столь необходимая для руководства верующих на пути ко спасению, открывается здесь, в Церкви, через особенных лиц, поставленных в ней для того, чтобы быть наставниками и руководителями других в деле спасения. Такими лицами являются епископы, которых поставляли апостолы. Так святой отец, повествуя об апостоле Иоанне, говорит, что тот обходил ближайшие к Ефесу местности и поставлял там епископов»⁸.

⁶ Климент Александрийский. Строматы. Ярославль, 1892. Кн. 6. Гл. 13. С. 726–727.

⁷ Иринеи Лионский, св. Творения. Пять книг против ересей. М., 1868. Кн. VI. Гл. 13.

⁸ Троицкий В. Очерки из истории догмата о Церкви. Троице-Сергиева лавра, 1912. С. 252.

Наиболее подробно вопрос о преемственной передаче иерархического служения разработан святым Киприаном Карфагенским. Он говорит, что иерархия является божественным учреждением, «ведь Господь Иисус Христос сказал, что ничего, даже самое малое, не бывает без воли Божией, неужели же можно допустить, что священники поставляются в Церкви без Его ведома»⁹.

Достоинство епископа есть достоинство апостольское, преемственно сохраняющееся в Церкви. Господь наш, заповеди и увещания Которого мы должны хранить, определяя достоинство епископа и управление Своей Церковью, говорит апостолу Петру в Евангелии: «И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою...и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах»¹⁰.

«Только одному епископу в местной церкви принадлежит полнота власти, и ему одному представлено начальствовать над Церковью»¹¹. «Ему, как преемнику апостолов, принадлежит и учительство. Он должен веру и истину католической Церкви не только сам крепко держать, но и научить ей других, доказывая всеми евангельскими и апостольскими правилами основательность Божественного строения единства»¹².

Отсюда у святого отца следует вывод о необходимости подчинения епископу. Ведь «Церковь составляет народ, объединенный священником, и стадо, приверженное своему пастырю. Епископ – в Церкви, и Церковь – в епископе, и кто не с епископом, тот и не в Церкви»¹³.

Вместе с тем святой Киприан не ставит епископа каким-то самостоятельным распорядителем всех дел церковных, так, чтобы его выражение «Церковь в епископе» можно было истолковать в смысле замены Церкви епископом. «Церковь, – говорит святой Киприан, – заключается в епископе, клире и всех стоящих в вере».

Святой Киприан указывает и на более действенное внешнее единение отдельных церквей. Каждый епископ не мыслил себя совер-

⁹ Киприан Карфагенский, св. Письмо 54 Пуниану // Творения. Письма. Киев, 1891. Кн. 1. Ч. 1. Изд. 2. С. 280.

¹⁰ Мф. 16, 18–19.

¹¹ Киприан Карфагенский, св. Указ. соч. С. 285.

¹² Там же. Письмо 60 (Юбаяну).

¹³ Там же. Письмо 54. С. 307.

шенно обособленной главой отдельной общины; он был не только центром единства внутри нее самой, но и органом ее внешнего единения с другими общинами. У святого Киприана впервые встречаем развитую теорию внешнего единства всей Церкви в лице епископов. Епископство – одно и нераздельно, каждый участвует в нем при общем согласии. Здесь проводится мысль, что епископ до тех пор имеет власть епископства, пока он согласуется со всеми другими епископами¹⁴.

Святой Ириней, епископ Лионский, со всею силой и выразительностью утверждает мысль о богоучрежденности и непрерывной преемственности церковной иерархии. Говоря о ее преемстве от апостолов, он пишет: «...Надлежит следовать пресвитерам, то есть епископам»¹⁵. Святой отец рассматривает священнослужителей как преемников апостолов, утверждает единство не только их дела, но и епископского поставления¹⁶.

У антигностических писателей учение о Церкви как хранительнице истины неразрывно связано с мыслью о ее иерархическом устройстве. Церкви основаны апостолами, которые поставили в них епископов. Дело епископов – охранять истинное учение от искажения (они даже имеют особую харизму истины). Все это вместе взятое обосновывает истину апостольства Церкви, неповрежденно сохраняющей переданное ей апостолами учение Христово. Преемственный епископат является признаком истинной Церкви, которой нет без иерархии¹⁷.

По святоотеческому учению, «епископ является главным судьей над верующими. Все члены частной церкви, как миряне, так и духовные лица, подлежали его власти, его судебным решениям»¹⁸.

Тертуллиан писал об отпущении смертных грехов, что было тесно связано с таким правом епископа и с тем, кому в Церкви принадлежит власть ключей. Тертуллиан ограничивает власть ключей епископа менее тяжкими грехами, которые могут быть прощены епископом (на смертные грехи епископская власть не простирает-

¹⁴ *Троицкий В.* Указ. соч. С. 391–393.

¹⁵ *Ириней Лионский, св.* Указ. соч. С. 391–393.

¹⁶ Там же. С. 275–276.

¹⁷ *Троицкий В.* Указ. соч. С. 186–187.

¹⁸ *Поликарп, св.* Послание к Филиппийцам. Гл. 7. С. 324.

ся; их может простить один Бог, и если апостолы их разрешали, то делали это по своей власти, а не по праву учительства)¹⁹.

По Оригену, целительное дело Церкви вверено пастырям. Самый высший Врач есть Сам Спаситель: в Ветхом Завете эту власть продолжают пророки, а в Новом – апостолы и все те, кому вверены церковные дисциплины для врачевания ран и кому Бог определил быть врачами в Церкви. Иереи, по образу великого Архиерея, научены божественному служению Духом Святым: о каких грехах можно приносить жертвы, а о каких нет и каким образом. Епископы, подобно Христу, учредившему священство в Церкви, должны брать на себя грехи народа и давать от них прощение. Прощение грехов людям дается Богом через людей же (епископов) и только в Церкви. Лицо иерархическое в силу своего церковного положения имеет власть ключей, которая, как и все человеческое, не абсолютна, ибо носитель ее может быть иногда несправедлив, так что от Церкви может быть отлучен тот, кто этого наказания не заслуживает, и в Церкви окажутся люди, которые будут осуждены самим Богом²⁰. Из этих слов видно, что Ориген предъявляет нравственные требования к епископу, который должен отличаться от всего народа и быть блюстителем правды.

В посланиях наиболее известных отцов IV века встречаемся с подобным же взглядом на священнослужение в Церкви как на продолжение в ней служения Христова, причем священнослужители рассматриваются святыми отцами как преемники апостолов и Самого Христа. Об этом выразительно говорит святитель Григорий Богослов. Сравнивая искусство телесного и духовного врачевания и говоря о высоте и трудности последнего, святой отец обращается мыслию ко Христу, истинному Врачу душ и телес. «Цель (духовного) врачевания, – говорит святитель Григорий, – окрылить душу, исхитить из мира и передать Богу... Сего врачевания служители и сотрудники все мы, предстоятельствующие перед другими, для которых важно знать и врачевать собственные немощи и недуги, гораздо же важнее – быть в состоянии врачевать и искусно очищать других»²¹.

¹⁹ Троицкий В. Указ. соч. С. 319–327.

²⁰ Там же. С. 351.

²¹ Григорий Богослов, свт. Слово 3 // Творения. М., 1843. Т. 1. С. 24–25.

У двух других великих капподокийцев также встречаем мысль о епископах как о преемниках апостолов. Один из них, святой Василий Великий, называет святого Амвросия Медиоланского возведенным «на кафедру апостолов»²², что относится, скорее, к его епископскому достоинству, а не к Медиолану, который не занимал кто-либо из апостолов Христовых в качестве постоянного епископа. Святой же Григорий Нисский выражается более обобщенно, говоря, что Христос «через Петра дал епископам ключи небесных почестей»²³.

В своих творениях святые отцы и церковные писатели излагают учение о высоком значении богоучрежденности иерархии. Они признают единство веры и единения членов Церкви Христовой, безусловно и исключительно зависящими от подчинения иерархии. По их учению, епископ есть Божий представитель, и только в общении с ним и вообще с иерархией можно исполнять обязанности христианина. Церковь существует только там, где есть богоучрежденная иерархия. Значит, церковная иерархия необходима; без нее нет и быть не может Церкви. Только при условии существования церковной иерархии возможно и существование в ней Таинств, через которые верующие христиане – чада Церкви – получают освящение и спасение.

²² *Василий Великий, св.* Письма к разным лицам в русском переводе. М., 1859. С. 36.

²³ *Григорий Нисский, св.* Творения в русском переводе. М., 1865. С. 479.

ИСТОРИЯ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ

В.Д. Орлова,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
кандидат исторических наук, доцент

**Отражение событий Тамбовской епархии XVIII века
в газете «Тамбовские известия»,
изданной Г.Р. Державиным**

Периодическая печать представляет собой особый вид исторических источников. Периодическое издание – это регулярно издающаяся типографским способом подборка текстов, предназначенных для оповещения читателей об определенных событиях и формирования на основе предложенного материала общественного мнения.

Различия газет и журналов складывались в России постепенно. Газета и журнал в XVIII веке имели тогда один прообраз – печатную книгу. Структура изданий и жанры печатавшихся материалов были общими. В названиях слово «газета» не употреблялось. Это был век становления отечественной периодики. Шли поиски в оформлении изданий в соответствии с их информационной спецификой, выявлялось общественное значение повременных изданий. За период с 1703 по 1800 год в России вышло всего 119 наименований периодических изданий¹. Их особенностью является то, что они, за исключением официальных, существовали короткое время.

Далеко не во всех губернских городах Российской империи выходила местная газета в 1880-е годы. «Тамбовские известия» – первая русская провинциальная газета. Ее репринтное издание в этом году стало доступно специалистам и любителям истории². Она выходила только в 1788 году. Издание было прекращено из-за низкого интереса тамбовской читающей публики к новому для нее типу печатной продукции. Даже некоторые из тех, кто в начале

¹ Голиков А.Г. Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – М.: Академия, 2007. С.193.

² Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 288 с.

года оплатил подписку, в конце года перестали приходить в типографию за своим экземпляром.

Всего вышло 52 номера. Большинство из них состояло из четырех страниц. Каждый номер освещал события примерно одной недели. Такая оперативность для того времени была вполне достаточной.

Для современных исследователей эта газета служит уникальным источником о различных сторонах жизни губернии. В том числе, в ней предстает и информация по истории Тамбовской епархии. Нет номера, в котором бы не встречалась информация о богослужениях по торжественным поводам, назначениях духовенства на должности, жизни монастырей и духовной семинарии. Степень подробности в изложении событий разная. Чаще эти заметки помещены на первой-второй страницах. Обычно описываются службы в кафедральном и Казанском соборах. Совершенно очевидна значимость присутствия архиерея в губернском городе. Научный анализ взаимоотношений епископа Феофила с Г.Р. Державиным проведен составителями репринтного издания во вступительной статье³.

Газета информировала читателя о том, кто из духовенства служил праздничное богослужение, иногда называла тему проповеди. В кафедральном соборе праздничные службы совершал не только его настоятель протоиерей Семен Кириллов, но и архимандрит Нижнеломовского монастыря и ректор Тамбовской семинарии Иоаникий, игумен Козловского Троицкого монастыря Варлаам. Очень многие торжества с присутствием высших чиновников проходили в Казанском монастыре. Он явно был центром духовной жизни Тамбова.

В «Тамбовских известиях» печатались указы Сената, касавшиеся изменений границ епархий, и назначений высшего духовенства на новые должности. В том числе, в номере от 9 июня сообщается о назначении в Тамбовскую епархию викария епископа Старорусского Феофила на должность епископа Тамбовского и Пензенского⁴. Во время торжеств по случаю приезда епископа Феофила в Тамбов, он после Литургии говорил приветственное и по-

³ Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 11.

⁴ Там же. № 24. С. 95.

учительное слово, содержание которого было: «Мир вам»⁵. При его въезде в архиерейский дом в Казанском мужском монастыре его поздравляли с приездом правитель губернии Г.Р. Державин, чиновники и купечество. Несколько тамбовских семинаристов говорили Его Преосвященству поздравительные речи на греческом, латинском и русском языках. Тем самым семинаристы демонстрировали качество преподавания в их учебном заведении.

Есть в «Тамбовских известиях» и упоминание о переезде философского класса Тамбовской семинарии из Нижнеломовского Казанского Богородицкого монастыря в Тамбовский архиерейский дом⁶. Семинаристы принимали активное участие в жизни епархии. В октябре 1788 года русские войска в русско-турецкой войне овладели крепостью Хотин. В честь этой воинской победы епископ Тамбовский Феофил служил всенощное бдение и Божественную литургию. А поучительное слово было доверено говорить семинаристу Гавриилу Герасимову⁷. Практика произнесения поучительного слова на Архиерейских богослужениях кем-то из особо отмеченных представителей духовенства встречалась неоднократно. Например, на храмовом празднике Казанского мужского монастыря поучительное слово говорил иеродьякон Ювеналий⁸. Текст поучительного слова, сказанного самим епископом Феофилом 22 сентября 1788 года на тему «Воздадите Кесарева Кесареви» был напечатан полностью⁹ и занял целый номер газеты. Это редкий для современного исследователя документ.

Имеются сообщения и о визитах в Тамбовскую епархию духовенства соседних епархий. Например, в мае 1788 года епископ Воронежский и Елецкий Тихон проезжал Усманский уезд Тамбовской губернии. Он отслужил Литургию в Усманской соборной церкви в день тезоименитств великого князя Константина Павловича и великой княгини Елены Павловны, а также освятил церковь в имени полковника Марина Бреславке¹⁰.

Церковь внесла свой вклад в становление музыкального образования на Тамбовщине. Именно в 1788 году был открыт певческий класс,

⁵ Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. № 37. С.147.

⁶ Там же. № 3. С. 9.

⁷ Там же. № 44. С. 174.

⁸ Там же. № 43. С. 169.

⁹ Там же. № 39. С. 157.

¹⁰ Там же. № 22. С. 86.

целью создания которого стало увеличение благолепия церквей. «Сего февраля 1 дня, на основании Высочайшего Устава Народных Училищ... повелевающего иметь певческий класс для благолепия церквей и большего прикрепления учеников к молитве и благоговению, открыть сей класс при здешнем Главном Народном Училище..»¹¹.

Перед нами предстает праздничный календарь с описанием торжественных богослужений. Мы читаем о службах в кафедральном соборе в день новолетия, праздниках Богоявления, Въезда Господня в Иерусалим, Пасхи, Преполовения Господня, Вознесения, Пятидесятницы, Петра и Павла, Крестовоздвижения, Преображения Господня, Успения Богородицы, Усекновения главы Иоанна Предтечи, Рождества. Особыми богослужениями были отмечены кавалерственные праздники Великого князя Владимира и Андрея Первозванного. Каждый из этих праздников был явно любим горожанами.

Торжественные богослужения совершались в дни именин (тезоименитств) и дни рождений членов императорской семьи, выздоровления кого-то из них от тяжелой болезни.

В «Тамбовских известиях» описывается проведение Крестных ходов. Например, в праздник Вознесения Господня шел Крестный ход из Казанского монастыря в Вознесенский девичий монастырь. После него епископ и высокопоставленные светские чиновники посещали игуменью и стариц монастыря¹². Крестный ход был многолюдным, поэтому для соблюдения порядка назначались от присутственных мест палатские ассесоры. На Вербное воскресенье и Пасху крестный ход шел вокруг стен Казанского монастыря. В нем участвовало духовенство всех церквей Тамбова¹³. В день Крестовоздвижения крестный ход совершался в Нижнеломовском монастыре. Он шел до реки Цны, где совершалось водоосвещение¹⁴.

В отличии от делопроизводственных документов, газета показывает, насколько тесно были связаны в городской повседневности будничные заботы и духовная жизнь. Как порой причудливо переплетались праздничные богослужения утром и светские увеселения вечером праздничного дня. Хотя заметки довольно

¹¹ Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. № 6. С. 21.

¹² Там же. № 21. С. 82.

¹³ Там же. № 15. С. 57.

¹⁴ Там же. № 32. С. 125.

скупы на эмоции, все же в них предстают живые картины жизни Тамбова.

Первый номер от 2 января 1788 года начинается сообщением: «Первый день наступившего нового года, торжествован был здесь следующим образом: По собрании всех чинов в соборную церковь, слушана была божественная литургия, по окончании которой, того собора протоиерей Семен Кириллов, говорил приличное дню сему слово: о употреблении времени во благо. Наконец совершено молебное пение подателю всех благ Господу Богу, за высочайшее здравие ея Императорского величества и всего августейшего Императорского дома. В вечеру город был иллюминирован, а в доме Его Превосходительства Господина Правителя Губернии собрание и благородное театральное представление, по случаю военного времени Драма: Взятие острова Святыя Луки, опера Лорета и комический балет: потом маскарад, состоящий более нежели из 200 масок и ужин...»¹⁵ На торжественные обеды и ужины в дом правителя губернии Г.Р. Державина приглашалось и высшее духовенство епархии.

На Сырной неделе дворянство развлекалось театральными спектаклями. «В последние дни сырной недели было в доме Его Превосходительства Господина Правителя Губернии собрание, и представлены благородным обществом, в субботу трагедия "Беверлей" и малолетними детьми детская комедия "Невинная ворожба", а в воскресенье опера "Мельник" и комический балет "Собирание плодов"; потом был маскарад и ужин»¹⁶. Уроки танцев в частных домах прекращались только на первой неделе Великого Поста¹⁷.

Очевидно большое внимание церкви к патриотическим чувствам тамбовчан. В день Богоявления Господня после Божественной литургии было водоосвещение и окропление знамен воинских частей. К военным знаменам тогда относились как к святыням. Их нередко вносили в храмы для придания особой торжественности, а также в память павших под этими знаменами воинах. Иногда наиболее прославленные знамена отдавались на хранение в полковую или городскую церковь.

Победы русского оружия тоже отмечались молебнами. Так, в «Тамбовских известиях» упомянуты дни Воспоминования Побед

¹⁵ Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. №. 1. С. 1.

¹⁶ Там же. № 9. С. 33.

¹⁷ Там же. № 9. С. 34.

под Полтавой, Очаковым, Нарвой, победы над турками и вечно-го мира при Кючук Кайнарджи. Это напоминает современные дни воинской славы России. Служился молебен и в честь новых побед. Например, 25 июля 1788 года в Казанском монастыре отслужили благодарственный молебен в честь победы русского флота над шведским и взятием в плен одного шведского корабля «Принц Густав»¹⁸. В храмах читались манифесты о начале войны и ходе боевых действий. В них прихожан призывали «пролить теплые молитвы с коленопреклонением о милостивом ниспослании успеха в победе врага нагло восставшего»¹⁹.

В храмах приводились к присяге и гражданские лица. Например, при открытии Городской думы ее гласные присягали в Успенской церкви²⁰. С богослужения началось заседание дворянского собрания, посвященное началу работы над составлением родословной книги о дворянских родах Тамбовской губернии²¹.

Одним из тяжелых наказаний, которому можно было подвергнуть представителей духовного сословия, была отдача в солдаты. О существовании этой практики напоминает заметка о прохождении через Тамбов в Астрахань «набранной из церковников рекрутской в числе 279 человек партии, под командою здешней губернии роты подпоручика Тарасова»²². Но по сравнению с делопроизводственными документами духовной консистории, негативная информация о духовенстве в газете не встречается.

Косвенную информацию о материальном благосостоянии духовенства можно почерпнуть из объявлений о продаже недвижимости. У некоторых настоятелей храмов были в городе собственные дома.

Таким образом, первая тамбовская газета как бы была предвестником не только будущих светских газет, но и «Тамбовских епархиальных ведомостей». Она передает отношение издателей к жизни церкви и роли православия для общества конца XVIII века. Этот источник может восполнить некоторые лакуны, которые существуют в комплексе источников по истории Тамбовской епархии того времени, хранящихся в ГАТО.

¹⁸ Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. № 30. С. 118.

¹⁹ Там же. № 29. С. 114.

²⁰ Там же. № 7. С. 25.

²¹ Там же. № 36. С. 141.

²² Там же. № 43. С. 169.

Протоиерей Петр Лукин,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

**Игуменья Дорофея (Кудрявцева) –
первая настоятельница
Сухотинского Знаменского женского монастыря**

В истории духовного окормления женских монастырей в России особое место принадлежит преподобному старцу Серафиму Саровскому (†1833). Основанные им женские общежительные монастыри были известны строгостью устава и аскетическим деланием.

В кругу подвижниц, сложившемся под влиянием преподобного Серафима, самой характерной чертой была совершенная преданность Богу. Преподобный Серафим особое значение придавал молитве и духовной любви к ближнему. Он, может быть, больше, чем другие старцы, занимавшиеся духовным окормлением женщин, требовал от своих духовных дочерей аскетического делания.

Со страниц «Жизнеописаний отечественных подвижников благочестия» пред нами встают образы многих подвижниц: игуменья Дорофеи из Знаменского монастыря Тамбовской епархии, Антонии из Сретенского монастыря Тульской епархии и Дорофеи из Иоанновского монастыря в Москве; схимонахини Марфы из Арзамасского монастыря Нижегородской епархии, схиигуменья Олимпиады Алексеевского монастыря города Арзамаса Нижегородской епархии; двух затворниц – Марфы и Евдокии из Харькова и многих других. Это свидетельство сохранившейся живой аскетической традиции. В Нижегородской губернии, где была расположена Серафимо-Дивеевская обитель, наблюдался особый расцвет иноческого аскетизма. Возможно, это и был отсвет духовного подвига преподобного Серафима, который стал вершиной русского благочестия XIX века.

Будущая настоятельница Сухотинского Знаменского монастыря Вера Егоровна Кудрявцева и ее старшая сестра София остались сиротами в детстве. Девочки росли и воспитывались в семье генерала как родные дети, окруженные любовью и заботой. Имея от природы способности к пению, они собирали много слушателей,

очаровывая их красотой пения и скромностью, но светская жизнь их не привлекала. Забота о спасении души влекла их к уединению в каком-либо монастыре. И они, еще совсем юными, решили, оставив дом своего благодетеля, искать тихую пристань в бурном и страшном своими соблазнами житейском море. Желая каждому спасения, Господь не без испытания вел их к заветной мечте. Тайно оставив дом, они устремились в неизвестный, но желанный, а оттого радостный для себя путь. Пережив испуг от погони за ними их благодетеля и утомление от необычного пути, они направились к преподобному старцу Серафиму Саровскому, чтобы испросить у него благословения на последующую, уже иноческую жизнь. Старец «благословил их намерение» служить Господу и направил к начальнице Нижегородского монастыря – игуменье Дорофее (Михайловой), которая, как говорил преподобный, «устроит вашу участь».

Как только заботами московской графини Орловой были получены необходимые документы от генерала, юные Вера и София были приняты в Нижегородский Крестовоздвиженский монастырь. Лишь спустя пять лет, убедившись в преданности избранному пути, совершенном в удалении от мира, игуменья Дорофея решила оставить их в монастырской обители. Вере было определено послушание на клиросе, а Софии – в больнице.

Вскоре Господь призвал Софию к себе, а Вера продолжала тихую и спокойную жизнь, усердно исполняя послушание, вознося к Богу свою любовь и мысли. 17 июня 1834 года она была пострижена в монашество с именем Дорофея. Незадолго до того, вероятно, уже перед кончиной старца, послушница Вера еще раз посетила преподобного Серафима, наставления которого сохранила в своей памяти на всю жизнь. Особенно ей запомнились слова: «Иди и послужи барыне, да берег-то укрепи, берег». Под барыней она понимала Царицу Небесную и старалась служить Ей в меру своих сил и разумения. Провидя аскетическую жизнь будущей устроительницы, старец благословил ей носить железные вериги, которые, по свидетельству матушек, хранились в деревянном сундучке и передавались следующим настоятельницам монастыря, и власяницу, которая при погребении матушки Дорофеей положена была, согласно ее словесному завещанию, вместе с ней в гроб. Они также часто видели, что вериги и власяницу по распоряжению игуменьи

Дорофеи «возлагали по временам» на больных сестер или на впавших в какое-либо искушение, и те чувствовали после этого заметное облегчение.

Подлинный смысл слов старца открылся лишь десятилетия спустя. Пока же по соседству, в Тамбовском уезде, на берегу реки Нару-Тамбов, готовилось место молитвенных подвигов и предстоящих трудов по устройению славного Знаменского Сухотинского женского монастыря.

Место для будущего монастыря было избрано самой Царицей Небесной и находилось под молитвенным покровом преподобного старца Серафима. Это было имение отставного майора Петра Гавриловича и его жены Варвары Александровны Сухотиных, расположенное в 30 км к югу от Тамбова. Место это прекрасно. Небольшая река Нару-Тамбов, пробиваясь из-за невысоких, покрытых лесом холмов, медленно выходит на равнину, охватывая место будущего монастыря с юга и запада. С северной и восточной стороны монастырская обитель окружена густым лесом.

Случилось так, что Петр Гаврилович и Варвара Александровна заболели почти одновременно. Варвара страдала всеобщим расслаблением, особенно головной болезнью. В течение пяти лет она не только не могла посещать храм, но и не вставала с постели. Единственным утешением для нее оставались сердечные молитвы к Богу и частое причащение Святых Таинств. Петр Гаврилович, обращаясь за помощью к врачам, не только не получал ее, но, казалось, ему становилось еще хуже. Утомленный болезненными припадками, однажды он заснул особенно крепко. Во сне ему явился старец, подал икону Знамения Пресвятой Богородицы и сказал: «Купи себе эту икону, отслужи молебен, и ты будешь здоров». Кто был этот старец, больной не знал и совета его не исполнил. После этого болезнь лишь усилилась, а страдания стали невыносимы. В этом состоянии он просил помощи и облегчения своих страданий у Господа. Тогда во сне ему повторилось явление старца. Не узнал Петр Гаврилович его и в тот раз, но рассказал о сне супруге. Оба они были радостно удивлены тому, что и Варваре было точно такое же явление и такое же обещание.

В Тамбове немедленно была куплена икона Знамения Божией Матери, отслужен пред ней молебен и совершена усердная молитва, после чего супруги получили благодатное исцеление от недугов.

Обрадованные этим, они, будучи бездетными, дали Богу обет – устроить в своем имении иноческую обитель. Произошло это за год до смерти Петра Гавриловича, в 1817 году.

Осталось тайной имя старца, изменившего жизнь супругов и приведшего их к исцелению, которое было явлено им Царицей Небесной через Свою икону «Знамение».

Примерно за 48 лет до того события в недалеком от Тамбовщины Курске Мать Божия через подобную икону Знамения исцелила десятилетнего отрока Прохора, будущего подвижника и духовного руководителя первой устроительницы Сухотинской женской обители – матушки Дорофеи. Вероятнее всего, преподобный Серафим, возлюбив образ Пресвятой Богородицы «Знамение», от которого получил исцеление сам, и предложил приобрести подобную икону супругам Сухотиным, усердно просящим облегчения и помощи в своих страданиях. Будучи любимцем Матери Божией и сам имея искреннюю любовь к Ней, он и положил начало Богородице-Знаменской обители в Сухотинке.

Утешенные исцелением, Сухотины решили начать строительство монастыря с возведения церкви в честь Знамения Пресвятой Богородицы с приделами во имя преподобных Петра Афонского и великомученицы Варвары – своих небесных покровителей. В январе 1818 года в ответ на свою просьбу Петр Гаврилович получил от митрополита Ионы разрешение и благословение на строительство храма. В том же году, 3 октября, на 72-м году жизни, Сухотин скончался, не увидев благолепия создававшейся церкви. Похоронен он был в построенном им храме в каменном склепе, устроенном им самим.

Похоронив супруга, Варвара Александровна, глубоко скорбя о потере, нашла утешение в благотворительности бедным и страждущим и завершила строительство церковного здания. В 1822 году храм был отделан, снабжен прекрасной утварью и торжественно освящен.

Завершив строительство церкви, Варвара Александровна начала возводить помещение для инокинь – несколько полукаменных двухэтажных и одноэтажных корпусов. В 1825 году она попросила Святейший Синод «дозволить ей открыть на своей господской усадьбе женский монастырь и саму приходскую церковь (вновь выстроенную Знаменскую) обратить в монастырскую». Святей-

ший Синод передал ее прошение епископу Тамбовскому Афанасию для «сбора сведений и справок, необходимых по сему делу». Намерение Варвары Александровны вызвало негодование у жителей Сухотинки, выступивших против обращения храма в монастырский, о чем ими было заявлено земскому суду и епархиальному начальству. Эта тяжба длилась 24 года. Для Варвары Александровны она принесла много огорчений, неприятностей и слез. Чтобы прийти к согласию, Варвара Александровна построила в 1833 году для жителей деревянную Архангельскую церковь на кладбище, снабдила церковной утварью и освятила.

После долгих лет споров и противостояний здоровье Варвары Александровны резко ухудшилось, усилились головные боли. Она обратилась с просьбой в Тамбовский Приказ Общественного Призрения «дозволить ей учредить в собственном ее доме богадельню». В том же 1833 году указом министра внутренних дел было разрешено открыть богадельню на 30 женщин. Получив указ, Варвара Александровна стала готовить все необходимое: корпуса, кровати, одежду. В пользу богадельни Варвара Александровна передала господскую усадьбу со всеми постройками и каменной оградой, сад, огород, 170 десятин луговой, лесной и пахотной земли.

Открытие богадельни состоялось 14 сентября 1833 года. Была отслужена Божественная литургия, совершено молебное пение с водоосвящением и все здания окроплены святой водой.

Варвара Александровна просила епархиальное управление придать кладбищенской деревянной Архангельской церкви статус приходской, а каменную Знаменскую церковь и богадельню переименовать в женскую обитель. Епископ Тамбовский Арсений был согласен с Варварой Александровной и лично в письме убеждал прихожан села Сухотинка принять предложение помещицы, иначе они «будут приписаны к церкви ближайшего селения». Святейший Синод, осведомленный о непрекращающемся споре между Варварой Александровной и сельскими жителями, поручил обер-прокурору Синода «рассмотреть спор в судебной инстанции с утверждением прав Сухотиной судебным приговором».

Постановление Синода огорчило Варвару Александровну. Утешаемая Преосвященным Арсением, свои горечи она старалась забыть «в заботливости о призрении и успокоении в своем заведении бесприютных стариц и больных женщин». В свободное от молитв

время она вышивала в дар епископу Саратовскому Иакову омофор, а некоторое время спустя – золотой пояс и покрывало на аналой. В ответном письме Владыка поблагодарил Варвару Александровну за «гостинец» и сообщил, что уже служил Божественную литургию под тамбовским омофором.

Главным занятием для Варвары Александровны было устройство быта сирот и совместная молитва с собранными ею старицами.

К «бесприютным» старицам и больным женщинам стали присоединяться здоровые вдовы и девицы. Вскоре число жителей богадельни дошло до 50-ти. Здоровые женщины и девушки с усердием соглашались служить слабым и больным, помогать по хозяйству, готовясь в будущем поступить в число сестер обители. Но уже здесь, в богадельне, все были непременно обязаны совершать утренние и вечерние молитвы, поочередно читать псалтирь и заупокойные молитвы. В праздничные и воскресные дни все находились в Церкви на богослужении: одни пели на клиросе, другие читали, третьи продавал свечи или несли другие послушания.

Вскоре на основе судебных разбирательств Святейший Синод определил «Сухотинскую обитель преобразовать в женский монастырь». 28 сентября 1849 года она стала женским общежительным монастырем «с призрением в ней пребывающих там штатных богаделенных лиц», который стал именоваться Богородице-Знаменским Сухотинским женским монастырем 3-го класса. В него определили начальницу в сане игуменьи, казначею, 15 монахинь и 15 послушниц. Устав был общий общежительных монастырей.

Чтобы жившие в монастыре могли ежедневно присутствовать при богослужении и выполнять монашеские правила, Святейший Синод предложил Варваре Александровне устроить в главном корпусе трапезную церковь. Монастырская обитель должна была содержаться на средства учредительницы и благотворителей, а также от своих трудов.

Варварой Александровной было пожертвовано монастырю еще около 13 000 рублей и 250 десятин земли. Обращаясь в консисторию, она писала, что для обители необходимы два священника с назначением им по 500 рублей и два причетника с жалованьем 250 рублей.

В 1854 году, после завершения отделочных работ, Гавриило-Архангельская церковь получила статус приходской церкви, а Знаменская стала монастырской.

Владыка Николай, не подобрав начальницу для монастыря в Тамбовской епархии, обратился к Нижегородскому архиепископу Иакову с просьбой «избрать из числа сестер женских монастырей вверенной ему епархии монахиню, способную и достойную занять должность начальницы Богородице-Знаменского Сухотинского монастыря». Жребий пал на монахиню Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря Дорофею (Кудрявцеву). После долгих колебаний и усердных молитв Матери Божией «внушить ей решительность дать или не дать своего согласия на принятие ею столь высокой должности», она, вспомнив слова Саровского подвижника старца Серафима («иди, послужи барыне»), решилась принять на себя должность. Владыка Иаков, переводя монахиню из Нижегородской в Тамбовскую епархию, писал, «что она послушания исправляет усердно и качеств очень хороших».

В начале февраля 1850 года матушка Дорофея простилась с начальницей и сестрами Крестовоздвиженского монастыря, а с 14 февраля того же года приступила к исполнению новых обязанностей по благоустройению Сухотинской обители. В этом звании матушка Дорофея, созидая и улучшая монастырь, все свое внимание и усердие сосредоточила на устройении внутренней духовной жизни монашествующих и на «упрочении добрых порядков обители». Всем сестрам назначила послушания, соразмерные их силам и способностям. Наблюдая за их исполнением, она «неисправным» делала кроткие вразумления и наставления. Особо строго она следила за исполнением послушаний в церкви. Как опытная в пении и ранее несшая послушание на клиросе, матушка Дорофея выбрала из сестер наиболее способных в этом деле, обучая уставу и нотной грамоте.

После смерти Варвары Александровны забот у матушки Дорофеи прибавилось. 13 сентября 1851 года после Литургии и панихиды тело основательницы монастыря было положено в склепе под приделом Знаменской церкви во имя святой великомученицы Варвары, освященном накануне. Все заботы об обители теперь полностью легли на матушку. Это время стало началом ее тяжелых трудов и многих огорчений.

Поскольку ожидание открытия монастыря продолжалось около 25 лет, то строения, передаваемые ему, были в основном ветхие. К обители отошел огромный деревянный господский

дом, два полукаменных двухэтажных и три одноэтажных каменных флигеля, четыре одноэтажных деревянных домика, десять деревянных изб, деревянная баня, несколько сараев, да каменная высокая ограда вокруг господского двора (все ветхое). В пользование монастырю перешло два комода, три шкафа, три дивана, 13 простых столов, 47 стульев, лошадь с упряжью и корова с двумя телками.

Надежда на милосердие Божие, покровительство Царицы Небесной и молитвы преподобного Серафима подавали начальнице духовные силы и бодрость. Помнились матушке и слова старца, когда во время своего посещения она была в его келье. Преподобный тогда насыпал в мешок картофель и велел нести его. Когда матушка исполнила просьбу, старец сказал: «Ты можешь понести, устрой у себя богадельню, пусть там вяжут и прядут, а если не смогут, то пусть в церковь ходят, барыню-то уважай, да берег-то, укрепи берег». Вспоминала о беседе своей со старцем матушка «с необыкновенным восторгом и слезами глубокого умиления».

Все труды настоятельницы не остались незамеченными. Неутомимая ревность, кротость и смирение матушки Дорофее были отмечены владыкой Николаем, который в январе 1852 года возвел ее в сан игуменьи.

В качестве игуменьи с благословения владыки Николая матушка Дорофее занялась расширением Знаменской церкви, исправлением ветхих зданий и постройкой новых. Она приобрела колокол весом 101 пуд (1,6 т) и церковную утварь.

В 1858 году матушка смогла укрепить берег реки Нару-Тамбов по совету старца Серафима, считая это дело для себя особой обязанностью. «Чрезвычайно была рада» она, радовались и все сестры, когда устроена была плотина у подошвы берега вдоль всей монастырской усадьбы. Засаженный деревьями, береговой склон перестал обваливаться, угрожая стене и главному корпусу монастыря.

По просьбе игуменьи, княгиня Екатерина Мамаева приобрела дом в Тамбове для монастырского подворья.

Бывали и скудные дни, когда сама матушка Дорофее выезжала собирать средства для монастыря, посещая Москву и Петербург. Однако всегда Богородице-Знаменская обитель делилась своими

средствами с нуждающимися людьми. Матушка дважды получала «высочайшие благодарности» за пожертвования раненым воинам Крымской кампании и в первую роту Тамбовской дружины ополчения Казанской иконы Божией Матери. В 1861 году она была награждена наперсным крестом за усердие «в пользу монастыря».

Трудами и молитвами помогали матушке-игуменье сестры монастыря. Среди них – казначея, монахиня Дорофея (Киличковская), девица из тамбовских дворян, в 1861 году постриженная в монашество. Монахиня Евфалия (Осипова) несла послушание ризничной, жила в монастыре с 1850 года, а в монашество пострижена в 1854 году. Самой активной и усердной помощницей игуменьи Дорофеи по благоустроению и украшению монастыря была бывшая казначея, вдова из дворян, монахиня Асенефа (Матюнина). Монахиня Агния (Петрова), дочь священника Нижегородской епархии, которая перешла в Сухотинский монастырь вместе с матушкой Дорофеей, была благочинной и возглавляла отделение «рукоделенных», занималась письмоводством.

Особая роль в формировании аскетической жизни монастыря принадлежит схимонахине Митрофании (Максимовой), девице из мещан города Темникова. В Сухотинский монастырь она перевелась из Нижегородского монастыря вместе с матушкой Дорофеей. Для сестер она была примером детской простоты и откровенности, кротости и незлобия, любви и ласковости ко всем. Саровский старец Назарий, посетивший Арзамасскую женскую обитель, где Евдокия до своего перевода в Нижегородский монастырь пребывала еще послушницей, называл будущую подвижницу «юной старицей». Ей было в то время 12 лет. Отец Назарий наставлял девочку: «Дал тебе Бог разум и волю – говори всегда правду. Люби Бога всем сердцем и имей страх Божий – и узришь вечное блаженство. Посвяти от юности все труды твои Христу благоохотно – и возвеселишься в старости о богатстве твоём. Со тщанием собираемое в юности питает и утешает во днях старческих. Будут тебя гнать – терпи, будут хулить – молись. Помни смертный час и спасешься. Не ищи славы земной, ищи славы небесной». Этими наставлениями матушка руководствовалась всю свою жизнь, являясь образцом для подражания, а благоразумными и мудрыми советами – «руководительницею в подвигах духовных».

О Сухотинском монастыре говорилось: «Строго выполняя устав общежития, по примеру Крестовоздвиженского монастыря, сестры имеют общее содержание и общую трапезу. В этом отношении игуменья для всех одинакова; нет никому отличия; а если бы она, по какому-нибудь случаю, дала или сделала кому что лишнее противу других, то сестры, умертвившия в себе плотское мудрование, удерживаются от всякого ей прекословия и ропота такими успокоительными мыслями: "Так Бог положил на сердце Матушке, сердцем владеет и действиями ея руководит Он" – и с охотою и с усердием каждая занимается своим делом. От этого-то в монастыре и тихо и покойно!»

Жизнь Сухотинской женской обители трудами игуменьи Дорофееи с сестрами была примером и образцом для мирян, которые стремились идти дорогой спасения своей души и постижения глубины духовной жизни¹.

¹ Цит. приводятся по кн.: Кадомский М. Историко-статистическое описание Сухотинского Знаменского женского монастыря. Тамбов, 1864.

В.Б. Безгин,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
доктор исторических наук, профессор.
О.А. Самойлова

Сельские приходы Тамбовской епархии (конец XIX – начало XX века)

Своеобразным белым пятном в истории православия остается проблема низовой структуры церкви – православного прихода, к которому относилось крестьянское население. Изучение истории крестьянских приходов позволяет выяснить действительные потребности населения в церквях и отправлении богослужений, особенности отношений прихожан и священников (внутри приходской общины). Прихожанин и священник – знаковые фигуры, олицетворяющие собой уклад крестьянской православной жизни. Деятельность священников, являвшихся носителями духовной и социальной активности, проводниками православной идеологии, представляется необходимым и оправданным явлением на протяжении всей истории христианства, а ее научное осмысление весьма актуальным.

К 1881 году, т. е. времени воцарения на престол Александра III, стало понятно, что приходская реформа, начавшаяся в 1869 году с целью улучшения быта и материального положения духовенства, не увенчалась успехом. Как справедливо отмечала в своем исследовании Е.Н. Шабельникова, в Тамбовской епархии в ходе реформы количество приходов не только не уменьшалось, но и увеличивалось¹. Динамика численности сельского приходского духовенства 1861–1914 годов показывает, что сокращение произошло за счет исключения из духовного ведомства по закону 1871 года церковнослужителей – причетников: певчих, звонарей, церковных сторожей, сверхштатных псаломщиков и всех взрослых детей клириков. Если в 1861 году численность священно- и

¹ Шабельникова Е.Н. Реализация на местах государственной политики в отношении церкви и верующих во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Тамбовской губернии): дисс. канд. ист. наук. Тамбов, 2006. С. 45.

церковнослужителей составляла 3512 человек: в т.ч. священников – 1034, диаконов – 614, причетников – 1864, то в 1914 году – 3214, и соответственно священников – 1264, диаконов – 641, причетников – 1309².

В конце XIX – начале XX века численность духовенства в сельских приходах Тамбовской епархии стабильно увеличивалось по мере их численного роста. Увеличение количества сельских приходов, а следовательно и численности приходского духовенства, в условиях аграрного перенаселения, когда особенно остро стоял земельный вопрос, по нашему мнению, показывает степень религиозности сельского населения Тамбовской епархии. Дело в том, что в конце XIX века приходы не могли образовываться, если не было средств на возведение приходского храма и содержание при нем причта. Возбуждаемые сельскими обществами ходатайства об организации приходов и принимаемое ими на себя бремя материальной ответственности за содержание причта и приходского храма, за обеспечение причта жильем и землей, являлось выражением потребности сельчан в удовлетворении религиозных нужд. Еще в 1881 году в Синоде начали разрабатываться новые правила об организации приходов. Дату утверждения нового порядка (16.02.1885) историк церкви И.К. Смолич назвал рубежной в истории приходской церкви, т. к. с тех пор новых норм относительно количественного состава приходского духовенства не устанавливалось, и епархиальные архиереи действовали по собственному разумению³. Согласно закону от 16.02.1885 года, для всех епархий, кроме западных и закавказских, устанавливались следующие нормы:

- в приходы с количеством прихожан менее 700 полагался один священник и один псаломщик,
- более 700 – 1 священник, 1 диакон и 1 псаломщик,
- в еще более крупных приходах должны были трудиться 2 священника, 1–2 диакона и 2 псаломщика⁴.

В густонаселенной сельской местности Тамбовской епархии нередко в приходском храме действовало несколько штатов священно- и церковнослужителей. Т. е. один и тот же приходской храм

² Подсчитано по: ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1434, 1808, 2209.

³ *Смолич И.К.* История русской церкви 1700–1917. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. С. 336.

⁴ Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 267.

мог быть и «одноприходным» и «двухприходным» и даже «трехприходным». Если в селе было несколько приходских церквей, то жители также оказывались прихожанами разных приходов (как правило, приписывались к близлежащему храму). Например, в селе Ростоши Борисоглебского уезда при Рождество-Богородицкой церкви в 1884 году было два нормальных штата из двух священников, одного диакона и двух псаломщиков на 5302 человек. В начале 1892 года открылся третий штат. В связи с отказом причта Рождество-Богородицкой церкви перейти во вновь построенный в 1900 г. Троицкий храм, там был открыт самостоятельный штат из священника и псаломщика, четвертый по счету. В новом приходе оказалась $\frac{1}{4}$ часть населения Ростошей⁵. В 1902 году из 6377 жителей села 4822 были прихожанами трехштатной Рождество-Богородицкой церкви, остальные – Троицкой⁶.

Географические рамки сельского прихода могли охватывать не только одно село, но и несколько населенных пунктов, расположенных в относительной близости к приходскому храму. Так, деревня Коровино, и деревня Крюша (Бегичевка) состояли в приходе Покровской церкви села Березовки (Малышкино) Тамбовского уезда, построенной в 1905 году на средства прихожан. Деревни находились соответственно в двух и трех верстах от приходского храма⁷. А в Лавровском сельском приходе того же уезда находилось восемь деревень и два хутора, расположенных от храма от четырех до восьми верст⁸.

Процесс организации сельских приходов конца XIX – начала XX века наилучшим образом описывал современник событий А. Андриевский: «Устройство настоящих сельских приходов весьма просто. Увеличивается старый приход и для исправления церковных нужд становится недостаточным одного причта, или возникает новый – с разрешения высшей церковной власти строится церковь и тою же властью, большей частью помимо всякого участия прихожан, назначаются к ней священно- церковнослужители»⁹.

⁵ Рazuмов В.А. Село Ростоши Борисоглебского уезда. Его храмы, священно- церковнослужители и прихожане. Тамбов, 1907. С. 65.

⁶ Там же. С. 164.

⁷ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / Под ред. А. Андриевского. Тамбов, 1911. Ч. I. С. 96.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Андриевский А. Древнерусский приход: Очерк. Тамбов, 1918. С. 5.

В конце XIX – начале XX века сельские приходы в Тамбовской епархии, как и в целом по стране, организовывались вокруг приходских храмов и представляли собой с точки зрения светского законодательства административно-территориальную единицу; церковного – сообщество православных прихожан и причта, объединенных под руководством приходского священника. Состав причтов определялся на основании правил, утвержденных в 1885 году. Согласно им правящий архиерей, в зависимости от численности населения, назначал состав причта в приход. Права и распределение обязанностей членов причтов регулировались на основании правил, разработанных Тамбовской Духовной Консistorией. Не смотря на это, в повседневной практике случались конфликты, связанные с разделением должностных обязанностей, о чем и сообщали благочинные в отчетах епархиальному начальству¹⁰.

Причины большинства конфликтов между членами причта лежали в сфере материальных интересов. Документы свидетельствуют, что почти каждая ссора была вызвана неудовлетворенностью разделом доходов или приходской земли, утаиванием членами причта части доходов. Так, священники села Вышенки Кирсановского уезда одновременно находились под церковным судом, обвиняя друг друга в утайке братских доходов, вторжении в чужой приход, подрыве авторитета среди прихожан и т. д.¹¹.

Хотя древняя русская традиция выборности батюшек прихожанами ушла в прошлое, у прихожан осталось право влиять на состав причта путем подачи ходатайств о назначении или удалении священников из их прихода¹². Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что прихожане сельских храмов Тамбовской епархии активно применяли это право и не только в отношении к священникам, но и к церковнослужителям. Так, приходской священник села Терново Козловского уезда докладывал о намеренном подрыве авторитета причта в глазах епархиального начальства. По его мнению, прихожане пытались «скоптить» священника и диакона, чтобы вернуть в причт уволенного ранее псаломщика¹³. Чле-

¹⁰ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1835. Л. 161.

¹¹ Там же. Д. 1999. Л. 10.

¹² Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии: Общее положение о крестьянах. СПб., 1914. С. 175.

¹³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1997. Л. 60.

ны приходского попечительства села Сабурово ходатайствовали об удалении из их прихода псаломщика¹⁴, а в селе Подгорное Елатомского уезда прихожане, по выражению о. благочинного, сделав проживание священника «не мыслимым», добились его перевода в Темниковский уезд¹⁵. Таким образом, позиция прихожан сельских приходов Тамбовской епархии по отношению к причтовому составу не была пассивной: они активно использовали свое право ходатайствовать «за» или «против» определенных кандидатур, нередко добиваясь желаемых результатов.

Традиционно в повседневной жизни деревни сельский батюшка, пользующийся авторитетом прихожан, не только исполнял прямые обязанности по организации церковно-приходской жизни, но выступал как арбитр в разнообразных житейских ситуациях. Так, священник села Калугино Кирсановского уезда Тамбовской губернии Д. Родников отстаивал перед волостным старшиной имущественные права своих крестьян при взыскании с них окладных сборов. К священнику Рождество-Богородицкой церкви села Ростоши Борисоглебского уезда той же губернии А. Разумову прихожане «шли на суд при семейных неладах, ссорах и драках, просили совета при заключении браков и приходили за благословением при семейных разладах»¹⁶.

Любовь крестьян священник заслуживал, если: «к нему идешь без доклада, он сам обо всем расспрашивает, и тут же идет и крестить и причащать, служб не пропускает». «Бедноту жалеет, хлеба не берет в праздники, хоронит кого за рубль, кого за меньшую цену. За венчание скащивает, с нуждающихся вместо 10 рублей берет и 5». «Цены за требы не настаивает: бывает доволен – кто сколько ни заплатит»¹⁷. Свое уважение к приходскому священнику крестьяне выражали не только словами благодарности, но и делами. При стихийных бедствиях, когда уничтожалось имущество причта, они помогали восстановить его; при кражах церковных денег восполняли их, внося из собственных средств¹⁸; вставали на защиту пастырей перед епархиальным начальством¹⁹.

¹⁴ ГАТО. Ф 181. Оп. 1. Д. 1996. Л. 10.

¹⁵ Там же. Д. 1756. Л. 87.

¹⁶ Там же. Д. 2006. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 28–30.

¹⁸ ТЕВ, 1890. № 1.

¹⁹ ГАТО. Ф 181. Оп. 1. Д. 2126. Л. 30, 32.

Таким образом, идеальным батюшкой для крестьян являлся добросовестный, отзывчивый, простой в обращении, но, главное, непритязательный в материальном плане священник. Это дает основания полагать, что своевременное решение государством проблемы достаточного содержания духовенства за счет казны позволило бы исчерпать основной источник конфликтов между причтами и прихожанами – плату за требы, и вывело бы отношения клира и прихожан на качественно новый уровень.

Плата за требы традиционно являлась источником конфликта между пастырем и паствой. Алчность некоторых сельских служителей культа порой приводила к острому противостоянию клира и крестьян. Так, в 1890 году прихожане села Юрловая Сурены заявили, что не желают иметь Кирилловского своим приходским священником. Из рапорта епископа Тамбовского и Шацкого Иеронима следовало, что «священник вымогал с прихожан деньги за соборование, отказался хоронить младенца за одну курицу и требовал две, за погребение крестьянки Гуняевой требовал с ее сына 4 рубля»²⁰.

Основным источником обеспечения приходского духовенства были доходы, получаемые от прихожан: денежные и вещественные. Денежные доходы представляли собой плату за «священные действия», совершаемые причтом, – крещение, венчание, погребение, молебны. Количество доходов зависело от размера прихода, благосостояния прихожан и местных традиций. Вещественные сборы можно поделить на регулярные и нерегулярные, которые учету не поддаются. Регулярные сборы имели общий способ проведения – обход домов и сезонную приуроченность. Количество обходов и сборов различалось даже в пределах одного уезда и зависело от местных традиций.

Несмотря на попытки правительства обеспечить духовенство стабильным доходом, даже к концу рассматриваемого периода средства, получаемые от прихожан, составляли значительную часть бюджета клириков. Кроме того, община должна была выделить причту своего храма землю. Законы предписывали наделять клириков землей надлежащего качества в одном месте, но на практике это выполнялось не всегда. Часто церковная земля находи-

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 171. Д. 2297. Л. 9, 12, 17.

лась в разных местах, что создавало трудности для хозяйства. На протяжении всего рассматриваемого периода фиксируются случаи самовольного захвата прихожанами церковной земли.

Возросшая ценность земли породила серьезные конфликты из-за храмовых и причтовых участков. В 1908 году в третьем Тамбовском округе, при конфликте из-за земли «богатых, самолюбивых и дерзких» прихожан со священником, батюшку чуть не убили. «Этот случай, характерный для нашего времени, свидетельствует несомненно, что современное безумие стало проникать в села и стало заражать простого русского крестьянина, вызывая наружу зверские инстинкты»²¹.

Начало субсидирования государством денежными средствами православного духовенства имело двоякие последствия. Произошло некоторое улучшение материального положения беднейших причтов, но выделяемых средств явно было недостаточно для полноценного уровня жизни духовенства. Духовенство продолжало оставаться зависимым от доброхотных даяний прихожан. Крестьяне же стали еще более болезненно воспринимать плату за требы. По этому поводу моршанский священник отец Иоанн в своем отчете писал: «...я узнал, сколько зависти (это главное), недоброжелательства, порою озлобления скопилось в среде простого народа против духовенства. И это явление повсеместное. Причины такого печального явления различны. Главнейшее – это способ содержания духовенства»²². Крестьяне были уверены, что казенное жалование клиру освобождает их от обязанности содержания причта, и приговорами сельских обществ устанавливали минимальные или вовсе бесплатные расценки за требы²³. Так, в отчете о состоянии Тамбовской епархии за 1906 году сообщалось, что «доброхотные даяния деньгами и ругою от прихожан сократились и уменьшились против обычного почти наполовину, а в некоторых местах и более»²⁴. В газетной статье сельский священник И. Анастасиев сетовал, что «крестьяне убавляют иереям их доходы, отнимают руги, землю,

²¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2080. Л. 115 об.

²² Там же. Д. 2065. Л. 198–198 об.

²³ Там же. Д. 2004. Л. 5; Д. 2005. Л. 21.

²⁴ *Емелях Л.И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.–Л., 1965. С. 135.

убавляют плату за требы, мотивирую свои действия тем, что «попы больно богато жить стали»²⁵.

В последние предреволюционные годы, особенно в военное время, поступление средств от требоисполнений резко снизилось. В годы Первой мировой войны все чаще в донесениях епархиальных начальств и в печати отмечались случаи, когда семьи призванных на войну солдат почти повсеместно отказывались платить духовенству не только за обязательные требы, но и по остальным обрядам. Миряне не без основания требовали, чтобы семьям, чьи кормильцы были мобилизованы на защиту отечества, разрешили заказывать церковные требы бесплатно.

Представители просвещенных слоев общества также были обеспокоены проблемой материального положения приходского священства. Публицист Н.Л. Петерсон пришел к выводу, что решение вопроса возможно только посредством увеличения государственного финансирования. Он утверждал, «чтобы создать для деревни истинного пастыря, способного и достойного насаждать добрые начала, необходимо обеспечить духовенству возможность честного и мирного труда на его служебном поприще, без заботы о насущном хлебе, а для этого следует принять материальное обеспечение его всецело на средства государства, с устранением доходов непосредственно от прихожан»²⁶.

Таким образом, отношение крестьянства к приходскому священству определяли два начала. Первое – личное, связанное с типом материальных взаимоотношений крестьян и причта. Действительно, общее отношение крестьян к причту осуществлялось с обязательным учетом личных, человеческих качеств священника. И здесь, на личном уровне, преобладало, скорее всего, негативное отношение, хотя оно могло быть достаточно легко изменено. Решающее значение имело второе начало – мировоззренческое, представление о том, насколько политика власти и ее проповедь в храме отвечали мироощущению крестьянского населения, его представлениям о справедливости. Именно «дело» и «проповедь», поскольку, по глубокому крестьянскому убеждению, христианские евангель-

²⁵ Карнишин В.Ю. Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX начале века. Пенза, 1996. С. 96.

²⁶ Петерсон Н.Л. Просвещение. Особое Совец. о нуждах с.-х. пром-сти. СПб., 1904. С. 36.

ские истины («слово Божие») в полной мере отвечали народному пониманию справедливости²⁷.

Состояние православных традиций в изучаемый период не оставалось неизменным. Заметное влияние на общественные традиции села оказывали отхожие промыслы. Длительный отрыв от церковной жизни прихода вел к охлаждению религиозных чувств крестьян-отходников. Пребывание в городе способствовало нравственному разложению сельских жителей. Закономерно, что пагубные последствия этого явления были замечены духовными пастырями. «Вредное влияние фабрик, торговых занятий, отхожих промыслов и вообще всего, что отвлекает крестьян от занятия земледелием и от смягчающего влияния родной семьи, а вместе с этим от слушания богослужений, проповедей. Эти условия особенно губительно действуют на молодое поколение, которое, живя долгое время на стороне, в разлуке со своими семействами привыкает к нетрезвости, распутству, легкой наживе, воровству и неуважению к старшим в семье. От этого увеличиваются неурядицы в семье, семейные разделы и бедность крестьян»²⁸.

В первую очередь «язве» религиозного нигилизма была подвержена сельская молодежь, т. е. та часть русской деревни, которая оказалась более восприимчива к растлевающему влиянию боготоржеской пропаганды. Епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий сообщал в своем отчете о том, что «молодежь не связывает себя никакими обрядами... нерадива к главным христианским обязанностям... На вечерних и ночных собраниях молодежи появляются революционные песни, осуждаются и осмеиваются все гражданские и религиозные установления, проповедуется к власти гражданской и духовной пренебрежение»²⁹.

Просматривая рапорты благочинных Тамбовской епархии начала XX века, замечаем, как возрастала тревога и озабоченность сельского духовенства падением уровня религиозности среди жителей села и в первую очередь среди крестьян-отходников. Приведем несколько таких свидетельств: «Отходники, возвращающи-

²⁷ Земцов Л.И. Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века // Научные ведомости БелГУ. 2008. Вып. 5. № 1(41). С. 79.

²⁸ Орлова В.Д. Мнение отцов благочинных о нравственности прихожан в Тамбовской епархии на рубеже XIX и XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://seminaria.eparhia-tmb.ru> (дата обращения 25.12.2011).

²⁹ Цит. по: Емелях Л.И. Указ. соч. С. 165

еся с заработков из Сибири, отличаются охлаждением к церкви, вольномыслием, непочитанием икон и церковных установлений». «Духовенство презирают. Не кланяются священнику, не обнажают голову, не принимают благословение»; «постов не признают, над духовенством смеются». «Молодое поколение возвращается на родину уже с другими нравственными и религиозными убеждениями. Подобные личности не считают своей обязанностью соблюдать посты, присутствовать при богослужении»³⁰. Духовенство епархии почти единогласно утверждало, что крестьяне, побывавшие на заработках, заметно охладевали к святой Церкви, свободно нарушали уставы ее и христианские обычаи³¹. Все указывало на возникшую тенденцию, которая если не разрушала, то существенно подтачивала духовные основы народной жизни. В религиозном сообществе слабели внутренние связи, исчезал страх перед тем, что о дурном поступке «поп узнает»³².

Утрата благочестия отходниками сопровождалась распространением в их среде порочного поведения. В «Отзывах епархиальных архиереев» за 1905 год, по единодушному утверждению корреспондентов, основным каналом распространения религиозного индифферентизма среди крестьянской молодежи были отходы на фабрики и промыслы в столичных и больших городах³³. Стоит согласиться с выводом современного исследователя Т. Г. Леонтьевой, что «секуляризация сознания» носила не столько эволюционный характер, сколько приобретала черты «раскола поколений». Приходская проповедническая деятельность, как правило, оставалась слабым оружием против тех, кто стремился разорвать пути традиционализма»³⁴.

Еще в пореформенное время возник вопрос об изменении роли священника в его взаимоотношениях с сельским обществом. Однако перемены в этом направлении были минимальны, ведь в начале XX века требовались не только реформа прихода, но и существенные изменения в правительственной политике, особенно

³⁰ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 2 об., 30 об., 44 об., 66 об., 67 об., 69–69 об., 75.

³¹ Там же. Д. 2169. Л. 19.

³² Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 159.

³³ Там же. С. 93.

³⁴ Там же. С. 162.

учет распространенного среди многих церковных служителей представления о необходимости восстановления патриаршества³⁵.

Безусловно, мощнейшим водоразделом в отношениях между миром и церковью явилась первая русская революция. Период с 1905 по 1907 год исследователи называют начальным в процессе массового упадка религиозности в народе. На фоне общей секуляризации сознания крестьянского социума, ускоренной в начале XX века процессом роста числа отходников и сельских пауперов, необходимым элементом оппозиционных настроений становилось обвинение клира в угодничестве властям, добавлявшее крестьянским выступлениям нередко антицерковную направленность.

³⁵ Земцов Л.И. Указ. соч. С. 74–75.

М.К. Акользина,
кандидат исторических наук

Тамбовские благотворители. Взаимоотношения купечества и Церкви в XIX веке

Участие горожан в конфессиональной жизни русского уездного города и взаимоотношения купечества и Православной Церкви постоянно привлекает внимание отечественных ученых-историков. Этой проблеме посвящено достаточное количество научной литературы¹.

Наиболее интересным для рассмотрения темы является город Моршанск, который в XIX веке был многофункциональным, экономически высокоразвитым по условиям своего времени административным центром одного из многолюдных уездов Тамбовской губернии. Наблюдалось нарастание городских функций, но с колебаниями и противоречиями.

В 1781 году в Моршанске было учреждено Духовное правление, в состав которого вошли 7 чиновников, 3-е – из местного почетного духовенства, и столоначальник. В первой половине XIX века в городе было 7 храмов. Самым старым был каменный Софийский собор, возведенный в 1753 году моршанскими купцами Петром и Федором Копейкиными. На торговой площади располагалась 4-престольная каменная двухприходная Вознесенская церковь, построенная на средства моршанского купца Алексея Тюлюкина в 1799 году по плану епископа Феофила. Две церкви, относившиеся к моршанскому городскому благочинию, находились в пригородных слободах. Николаевская (Барашевская) каменная, с двумя

¹ Акользина М.К., Морозова Э.А., Орлова В.Д. Взаимоотношения зажиточного крестьянства с православной церковью в XIX – начале XX в. (По материалам Тамбовской епархии) / Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 12–16 сентября 2000 г. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 139–141; Участие населения в религиозной жизни русского уездного города в первой половине XIX века (по материалам г. Моршанска Тамбовской губернии) / Православная история и традиционная культура Тамбовского края: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. 22–23 марта 2006 г. / Науч. ред. Л.Ю. Евтихиева. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 55–61.

приделами церковь была построена в 1840 году купцом Георгием Платицыным вместо старой деревянной, открытой в 1804 году. Николаевская церковь пригородной Базиевской слободы, основанная в 1782 году, была перестроена после пожара в 1848 году. В 1840-м была возведена еще одна пригородная церковь, Федоровская. Две бесприходных церкви находились при кладбищах города: Рождества Богородицы (Николаевская), действовавшая с 1797 года, и каменная Федоровская, построенная в 1831-м. 24 ноября 1857 года был освящен новый Троицкий собор. В 1861 году было 3 протоиерея, 7 священников, 6 дьяконов и 20 причетников.

В 1840 году в Моршанске на одну церковь приходилось 1999 человек, или по 1249 человек на приход. В то же время на одну церковь приходилось: в Омске – 2228 горожан, в Томске – 1170, в Тобольске – 861, в городах Тверской губернии – 558, и в городах Тульской губернии – 1003 человека на церковь².

Самым значительным культурным событием в городе был ежегодный крестный ход, совершавшийся моршанским благочинным, из собора на берег Цны перед отправлением судов с грузами вверх по реке. «Здесь при церковных иконах и хоругвях служился молебен с водоосвящением по окроплении готовых к отплытию судов, возглашалось многолетие императорскому дому, покровителю полезной торговли, властям города и торговой навигации»³.

Данные источников свидетельствуют о преобладании православного населения в Моршанске в XIX веке (хотя эти данные можно считать завышенными), с увеличением его после присоединения слобод в 1864-м. Доля раскольников была невелика, и, судя по ее резкому сокращению после слияния горожан и жителей слобод, в основном приходилась на городское население. Это же относится к лицам других христианских вероисповеданий. Во второй половине 50-х и 60-е годы XIX века увеличилась доля и численность иудеев в городе. Самым неустойчивым по численности и доле в городском населении Моршанска в разные годы было мусульманское население.

Анализ данных изученных источников свидетельствует о преобладании и росте среди раскольников Моршанска старообрядцев,

² *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века. М., 1995. С. 39.

³ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1730. Ч. 3. Л. 499.

«принимающих священство», и снижении доли беспоповщинских сект. Число молокан оставалось практически неизменным, с небольшими колебаниями. Совершенно неправдоподобными являлись данные о скопцах, численность и доля которых, судя по административным данным, постоянно снижались и были совершенно незначительными. Кроме того, материалы официальных источников свидетельствуют об отсутствии в городе раскольничьих молелен и фактов обращения сектантов в православную веру, что противоречит данным метрических книг.

Более реальные данные о числе сектантов предоставляют исповедные ведомости, в которых священниками фиксировались причины отсутствия на исповеди, и Ведомости о состоянии церквей, учитывавшие в составе прихожан и раскольников.

По данным официальной статистики, сектанты в 1854 году составляли 2 % населения города, в 1861-м – 3%. По данным церковной статистики, сектанты в 1850 году составляли 4% прихожан самого крупного храма Моршанска. Практически все раскольники были представителями городских сословий. Так, среди зарегистрированных старообрядцев было 77 (81%) купцов, 13 (14%) мещан и всего 5 (5%) вольноотпущенных. Все молокане и скопцы принадлежали к разряду мещан.

Исповедные ведомости позволяют составить представление о религиозной принадлежности купеческого сословия. Нами использованы исповедные ведомости Софийской соборной церкви Моршанска за 1850 год, единственные из сохранившихся по городу⁴. В них зарегистрированы все жители – члены данного прихода, пришедшие (или не пришедшие по каким-либо причинам) на исповедь и причастие, обязательные для каждого православного. Купечество составляло 18% всех прихожан центрального собора города. Среди купечества, не пришедших на исповедь и причастие «за нерачением» и даже «за отсутствием», не выявлено. Ценность исповедных ведомостей городов заключается в том, что в них, в отличие от ревизских сказок, представлены реальные купеческие семьи, а не домохозяйства, а также зафиксированы представители «старообрядческой секты».

По мнению современных исследователей, российскому купечеству всегда была присуща глубокая религиозность. Купеческая

⁴ ГАТО. Ф. 890. Оп. 1. Д. 50.

среда, наряду с крестьянской, являлась хранителем русской духовности и традиционной национальной культуры. Церковь истари являлась объектом вложения купеческих капиталов. Церкви возводились прижизненно или завещались вклады на их построение⁵. Купечество городов Тамбовской губернии активно участвовало в строительстве храмов. Так, в Козлове из четырнадцати городских церквей пять были построены местными купцами: в 1773 году каменная двухэтажная пятипрестольная Троицкая (Пятницкая) церковь и в 1801 году Крестовоздвиженская кладбищенская бесприходная каменная теплая (отапливаемая) церковь на средства купца Ивана Силантьева; в 1808 году каменная двухэтажная трехпрестольная Ильинская церковь – на средства купца Ивана Воронова; в 1858 году тюремная бесприходная церковь – на средства купеческого сына Николая Попова; в 1869 году каменная теплая домовая церковь Боголюбского женского монастыря – на средства купца Федора Воронова⁶. «Обязанная во время пожара 1848 года сохранением своему ктитору купцу Петру Седых, церковь Ильинская одолжена ему и многими украшениями в своих иконостасах, благолепием которых всегда дорожили и для которого никогда и прежде не были скупы Ильинские прихожане»⁷.

В Моршанске на средства местного купца Алексея Тюлюкина были построены в 1799 году каменная Вознесенская церковь и в 1831-м каменная теплая Федоровская кладбищенская церковь; на средства потомственного почетного гражданина города Моршанска Емельяна Платицына – Александро-Невская приютская церковь в 1883 году; на средства потомственной почетной гражданки Анны Платицыной – Магдалининская приютская церковь в 1884 году; на средства купца 2-й гильдии Георгия Платицына – каменная теплая Федоровская пригородная церковь в 1840 году вместо сгоревшей деревянной⁸. На постройку и оснащение (внутреннее убранство) Троицкого собора (который строился с 1836 по 1857 год) пожертвовали: в 1836 году купец второй гильдии Егор Иванович

⁵ Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996. С. 74.

⁶ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 138, 140, 141; 5; с. 127, 138, 150–152.

⁷ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 283.

⁸ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 229, 231, 232; 5; с. 152–155.

Платицын – 200 тыс. руб. (основная сумма); его племянник Максим Кузьмич Платицын – пятиярусный иконостас в главном алтаре; купец Николай Гасанович (Яссонович, Евсеевич) Синев – икону Иверской Божией Матери, написанную на Афонской горе, ее серебряная с позолотой риза весила 15 кг; почетный гражданин Гавриил Иванович Котельников – икону Казанской Божией Матери, ее серебряная с позолотой риза весила 17,5 кг, дарохранильницу весом в 1,3 кг и трехъярусный иконостас в правом Казанском приделе; староста собора купец Николай Афанасьевич Юсов – икону святителя Николая Мирликийского Чудотворца с позолоченной серебряной ризой в 8 кг; Иван Афанасьевич Юсов – потир из позолоченного серебра с чеканными изображениями; купец Василий Гундобин – дорогую дарохранильницу весом в 4 кг; почетный гражданин Александр Михайлович Серебряков – дарохранильницу весом в 1,2 кг и трехъярусный иконостас в левом Александра Невского приделе⁹.

В Борисоглебске Покровская тюремная домовая церковь была построена в 1859 году на средства потомственного почетного гражданина Петра Кожевникова¹⁰.

В Усмани тюремная Федоровская домовая церковь в здании тюрьмы была построена в 1861 году на средства местного купца Федора Огаркова¹¹, а кладбищенская Покровская церковь была «складена» в 1814 году купцом Венедиктом Кузнецовым¹².

В Липецке в 1836 году на средства почетного гражданина Алексея Хренникова «с помощью прихожан» завершилось строительство каменной Троицкой церкви, а в 1839-м купцом Богдановым была построена каменная Успенская кладбищенская церковь¹³. В 1818 году церковным старостой соборной Христорождественской церкви был купец Василий Степанович Распопов¹⁴.

В Кирсанове каменная теплая Ильинская церковь была построена в 1851 году на средства потомственного почетного гражданина В.С. Сосульникова¹⁵.

⁹ Чуженькова Н. Храм, построенный на века // Согласие. 24 мая 2007 г. № 21.

¹⁰ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 310.

¹¹ Там же. С. 370.

¹² Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 58.

¹³ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 434, 437.

¹⁴ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 777. Л. 19.

¹⁵ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 526; Кученкова В. Тамбовские православные храмы. Тамбов, 1992. С. 143.

В Спасске каменная соборная Преображенская церковь была возведена в 1810 году «иждивением и усердием» местного купца Тимофея Самгина «наместо деревянного пришедшего в ветхость Спасского храма»; каменная Вознесенская церковь в 1859 году на средства местных купцов Василия Бундикова и Николая Макова; каменная тюремная церковь в 1860 году и приписная Успенская кладбищенская церковь в 1867 году купцом Евфимием Щегловым «с пособием от прихожан»¹⁶. «Соорудив храм, купец Самгин не переставал до конца своей жизни содействовать его внутреннему благолепию своими приношениями. Серебряные ризы на местных иконах – его вклад, который сделан им в 1825 и 1827 годах»¹⁷.

В Шацке каменная теплая, построенная в 1773 году московским купцом Леонидом Миловановым, Троицкая церковь в 1841 году была «распространена на средства прихожан шацким купцом Николаем Осиным»¹⁸.

Соборная (Спасо-Преображенская) церковь в Елатье была построена в 1748 году купцом Пышкиным, каменная Ильинская церковь в 1751-м купцами Иваном Пышкиным и Василием Каржевиным, каменная Введенская (Никольская) в 1760 году – купцом Василием Каржевиным, каменная Вознесенская церковь в 1797-м – купчихами Акилиной и Елизаветой Виноходовыми, каменная тюремная церковь в 1884 году – купцом Дунаевым¹⁹. «Внутреннему украшению» Спасо-Преображенского собора «в особенности содействовал елатомский почетный гражданин Яков Сорокин с сыном своим Александром, который был ктиторм собора. Ими устроены, между прочим, серебряные в позолоте массивные ризы на местные иконы, писанные в Москве по их же заказу за дорогую цену; вклад их сделан в 1837 и 1838 годах»²⁰. В церкви Рождества Богородицы в Елатье в середине XIX века хранилось «напрестольное евангелие в малиновом бархате с серебряными в позолоте чеканами Спасителя и Евангелистов. На нем надпись: «1689 года

¹⁶ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 526; Кученкова В. Тамбовские православные храмы. Тамбов, 1992. С. 601–602.

¹⁷ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 281.

¹⁸ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 643.

¹⁹ Там же. С. 748, 749, 750, 751.

²⁰ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 278.

в елатомский монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы приложил евангелие и Евангелистов елатомский посадский человек Савва Степанов Самгин со своими детьми»²¹.

Но представители купеческого сословия не ограничивались строительством храмов в городах, на их средства возводились и сельские церкви. В Козловском уезде были построены освященная в 1802 году каменная церковь (по размерам она была больше соборной церкви в Козлове) в селе Громушка купцом Иваном Силантьевым; в 1821 году каменная теплая церковь в Заворонежской слободе козловской купеческой женой Анной Силантьевой; в 1823 году – каменная теплая церковь в селе Глазок «на средства прихожан с помощью Козловского купца Силантьева»; в 1865-м – каменная теплая церковь в селе Старое Торбеево купцом Николаем Родионовым; в 1874 году – церковь деревянная холодная двухпрестольная в селе Малый Избердей купцом Мироновым; церковь каменная холодная в селе Боголюбское на средства купеческого сына Гаврилы Киселева²². В Моршанском уезде были возведены церкви: каменная Архангельская в селе Сокольники в 1802 году на средства моршанского купца Петра Петракова «с участием прихожан»; каменная теплая Казанская церковь в селе Таракса на средства купца Тюлюкина «при помощи Дмитрия Нарышкина и прихожан»; деревянная Покровская церковь в селе Волково (Архангельское, Малое Шереметьево) в 1895 году «на средства потомственного почетного гражданина В.Е. Платицына и прихожан»²³. В селе Пластицы (Евграфово) Липецкого уезда купцом 2-й гильдии Окорокова была возведена каменная теплая церковь в 1864 году²⁴. В Кирсановском уезде на средства купца Куприянова была построена деревянная холодная церковь в селе Куровщина (Сергиевское) в 1879 году; на средства купца и потомственного почетного гражданина Сергея Ивановича Москалева были построены церкви в селе Покровская Ира в 1896 и в селе Сулак в 1897 годах.²⁵

В 1834 году однодворцы села Шехмани Липецкого уезда заключили контракт с моршанским купцом Никитой Куприяновым на

²¹ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 280.

²² Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 163, 166, 181, 191, 195, 211; Кученкова В. Тамбовские православные храмы. Тамбов, 1992. С. 143–146.

²³ Там же. С. 235, 294, 303.

²⁴ Там же. С. 470.

²⁵ Там же. С. 538, 539, 552.

постройку в том селе вместо ветхой деревянной новой каменной церкви с колокольней «наемными от него рабочими людьми со всеми его материалами, и покрыть железною крышею; причем одnodворцы для делания кирпича должны отвести ему Купреянову место и доставлять лес на подмостья». Всего предполагалось истратить на постройку церкви 25 тысяч рублей. За строительство церкви одnodворцы отдавали купцу в оброчное содержание 545 десятин удобной и 786 десятин неудобной земли сроком на 10 лет²⁶.

Отношение купечества к Православной Церкви выражалось и в благотворительной деятельности. В 1831 году моршанский купец 3-й гильдии Захар Иванов обратился с просьбой в МВД, «желая учредить из собственного своего капитала с помощью добротных пожертвований богадельню или убогий дом для призрения до 30-ти человек бедных и отставных нижних чинов, неимеющих средств соискывать себе пропитание, просит местное начальство об отводе ему на сей предмет из городского выгона земли». Городской думой ему было отведено место на выгоне, но вместо строительства богадельни «он насадил уже несколько плодовых деревьев и выстроил избу для караула приготовленных к постройке богадельни материалов», но «по последствию времени в даче ему сего места Городскую Думою отказано вследствие приговора Градского общества»²⁷.

Меры благотворительности ограничивались частными сборами с купцов и мещан для раздачи бедным. В 1869 году в Моршанске начало действовать благотворительное общество попечения о бедных «с целью облегчить участь беднейших жителей». В состав учредителей вошли: княгиня Варвара Гагарина, Екатерина Горлова, дворянин А. Салов, почетные граждане Нестор Попов, Николай Шелепужников, Дмитрий Михайлов, купцы Кирилл Фомин, Семен Степанов и Савелий Фомин.

В Елатье богадельня была построена на «счет пожертвованной купчихою Стрижевою суммы», в ней содержалось десять человек. На содержание призреваемых в городской богадельне «издержано согласно завещания Стридевой из процентов с капитала ея, обращенного в 4% непрерывно доходные билеты 258 руб. 76 $\frac{3}{4}$ коп.»²⁸.

²⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 946. Лл. 790–791 с об.

²⁷ ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 746. Л. 9.

²⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1639. Ч. 1. Л. 88 об.

С.В. Радецкий,
студент Тамбовской духовной семинарии.

П.П. Щербинин,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
профессор ТГУ им. Г.Р. Державина,
доктор исторических наук

Вклад Тамбовской епархии в сбор пожертвований на нужды Российской армии в период Русско-японской войны 1904–1905 годов

Русско-японская война 1904–1905 годов явилась серьезным испытанием как для российской государственности в целом, так и для жизни отдельных людей. Военное лихолетье обострило проблемы российского общества, вызвав недовольство и ропот населения страны, что явилось важной предпосылкой последующих смут и революционных потрясений. В эти тяжелые годы выдающуюся роль в смягчении последствий военной повседневности, утешении и поддержке страждущих сыграла Православная Церковь. Особое значение имела подвижническая деятельность провинциального православного духовенства, которое всегда в минуты радости и скорби было со своей паствой, активно несло утешение и сострадание, информировало население о ходе военных действий и решениях царского правительства.

В статье рассмотрены отдельные аспекты патриотической деятельности духовенства Тамбовской епархии в военные годы периода Русско-японской войны 1904–1905 годов. Заметим, что в российской и советской исторической науке события войны начала XX века изучались, главным образом, только как военно-политическое явление. Их влияние на жизнь общества учитывалось, чаще всего, в плане отношения общественности к началу и ведению конкретной войны (патриотические настроения в разных слоях общества, добровольчество, народные ополчения) либо сквозь призму мобилизации средств на ведение войны (размеры призыва, численность армии, состояние военного производства и вооружений, мобилизация материальных ресурсов в общероссийском масштабе). Проблема воздействия Русско-японской войны 1904–1905

годов на жизнь Тамбовской епархии практически не рассматривалась ранее в научных исследованиях. Между тем изучение патриотической деятельности тамбовского духовенства позволяет выявить особенности социокультурного и этноконфессионального развития региона, требует глубокого и многомерного изучения.

Опыт патриотической деятельности Тамбовской епархии в период Русско-японской войны 1904–1905 годов позволяет оценить общий вклад Русской Православной Церкви, которая всегда, в том числе и в самые трудные годы, не просто находилась рядом с народом и страной, но и являлась организующей, консолидирующей силой¹. Необходимо учитывать, что и прежде, на протяжении веков, православие являлось якорем, удерживавшим русский народ в бурной исторической пучине. Идеалы православия консолидировали традиционное общество, при этом православное духовенство, духовно ориентируя народ, являлось носителем идеи единства².

Необходимо учитывать, что любое, даже патриотическое проявление чувств духовенства, должно было быть согласовано с властью и санкционировано им. В этом контексте большое значение имели обращения и предложения Его Преосвященства Преосвященнейшего Иннокентия, епископа Тамбовского и Шацкого.

В период Русско-японской войны 1904–1905 годов деятельность тамбовского духовенства практически со всех сторон освещалась ТЕВ. Так, данный печатный орган епархии немедленно отозвался на начало дальневосточного вооруженного конфликта опубликованием Высочайшего манифеста «Об объявлении войны»³. Газета вышла 21 февраля 1904 года (по ст. ст.),⁴ напечатав манифест в передовице.

В этом же № 8 ТЕВ были изложены: «Определение Святейшего Синода Русской Православной Церкви по Высочайшему манифесту о войне с Японией» от 28 января 1904 г. за №№ 409⁵, 398⁶ и

¹ Щербинин П.П. Социальная ориентация православного духовенства в городах черноземного центра в период первой русской революции // IV Пятигорские чтения (14–15 мая 1997 г.). Тамбов, 1998. С. 80.

² Лисюнин В., иер. Процесс модернизации и участие в нем тамбовского духовенства // Православная история и традиционная культура Тамбовского края: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. 22–23 марта 2006 г. / Науч. ред. Л.Ю. Евтихитова. Тамбов, 2007. С. 69.

³ ТЕВ, 1904. № 8. С. 139–141.

⁴ Здесь и далее все даты указаны по старому стилю.

⁵ ТЕВ, 1904. № 8. С. 141–144.

⁶ Там же. С. 144–145.

«Предложение. Его Преосвященства, Преосвященнейшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго – Тамбовской духовной консисторіи» от 10 февраля того же года за № 1053, в котором Преосвященнейший владыка, опираясь на определения Святейшего Синода Русской Православной Церкви (далее Св. Синод РПЦ), подчеркнул, что «вся Россія, въ порыве патріотическаго одушевленія, стремится различными способами облегчить Правительству тяжесть веденія войны съ Японцами: одни несутъ къ подножію Престола деньги на военныя нужды, другіе – матеріалы (хлебъ, холостъ, шерсть, каменный уголь и проч.), третьи – свой личный трудъ, взявши на себя обязанности братьевъ и сестеръ милосердія, или заготовку платя и белья для арміи и проч. Духовенство православной церкви не отстаетъ отъ другихъ сословій въ посильныхъ жертвахъ на ратное дело. Святейшій Синодъ первый положилъ свою крупную лепту (100 000 рублей) въ это общенародное, дорогое русскому сердцу, святое дело и темъ какъ бы благословилъ его. Примеру Святейшаго Синода последовали Лавры...»⁷ Далее епископ Иннокентій выразил уверенность в том, «что все Россійское Православное духовенство приложитъ усердный трудъ свой по сбору пожертвованій среди паствъ своихъ», и призвал Тамбовскую духовную консисторию дать предложения подведомственным мужским и женским монастырям «принести свою посильную лепту на военныя нужды арміи и флота», организовав сбор средств, перевязочнаго матеріала и белья для раненых и прочих необходимых вещей⁸. Ниже перечислялись «Адреса, куда должны быть направляемы вещи:

1) Марія Александровна Фонъ деръ-Лауницъ. Домъ г. Губернатора.

2) Ольга Николаевна Колобова. Семинарская ул., домъ г-жи Ветчинной.

3) Ольга Александровна Симашко. Д. Четвирикова, противъ Казанскаго монастыря.

4) Марія Сергеевна Померанцева. Площадь 1-ой части.

5) Татіана Михайловна Унковская. Тёплая улица, собственный домъ».

⁷ ТЕВ, 1904. № 8. С. 149–150.

⁸ Там же.

В этой, на первый взгляд, незначительной детали проглядывает и несомненный организаторский талант заботливого тамбовского архипастыря, что еще раз подтверждает и письмо-обращение Преосвященнейшего владыки Иннокентия на имя редактора Тамбовских губернских ведомостей (Тамб. Губ. Вед. № 29), где он просит «указать и объявить – куда, въ какое место и учреждение следует направлять населению свои жертвы»,⁹ приложив и свою лепту – 200 рублей на военные нужды армии, изъявив сердечное желание, «чтобы нашлись мне подражатели и принесли свои пожертвованія по мере силъ и усердія. Господь ихъ благослови»¹⁰.

3 февраля 1904 года епархиальный архиерей обращается с поручением к Тамбовской духовной консистории: «В дополнение к моему предложению от 31 января сего года о производстве сбора по всем церквям епархии на военные и санитарные нужды действующих армий и флота препровождаю при сем полученный мною № 5 «Церковных Ведомостей» и предлагаю Консистории немедленно учинить соответствующия распоряжения, требуемые определением Святейшего Синода от 28 минувшего января о прочтении Высочайшего манифеста в городских и сельских церквях (где оное еще не совершено), о совершении молебных пений и о возношении на церковных богослужениях указанных прошений на великой и сугубой ектиниях и молитвы на литургии»¹¹. Уже 4 февраля 1904 г. выходит Указ Консистории, в котором приказывается «о вышеизложенном... объявить духовенству епархии через Благочинных и Настоятелей и Настоятельницам монастырей к сведению и неуклонному исполнению»¹².

Тамбовский архипастырь не оставлял своим вниманием поддержание патриотического подъема своей паствы, ставя в пример образцы высокого нравственного поведения, встречаемого среди духовенства и верующих Тамбовской епархии. Так, на резолюции к рапорту одного из благочинных, пожертвовавшего на санитарные нужды действующей армии деньги, поднесенные ему по случаю личного праздника по подписному листу от духовенства округа, Преосвященнейший владыка написал: «Хвалю и благодарю всех отцов и прочих почетных лиц, собравшихся к отцу благочинному

⁹ ТЕВ, 1904. № 8. С. 150.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2421. Л. 1.

¹² Там же. Л. 2.

на праздник поднесения ему креста, за то, что сумели воспользоваться семейным праздником, как средством для высокого доброго и святого дела посильной помощи родине от своих скудных средств в тяжелые дни посланного ей испытания Божию. Благослови и прими, Господи, жертву их сердец и настроений! Как бы хотелось убедиться в живом, наглядном, осязательном биении у духовенства этого пульса, беззаветной любви к родине!»¹³

Духовно укреплял владыка и тех, кто отправлялся в район боевых действий, и тех, кто оставался в своих домах в тревожном ожидании ушедших на фронт кормильцев. Об этом свидетельствует «Речь напутственная Тамбовскому отряду Красного Креста пред отправлением его в действующую армию», произнесенная епископом Иннокентием в 2 апреля 1904 года: «Промыслом Божиим суждено отечеству нашему пережить дни тяжких испытаний. В кровавой борьбе с дерзким врагом-язычником Господу угодно испытать силу веры нашей, крепость нашего христианского духа, твердость упования...»¹⁴ – обращается Преосвященнейший владыка к собравшимся в Казанском мужском монастыре города Тамбова. В этой речи он упоминает о подвиге моряков крейсера «Варяг», приводя в пример их мужество и верность долгу, вспоминает погибшего адмирала Макарова и 635 моряков флагманского броненосца «Петропавловск», взорвавшегося несколькими днями ранее вблизи Порт-Артура, скорбит о павших воинах и наставляет отбывающих на Дальний Восток: «Но за подвигом мужества и отваги и по следам его должен идти христианский подвиг милосердия и сострадания... на этот подвиг и для этой жертвы и снарядили мы вас, возлюбленные сестры и братья о Христе...»¹⁵

Далее архипастырь дает наказ убывающему к месту боевых действий отряду не только облегчать телесные страдания раненых воинов, но и укреплять их добрым словом: «Вместе с попечением и уходом несите им нравственное обозрение и утеху. Поведайте им, как неустанно молится Церковь о даровании воинству победы, как просит она у Господа венцов нетления всем положившим жизнь за веру, Царя и отечество...»¹⁶

¹³ ТЕВ, 1904. № 8. С. 153.

¹⁴ Там же. №№ 14, 15. С. 369.

¹⁵ Там же. С. 370.

¹⁶ Там же. С. 371.

Каждый отбывающий на фронт «в покров, защиту и ограждение свое» получил из рук Его Преосвященства икону святого преподобного Серафима, Саровского Чудотворца, устроенную из доски от его кельи.

Молитвенное попечение о пастве проявлялось и в сугубо административных актах правящего архиерея. Так, 29 апреля 1904 года за № 3621 выходит «Предложение Преосвященнейшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго – Тамбовской духовной консисторіи»: «Наши военные действия на Дальнем Востоке, волнующие всю Россию от большого города до малого поселка, к прискорбию нашему, до сих пор не благословляет Господь желанным успехом. В эти дни некоторого общего уныния и скорби от понесенных отечеством потерь в доблестных флоте и войске, следует усилить, усугубить нам общую молитву ко Господу о даровании победы над врагом.

Предлагаю Консистории распорядится немедленно по всем храмам вверенной мне епархии, чтобы: а) на божественных литургиях, после тропаря на "Слава" храму или празднику, на "И ныне" непременно пелось "Спаси Господи люди Твоя"... б) на сугубой эктении той же литургии, после молитвы о даровании победы, читаемой священником, непременно возносилось заупокойное эктенийное моление, с поминовением православных воинов, за веру, Царя и отечество на брани живот свой положивших, в) а по окончании литургии в воскресные и праздничные дни было обязательно совершаемо последование молебнаго пения о победе над врагом. Консистории не оставить учинить по сему надлежащее распоряжение»¹⁷.

В период ведения военных действий на Дальнем Востоке Тамбовская духовная консистория регулярно рассматривала вопросы, связанные с организационными мероприятиями по сбору пожертвований на нужды Российской армии и флота в Тамбовской епархии, и выносила свои решения, согласно «Определений» Святейшего Синода или «Предложений» правящего архиерея, о чем свидетельствуют записи в журналах ее заседаний. Так, 7 мая 1904 года рассматривался вопрос «О пожертвовании на нужды армии духовенством и частными лицами епархии...»¹⁸; 3 июня

¹⁷ ТЕВ, 1904. № 19. С. 372–373.

¹⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2401. Л. 53. Запись № 692.

1904 года – «Об отсчете денег на армию, поступающие в Красный Крест»¹⁹; 9 июня 1904 года – «О разрешении высылать кружечный сбор и пожертвования, поступающие на нужды армии в Консисто-рию»²⁰ и т.д., на протяжении всей войны.

Консисто́рия рассматривала вопросы своевременно и выносила свои решения оперативно. В качестве примера можно привести вышеупомянутое «Предложение Преосвященнейшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго» от 29 апреля 1904 года за № 36, ответ на которое последовал незамедлительно: «О сем предложении дано знать духовенству епархии к исполнению циркулярными указами, от 30 апреля текущего года за № 27»²¹.

Примером слаженного взаимодействия правящего архиерея и Тамбовской духовной консистории может служить опубликованные в № 21 от 22 мая 1904 года ТЕВ «Распоряжение» за подписью Преосвященнейшаго Иннокентия, епископа Тамбовского о необходимости пошития 16 тысяч верхних форменных рубах для снаряжения воинов и распределении количества пошитий каждому женскому монастырю и напечатанная ниже «Ведомость», составленная консисторией²².

Тамбовская духовная консистория, в силу своего статуса в церковно-административном устройстве Российской империи, являлась органом координирующим, регулирующим и направляющим деятельность различных структур, частных лиц и собственных институтов Русской Православной Церкви по сбору пожертвований в Тамбовской епархии на нужды действующей армии на Дальнем Востоке. Помимо вышеизложенных фактов, примером этого может служить запись в журнале заседаний Тамбовской духовной консистории № 2550. На этом заседании, проходившем 10 мая 1904 года, рассматривался вопрос о порядке сбора пожертвований членами Всероссийского общества Красного Креста в храмах епархии. Согласно определению Святейшего Синода от 8 февраля 1904 года за № 18 «О порядке производства сборов за воскресными богослужениями членами общества Красного Креста или уполномоченными от него лицами и о порядке высылки денег по назначе-

¹⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2401. Л. 69. Запись № 919.

²⁰ Там же. Л. 72. Запись № 968.

²¹ ТЕВ, 1904. № 19. С. 372–373.

²² Там же. № 21. С. 415–417.

нию...», Тамбовская духовная консистория постановила «объявить причтам городских церквей, что есть местные отделения Российского Общества Красного Креста, что сбор на нужды действующей армии в церквях должен быть один и проводить оный должны одни уполномоченные общества Красного Креста, за Богослужениями воскресных и праздничных дней с своими кружками и счет собранных денег имеет производиться в отделениях Общества, где оные и имеют оставаться, а не должны быть представляемы в Консисторию»²³.

Консистория не только координировала сбор пожертвований в Тамбовской епархии, но и сама подавала пример жертвенного отношения к нуждам Отечества.

*«Присутствіе и канцелярія Тамбовской духовной Консисторіи, одушевляемые верноподданическими и патриотическими чувствами къ Возлюбленному своему Монарху и православному своему отечеству, переживающему въ настоящее время тяжкое испытаніе, по случаю вынужденнаго открытія военных действий съ языческою Японіей, и желаніемъ принести отъ себя посильную лепту на это великое и многотрудное дело, постановили отчислять ежемесячно изъ своего жалованья 1% для нуждъ арміи на все время военныхъ действий»*²⁴ – такое сообщение было опубликовано 21 февраля 1904 года в № 8 ТЕВ.

Помимо прочего, в ведении консистории оставалась и рутинная канцелярская работа, многие стороны которой, так или иначе, все же были связаны с событиями, разворачивающимися на Дальнем Востоке Российской империи. Одна из записей в «Журналах заседаний» гласит: «Слушали: Справку: для разсылки бланков по церквям Тамбовской епархии в 1904 г. требуется выписать таковых из Московской Синодальной Типографии в следующем количестве: б) ...о лицах призываемых к исполнению воинской повинности 3000»²⁵.

Военные события, произошедшие на Дальневосточных рубежах империи, потрясли все российское общество. На примере Тамбовской епархии видно, что, несмотря на внезапное нападение японских войск и тяжелое, не в пользу России, течение войны, официальные лица и официальные учреждения РПЦ стали надежным помощником государства в консолидации всего гражданского

²³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2401. Л. 1177.

²⁴ ТЕВ, 1904. № 8. С. 150–151.

²⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2401. Л. 1285.

общества, ведя организационную, информационную и патриотическую деятельность среди населения, увлекая своих сограждан и личным примером беззаветного служения Отечеству.

Конечно же, весьма весомым был и вклад духовенства Тамбовской епархии в сбор пожертвований на нужды действующей армии на Дальнем Востоке. Эти сборы в Тамбовском регионе проходили повсеместно: в губернском центре, купеческих городах, крупных селах и деревушках. Центрами сбора, особенно в глубинке, являлись исключительно монастыри и приходские церкви.

На призыв Преосвященнейшего Иннокентия: «чтобы нашлись мне подражатели...»²⁶, – и во исполнение его чаяний: «Как бы хотелось убедиться в живом, наглядном, осязательном биении у духовенства этого пульса, беззаветной любви к родине!» – одними из первых откликнулось духовенство 1-го Спасского и 4-го Шацкого благочинных округов. Вот что по этому поводу писали ТЕВ: «Духовенство церковей 1 Спасского округа изъявило единодушное желание жертвовать 2% содержания из казны»²⁷ и «...1904 года 25-го февраля духовенство 4-го Шацкого округа в общем собрании... постановило:

1. Единоновременно пожертвовать на санитарные нужды из личных средств духовенства – 157 рублей 68 копеек, по 1 копейке с приходской души мужского пола;

2. Отчислять на те же нужды из братских ежемесячных доходов по 2% с доходного рубля»²⁸.

18 марта 1904 г. состоялись общие собрания духовенства 1-го Липецкого²⁹ и Елатомского³⁰ городского благочинных округов, на которых также были приняты решения об ежемесячных отчислениях пожертвований из доходов священнослужителей. Подобные собрания прошли и в других благочиниях Тамбовской епархии, после которых духовенство ежемесячно осуществляло отчисления от доходов на пожертвования, определив начало таковым – начало боевых действий на Дальнем Востоке³¹.

²⁶ ТЕВ, 1904. № 8. С. 150.

²⁷ Там же. № 10. С. 196.

²⁸ Там же. № 13. С. 262.

²⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2476. Л. 2.

³⁰ Там же. Л. 24.

³¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 28, 106.

Первый с начала войны номер ТЕВ сообщил о патриотическом поступке благочинного 2-го Кирсановского округа, священника Димитрия Соколова, который пожертвовал на санитарные нужды действующей армии 56 рублей, собранные духовенством округа при поднесении ему креста³².

Пожертвования на нужды Российской армии и флота из личных средств духовенства Тамбовской епархии поступали регулярно, что немедленно находило отклик в местной церковной прессе:

«Список пожертвований духовенством и старостами приходских церквей города Тамбова на санитарные нужды действующей армии в Японии.

Из церковных сумм кафедрального собора – 100 р.

От причта кафедрального собора – 200 р.

От себя лично кафедральный протоиерей Михаил Озеров – 50 р.

Василий Аносов лично – 1000 р.

От причта Знаменской церкви – 200 р.

От себя и церкви Сергей Патутин – 200 р.

От причта Покровской церкви – 300 р.

От церкви Покровской – 100 р.

От причта Троицкой церкви – 200 р.

От старосты Троицкой церкви – 100 р.

И через 4 месяца ежемесячно во все продолжение войны с расчетом 15 р. на воинов и 10 р. на флот, считая с 1 марта 1904 г.

От причта Введенской церкви – 100 р.

От церкви Введенской – 50 р.

Лично старосты Введенской церкви – 200 р.

От причта Христорождественского собора – 300 р.

От причта женского монастыря – 200 р.

От причта Варваринской церкви – 100 р.

От Варваринской церкви – 100 р.

От причта Крестовоздвиженской церкви – 50 р.

От Крестовоздвиженской церкви – 50 р.

От старосты Успенской церкви – 100 р.

От причта Успенской церкви – 200 р.

От церкви Богородичного причта – 200 р.

От церкви Богородичной – 100 р.

³² ТЕВ, 1904. № 8. С. 153.

От причта Архангельской церкви – 75 р.

От протоиерея А. Шишкова – 100 р.

Троицкая церковь – 75 р.

Староста Архангельской церкви – 75 р.

Всего – 4525 р.»³³

Как видно из вышеизложенного, жертвенные отчисления производились не только священнослужителями. На нужды действующей армии на Дальнем Востоке жертвовали всем церковным причтом³⁴. 27 марта 1904 года ТЕВ сообщают о поступлении пожертвований от церквей, причтов и старост Тамбовского городского округа и пожертвований Тамбовского кафедрального собора, причта и личных средств протоиерея Михаила Озерова на общую сумму 1450 рублей³⁵. В № 21 ТЕВ, среди прочих сообщений, было опубликовано о поступлении пожертвования «от диакона села Шехмановки, Козловского уезда, Андрея Некрасова 15 рублей»³⁶, что говорит о высоком патриотическом подъеме в среде духовенства епархии, так как небогатое священство жертвовало, пожалуй, все свои сбережения.

Помимо сбора личных жертвенных средств, духовенство Тамбовской епархии производило сбор (кроме городских церквей) в кружки Российского общества Красного Креста,³⁷ осуществляло церковный кружечный сбор на санитарные нужды действующей армии, о чем в Фонде Тамбовской духовной консистории ГАТО имеются многочисленные подтверждения³⁸. Об этом же еженедельно уведомляли своих читателей и ТЕВ.

Не оставалось в стороне духовенство и от сбора необходимых пожертвований вещами. В одном из апрельских номеров ТЕВ сообщали о пожертвовании (в основном от отцов благочинных, приходских священников и одного неизвестного лица): холста в полотнах 939 аршин, холста резаного на мелкие куски 958,5 аршина, 26 рубашек, 18 кальсон, 138 полотенец, 58 пар чулок, 14 пар перчаток, 35 пар варежек, 21 платка, 2-х пар носков, 4-х мотков и 2,5 фунта ниток, 1 фунта табака³⁹. Наличие в этом перечне холста резаного

³³ ТЕВ, 1904. № 9. С. 172–173.

³⁴ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 47, 75, 88; ТЕВ, 1904. № 9. С. 172–173; Там же. № 10. С. 196.

³⁵ ТЕВ, 1904. № 13. С. 256.

³⁶ Там же. № 21. С. 422.

³⁷ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 15, 48, 78.

³⁸ Там же; Там же. Д. 2476.

³⁹ ТЕВ, 1904. № 16. С. 310.

на мелкие куски, наряду со всем остальным, позволяет предположить, что приходское духовенство стало своеобразным центром сбора на местах не только денежных пожертвований, но и пожертвований различными вещами, приносимыми (кто что смог) патристически настроенными согражданами.

Приходы, особенно в глубокой провинции, являлись и информационно-просветительскими центрами, «именно в церквях население знакомилось с информацией о важнейших событиях в стране, губернии, уезде, официальными сообщениями»⁴⁰. Выше приводилось и распоряжение Преосвященнейшего Иннокентия Тамбовской духовной консистории «о прочтении Высочайшего манифеста в городских и сельских церквях (где оное еще не совершено)».

Рапорты благочинных и рапорты церковнослужителей в Тамбовскую духовную консисторию, содержащиеся в делах ГАТО, повествуют о том, что духовенство Тамбовской епархии осуществляло сборы в церквях на нужды армии и непосредственно за богослужениями (т. н. тарелочный сбор)⁴¹, и производило пожертвования из церковных средств на:

- содержание коек для раненых воинов в местных эвакуационных лазаретах⁴²;
- усиление военного флота России⁴³;
- пожертвования в пользу бедных семейств раненых и убитых⁴⁴.

В период Русско-японской войны приходской священник по-прежнему оставался самым уважаемым человеком для своей паствы. Это видно из тех же рапортов, в которых тамбовское духовенство сообщает в консисторию о перечисленных ими добровольных пожертвованиях частных лиц на нужды армии и военного флота, доверительно переданных через священников своих приходов⁴⁵. Церковные издания того времени говорили о высоком доверии населения церкви⁴⁶.

⁴⁰ Щербинин П.П. Указ. соч. С. 80.

⁴¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 14; Там же. Д. 2476. Л. 2.

⁴² Там же. Д. 2475. Л. 16.

⁴³ Там же. Л. 11, 13, 39, 40, 59, 78, 97, 115.

⁴⁴ Там же. Л. 16; ТЕВ, 1904. № 23. С. 470–471.

⁴⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 3, 15, 36, 46, 68; Там же. Д. 2476. Л. 10; ТЕВ, 1904. № 10. С. 196; Там же. № 16. С. 310.

⁴⁶ Щербинин П.П. Указ. соч. С. 84.

5 июня 1904 г. ТЕВ опубликовали текст отношения Александровского комитета о раненых на имя Тамбовской духовной консистории от 20 мая 1904 г. за № 16885, в котором выражается благодарность духовенству Тамбовской епархии за сделанный вклад в Тамбовское казначейство на имя комитета о раненых 554 р. 70 к., пожертвованных церквями, духовенством и монастырями в пользу семейств убитых и раненых на войне с Японией⁴⁷.

К началу русско-японской войны в Тамбовской епархии числилось 10 мужских⁴⁸ и 15 женских⁴⁹ монашеских обителей. Именно к ним прозвучал архипастырский призыв Преосвященнейшего Иннокентия: «Въ Тамбовской епархіи имеется довольно мужскихъ и женскихъ монастырей, последнихъ больше и они многолюднее. Консисторія имеетъ предложить темъ и другимъ принести свою посильную лепту на военныя нужды арміи и флота. Въ частности пусть женскіе монастыри возьмутъ на себя обязанность шить и готовить белье для нашего войска. Часть матеріала можетъ дать имъ местное начальство, но лучше всего, по любви къ родине и дорогимъ защитникамъ ея, проливающимъ ныне кровь свою за ея честь и славу, пусть и матеріаль для белья и другихъ вещей, потребныхъ для раненныхъ, употреблять свой»⁵⁰.

Жертвенный труд монахинь и послушниц также стал предметом освящения в ТЕВ «Кроме денегъ, въ пользу действующей Русской арміи на Дальнемъ Востоке поступили пожертвованія вещами:

1) Отъ Тихвино-Богородицкаго Кирсановскаго женскаго монастыря: 183 арш. русскаго холста, 2 дюж. мужскаго белья, 9 дюж. полотенцевъ, 2 дюж. платковъ, 32 простыни, 21 пара перчатокъ, 47 паръ чулокъ, 12 паръ носковъ, отъ монастырскихъ священниковъ г.Кирсанова 287 арш. холста, 13 паръ чулокъ.

2) Знаменскаго Сухотинскаго монастыря: 25 простынь изъ русскаго холста, 25 наволочекъ верхнихъ изъ бумажнаго полотна, 25 наволочекъ изъ тику, 25 носовыхъ платковъ бумажныхъ, 2 дюж. мужскаго белья, 25 шерстяныхъ чулокъ и 25 полотенцевъ.

3) Отъ Тулино-Софійскаго монастыря: 64 арш. холста, 10 арш. бязи, 1 дюжина мужскаго белья, 35 полотенцевъ, 20 носовыхъ

⁴⁷ ТЕВ, 1904. № 23. С. 470–471.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2425, 2476.

⁴⁹ ТЕВ, 1904. № 21. С. 417.

⁵⁰ Там же. № 8. С. 149–150.

платковъ, 7 простынь, 6 наволочекъ белыхъ, 6 тиковыхъ и 15 паръ чулокъ.

4) Троекуровскаго монастыря: 14 полотенцевъ, 479 арш. хорошаго русскаго холста.

5) Темниковскаго монастыря: 64 простыни изъ русскаго холста, 41 рубашка изъ русскаго холста, 87 полотенцевъ, 10 платковъ, 10 паръ чулокъ шерстяныхъ, 8 паръ бумажныхъ, 7 паръ варешекъ, 39 наволочекъ.

6) Усманскаго Софійскаго монастыря: 950 арш. тонкаго мытаго русскаго холста, 41 рубашка, 40 полотенцевъ, 6 простынь, 23 пары чулокъ, изъ нихъ 20 суконныхъ и 3 бумажныхъ.

7) Козловскаго Боголюбскаго монастыря: 6 дюжинъ мужскаго белья, простынь 3 дюжины, 3 дюжины наволочекъ, 4 дюжины полотенцевъ, 4 дюжины портянокъ, суконныхъ чулокъ 1 дюжина, холодныхъ носокъ 1 дюжина и одно тканьеовое одеяло.

Эти вещи черезъ настоятельницу Тулино-Софійскаго женскаго монастыря игуменью Антонину переданы г. Начальнику Тамбовской губерніи для обращенія ихъ, по его усмотренію, на нужды действующей арміи»⁵¹.

22 мая 1904 года ТЕВ опубликовали материал следующего содержания:

«ВЕДОМОСТЬ

о распределеніи между женскими монастырями Тамбовской епархії труда по приготовленію холщевыхъ рубахъ для мобилизуемыхъ военныхъ частей Тамбовской губерніи⁵²

№№ по порядку	Наименование монастырей	Кол-во холста, отпускаемого монастырям	Количество рубах
1	2	3	4
1	Тамбовскій Вознесенскій	7000 аршин	875 рубах
2	Козловскій Боголюбскій	7000 аршин	875 рубах
3	Тамбовскій Знаменскій Сухотинскій	7000 аршин	875 рубах
4	Усманскій Софійскій	7000 аршин	875 рубах
5	Кирсановскій Тихвино-Богородицкій	7000 аршин	875 рубах

⁵¹ ТЕВ, 1904. № 12. С. 244–2.45

⁵² Там же. № 21. С. 417.

1	2	3	4
6	Лебедянский Троекуровский	7000 аршин	875 рубах
7	Темниковский Рождество-Богородицкий	7000 аршин	875 рубах
8	Кирсановский Тишининский Оржевский	7000 аршин	875 рубах
9	Лебедянский Иоанно-Казанский Сезеновский	7000 аршин	875 рубах
10	Кадомский Милостиво-Богородицкий	7000 аршин	875 рубах
11	Тулино-Софийский	3000 аршин	375 рубах
12	Козловский Ахтырско-Богородицкий	3000 аршин	375 рубах
13	Моршанская Община Всемиловейшего Спаса	3000 аршин	375 рубах
14	Моршанская Казанская Община	3000 аршин	375 рубах
15	Спасская Казанская Община	3000 аршин	375 рубах

Всего монахинями 15 монастырей Тамбовской епархии было пошито 16 тыс. верхних форменных рубах для мобилизуемых военных частей.

Весомым был и денежный вклад монастырей в дело пожертвования на нужды Российской армии на Дальнем Востоке. В первые дни войны поступило:

– от архимандрита Иринарха, настоятеля Предтеченского Трегуляева монастыря – 1113 р. 50 к. (в том числе 100 р. из личных средств)⁵³;

– от настоятеля Темниковской Саровской пустыни игумена Иерофея – 5000 р.⁵⁴ переводной билет;

– от настоятельницы Лебедянского Троекуровского женского монастыря, игумении Нафанаилы 20 р. (10 р. – из личных средств игумении, 10 р. – по подписке от сестер)⁵⁵;

– «настоятельница Тамбовского Тулино-Софийского женского монастыря, игуменья Антонина 500 рублей от монастыря на военные нужды передала непосредственно попечительнице местной Общины Красного Креста М.А. Фон-дер. Лауниц»⁵⁶;

⁵³ ТЕВ, 1904. № 8. С. 151.

⁵⁴ Там же. С. 152.

⁵⁵ Там же. № 9. С. 172.

⁵⁶ Там же.

- «от Шацкой Вышенской пустыни 1000 рублей;
- от Лебедянского Троицкого монастыря 500 рублей;
- Тамбовского Сухотинского монастыря 500 рублей и лично от игумении Анфисы 100 рублей;
- Козловского Ахтырского монастыря 225 рублей»⁵⁷.

Монастыри принимали самое активное участие и в сборе пожертвований на санитарные нужды действующей армии, о чем свидетельствуют регулярно подаваемые рапорты настоятелей о производимых перечислениях: не очень крупных (от 1 до 8 рублей)⁵⁸ и достаточно внушительных (свыше 10–20 рублей).⁵⁹ Об этом же производились еженедельные публикации в ТЕВ.

Являясь духовными центрами земли Русской, монастыри аккумулировали и преобразовывали в вещественное и видимое ту невидимую, сокрытую в глубине души, любовь русского человека к своему Отечеству.

Таким образом, подводя некоторые итоги исследования, необходимо отметить, что в Тамбовской епархии был использован весь комплекс мер, направленных на сбор пожертвований на нужды действующих на Дальнем Востоке армии и флота. Официальные лица и официальные учреждения епархии для этого использовали различные методы:

1. Административное регулирование: предложения, приказы, разъяснения, уведомления доводились до сведения благочинных, настоятелей монастырей и духовенства посредством указов Тамбовской духовной консистории;

2. Убеждение: воздействие на души, умы и сердца православного народа посредством проповеднической деятельности архипастыря и приходского духовенства;

3. Личный пример: побуждение народонаселения губернии к жертвенности посредством личного примера официальных лиц и духовенства;

4. Беседа: воспитание и поддержание жертвенного духа в верующих при личных встречах и посредством публицистического общения;

⁵⁷ ТЕВ, 1904. № 13. С. 261.

⁵⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 22, 26, 29, 31, 38, 42, 49, 54; Там же. Д. 2476. Л. 1, 8, 28, 29, 31.

⁵⁹ Там же. Д. 2475. Л. 43, 61, 64, 73.

5. Поощрение: похвала правящего архиерея и прочих духовных лиц, а также опубликование имен жертвователей в прессе.

Устоявшаяся многовековая административно-иерархическая структура Русской Православной Церкви, что называется «от Синода до прихода», уважительное отношение к архипастырям, статус и деятельность приходского священника позволили официальным лицам и учреждениям Тамбовской епархии организовывать, регулировать и координировать, а духовенству развивать и направлять жертвенную деятельность православных верующих и остального населения губернии на благо ближним и своему Отечеству.

Вся деятельность официальных учреждений Тамбовской епархии и поступки духовных лиц в период Русско-японской войны 1904–1905 годов вызывают уважение и не могут не являться для нас примером жертвенной любви к своей Родине.

Священник Антоний Лозовский,
проректор Тамбовской духовной семинарии

**Деятельность внутренней миссии
Тамбовской епархии
по борьбе с религиозным сектантством
в 1905–1917 годы**

1905 год принес много перемен в работу тамбовских сектантов, однако они не были связаны с революционными событиями 1905–1907 годов. Обстановка, сложившаяся в этом отношении в Тамбовской губернии, в целом подтверждает общероссийскую. Вопреки надеждам революционеров, сектанты не только не сыграли сколько-нибудь активную роль в революционных событиях тех лет, но и вообще вели себя значительно лояльнее к правительству. Одной из важнейших причин такого их поведения стало принятие еще до начала революции нового религиозного законодательства.

О реакции тамбовских миссионеров на принятие новых законов в отношении сектантства узнаем из многочисленных публикаций в местной церковной прессе. Так, в журнале «Тамбовские епархиальные ведомости» ситуация комментировалась следующим образом: «С этого дня начинается поворот и в истории православной миссии. Если до сего времени для миссии в ее действиях всегда оставалась некоторая поддержка со стороны закона и правительственной власти, то теперь такой поддержки миссия ожидать не может»¹. Таким образом, тамбовские миссионеры осознали, что с появлением нового религиозного законодательства Русская Православная Церковь вступила в новый период своей истории. Государство перестало отныне видеть в сектантах своих врагов и отказалось от их уголовного преследования, что ставило миссионеров Церкви в принципиально иные условия. Лишившись государственной поддержки, теперь они оставались с сектантами один на один.

Такое положение вещей существенно меняло отношение к внутренней миссии. Как писал по этому поводу один из тамбовских

¹ ТЕВ, 1906. №. 13. С. 241.

священников, «после указа 17 апреля 1905 г. о свободе совести и веротерпимости на Руси настали другие времена. Волей-неволей приходится уже всем пастырям интересоваться делом миссии, взятыся за миссию, или, по крайней мере, быть готовым к ней»².

Менялись и цели внутренней миссии. Если раньше в качестве таковой, по крайней мере, декларировалось стремление полностью покончить с сектантством, то теперь миссионеры собирались перейти от наступления к обороне. Один из них писал: «Из положения по преимуществу наступательного, в каком до ныне находилась миссия, как борец за истину православия, она должна стать одинаково и в положение оборонительное или вернее охранительное. На ее обязанности лежит теперь, кроме приумножения православного стада Христова еще и особенная забота беречь, чтобы волки не проникли за ограду» и не распугали овец³.

Насколько были справедливы опасения тамбовских миссионеров в том, что сектанты воспользуются предоставленной им свободой для активной прозелитической деятельности, показали дальнейшие события. Впрочем, сектанты перешли к энергичной деятельности не сразу. Для того чтобы в полной мере использовать новые возможности, им потребовалось время.

Самой активной сектой в Тамбовской епархии в начале XX века были штундо-баптисты. Именно в них, несмотря на относительную малочисленность (согласно официальным данным – 1500 человек), миссионеры видели главных своих противников. К 1908 году баптистами было подготовлено достаточное количество людей, занимавшихся проповедью своего вероучения. В зависимости от срока, в течение которого они должны были работать, действовали годовые, полугодовые, а также месячные проповедники. Кроме того, в описываемый период времени Тамбовскую губернию часто посещали видные баптистские деятели.

22 мая 1908 года в селе Пески Воронежской губернии состоялся районный съезд баптистов, на котором присутствовали представители нескольких баптистских центров из Тамбовской губернии. На нем тамбовские сектанты приняли решение после окончания полевых работ послать в разные населенные пункты не менее

² ТЕВ, 1908. № 39. С. 1694.

³ Там же, 1906. № 13. С. 241.

30 проповедников, каждого сроком на 2 месяца. Одно только тамбовское село Липяги дало 20 человек.

Грамотно организуемые баптистские собрания и проповеди первоначально привлекали большое количество людей, что давало сектантам надежду увидеть Россию религиозно реформированной. Один из баптистских проповедников хвалился православному диакону, пришедшему посмотреть на одно из таких собраний: «Вы себе представить не можете, что у нас сейчас происходит в Ростове-на-Дону... Мы для отправлений своих богослужений сняли там роскошный, с электрическим освещением зал, вмещающий до 5000 человек. Собрания у нас бывают многолюдные. Буквально к нам ходит весь город. Интеллигенции – масса»⁴. (Баптисты, несомненно, были склонны преувеличивать эффект своей деятельности.)

Активная деятельность баптистов очень встревожила православное духовенство. «За все время своего служения в Тамбовской епархии я никогда еще не был так осаждаем личными визитами, письмами, отношениями со стороны отцов сельских пастырей с сведениями о начале появления сектантства или усилении его во вверенных им приходах»⁵, – писал миссионер М.И. Третьяков в начале 1909 года.

5 января 1909 года епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий приехал на епархиальное собрание духовенства специально для того, чтобы обратить внимание на угрозу, которая исходила от активности баптистских проповедников. В его речи звучала явная тревога: «За последние три года нам приходится быть свидетелями того, как постепенно пробуждается и поднимает голову сектантство, как настойчивее требует оно от гражданской власти свободы своего вероисповедания, признания своих общин законом»⁶. К тому времени в Тамбовской губернии работали десятки баптистских проповедников.

Оживленная работа сектантских учителей привела к существенному изменению деятельности внутренней миссии Церкви. Во-первых, стало очевидным, что силами одних только епархиальных миссионеров поставленных задач не решить. К работе необходимо

⁴ ТЕВ, 1906. № 11. С. 580.

⁵ Там же. С. 515.

⁶ Там же, 1909. №. 36. С. 1666.

было привлекать приходское духовенство и активистов из числа мирян. Появились и новые формы работы – миссионерские православные курсы и миссионерские союзы, куда входило духовенство ряда «зараженных» сектантами населенных пунктов. Коренной реорганизации подвергся главный орган внутренней миссии – Казанско-Богородичное миссионерское братство.

Братство, основанное в 1875 году, в 1905 году отмечало свое 30-летие. Однако в тот год ему пришлось столкнуться с острой критикой в свой адрес. Проявились и противоречия, существовавшие внутри самой организации, в частности, в отношениях между епархиальными миссионерами и руководством братства. Так, один из бывших миссионеров, подписавшийся фамилией Мариупольский, в своей книге «Внутренняя миссия в Тамбовской епархии за последнюю четверть истекшего столетия», которую назвал историко-критическим очерком, критиковал деятельность братства за формализм и бюрократизм. Его позицию поддержал и епархиальный миссионер В.П. Базарянинов, который на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей» писал: «Братство, в корне извратив свою основную идею, впало в крайний бюрократизм, заглушив живое, нежное дело»⁷.

Вероятно, критика в адрес братства ускорила процесс его реформирования. В результате на епархиальном съезде духовенства 27 января 1907 года все его участники причислили себя к членам общества, получившего название Богородично-Серафимовского Миссионерского Просветительского братства.

Одной из новых форм миссионерской работы после 1905 года стала организация союзов среди приходского духовенства. Первым из них в Тамбовской епархии стал созданный в 1906 году миссионерский союз, куда входили пять приходов с центром в селе Митрополье. Его целью был обмен опытом входившего в него духовенства и совместная деятельность против сектантов. Члены союза занимались организацией крестных ходов, проводили общественные чтения, беседы, распространяли духовную литературу и т.д. Затем по примеру митропольского появились и другие миссионерские союзы.

Другой интересной формой работы стало проведение специальных курсов для обучения и воспитания помощников миссио-

⁷ ТЕВ, 1906. № 22. С. 1010.

неров – так называемых православных начетчиков. Практика показала, что даже очень хорошо подготовленный миссионер часто проигрывал сектантским проповедникам, не имевшим богословского образования, но зато говорившим с людьми на понятном им языке.

Первые миссионерские курсы прошли в городе Тамбове в феврале 1905 года. С того времени они проводились в разных населенных пунктах, главным образом в селах с большим количеством сектантов. В Тамбовской епархии они стали постоянным явлением вплоть до 1917 года. Организация курсов, длившихся обычно две недели, была, как правило, на высоком уровне. Их участники изучали Священное Писание, вероучение сектантов, учились грамотно им возражать. В конце учебы им выдавали Библии и вероучительную литературу. Известно, что в работе некоторых курсов принимали участие и епархиальные архиереи.

После 1905 года тамбовские миссионеры заговорили о необходимости создания так называемой народно-приходской миссии, которая подразумевала деятельность активистов из числа рядовых верующих. Особую роль в ней стали играть кружки ревнителей благочестия. Все духовенство епархии, особенно сел, в которых проживали сектанты, обязывалось к созданию таких кружков и к 1915 году в Тамбовской епархии, согласно отчету миссионерского братства, их насчитывалось 20. Правда, деятельность кружков с трудом поддается оценке. Так, в 1915 году только один из них отчитался в своей работе. Иногда такие кружки могли числиться лишь на бумаге, так как некоторые священники стремились приукрасить свою деятельность.

Важное место в деятельности внутренней миссии занимали епархиальные миссионерские съезды, которые обычно проходили «по следам» всероссийских.

В январе 1906 года в Тамбове прошел III миссионерский съезд, на котором собралось более 60 человек, в основном – духовенство. По приглашению организаторов в его работе приняли участие два известных к тому времени в России миссионера – Дмитрий Иванович Боголюбов из Санкт-Петербурга и Иван Георгиевич Айвазов из Харькова (оба в прошлом миссионеры Тамбовской епархии).

IV миссионерский съезд состоялся в октябре 1908 года. Его особенностью стало участие в нем мирян. Сама по себе возможность

общаться и обсуждать накопившиеся проблемы делало съезды полезным мероприятием, однако стоит отметить, что большинство их решений так и не были проведены в жизнь.

В 10-е годы XX века противостояние тамбовских миссионеров и сектантов потеряло прежний накал. Объясняется это несколькими причинами. Со временем в обществе спал первоначальный интерес к баптистам, а у последних пропал наступательный дух, вызванный надеждой сделать российское общество баптистским. Свою роль в изменении характера миссионерской работы сыграл новый архиерей – архиепископ Кирилл (Смирнов), который возглавил Тамбовскую епархию в конце 1909 года. В своих выступлениях он неоднократно высказывался против прямых столкновений с сектантами, предлагая сосредоточиться на духовном просвещении православных мирян.

Еще одним важным фактором, сыгравшим на руку миссионерам, стала война. Как писал священник села Пановы Кусты А. Дмитриев, «в истекшем 1915 г. религиозная жизнь нашего народа протекала в непривычной для нас мирной обстановке. Война, сосредоточив на себе все внимание и все силы народа, парализовала прежнюю болезненную пытливость народа; страх кары Господней на время подавил задор колеблющихся. Особенно подавлены были баптисты»⁸. В свою очередь миссионеры в полемике с баптистами не стеснялись указывать на немецкое происхождение их секты.

Подводя итог истории внутренней миссии в 1905–1917 годы, мы должны отметить, что ее деятельность, несомненно, была гораздо активнее и разнообразнее, чем в предшествующее 30-летие. Тем не менее провал попыток сектантства переключить религиозную карту Тамбовской губернии связан в первую очередь не с внутренней просветительской работой, а с нежеланием самого населения менять свою веру. Поэтому значение внутренней миссии следует оценивать не с точки зрения эффективности полемики с сектантами, а с точки зрения деятельности, направленной на углубление церковности тех, кто продолжал оставаться членами Русской Православной Церкви.

⁸ ТЕВ, 1916. № 48. С. 945.

Г.А. Абрамова
главный научный сотрудник
ТОГБУК «Тамбовский областной краеведческий музей»

Из истории взаимоотношений Тамбовского областного краеведческого музея и Тамбовской епархии. 1879 – 2014 годы

Музейная деятельность по сути своей уникальна. Будучи хранителями важнейшего национального ресурса – культурного капитала, музеи выполняют высокую и благородную миссию просвещения и образования личности, воспитания души, осуществляют связь времен и поколений. В то же время, оставаясь грандиозной памятной книгой, хранилищем артефактов, тезаурусом и, говоря на языке музейных предметов о непреходящих ценностях, они призваны разворачивать перед Человеком и Обществом новые цивилизационные, мировоззренческие, культурологические, исторические и социальные смыслы.

«Музей и есть надежда века... музей будет действовать душеобразовательно, делая всех и каждого существом музееобразным»¹. Эти слова выдающегося русского мыслителя и философа Н.Ф. Фёдорова, сделавшего Музей центром своей философской системы, весьма актуальны в современной социокультурной ситуации. Пришло осознание социальной роли духовной культуры, культурного наследия, культурного капитала, важнейших составляющих преемственного развития общества и цивилизации.

Именно музей, как образ мира, вселенной видимой и невидимой, ушедшего и еще не наступившего, прошедшего, настоящего и будущего приобретает сегодня статус культурологического феномена, предоставляющего важнейшую информацию о нравственно-духовной сфере жизни, осуществляемой в рамках культуры, восстанавливает утраченную связь времен, преодолевает отчуждение и непонимание поколений, возвращает обществу и индивидууму осмысленную, духовно наполненную жизнь.

¹ Фёдоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Сочинения. М., 1982. С. 575.

Актуален тезис Н.Ф. Федорова о «силах собирающих». Религия, наука, искусство – все это силы собирающие, факторы стабильности, хранящие проверенные временем национально - культурные коды.

В этом контексте интересна история взаимоотношений Тамбовского губернского исторического музея и Тамбовской епархии, которая насчитывает более 130 лет.

27 сентября 1879 года в «Предложении Тамбовского губернатора Тамбовскому губернскому правлению» было отмечено, что наилучшим памятником юбилейной дате – 100-летию тамбовского наместничества «было бы учреждение в Тамбове губернского историко-этнографического музея... Основание музея может принести громадную пользу... год от года увеличивающемся в г. Тамбове числу учащихся... и местному населению»². Для выработки проекта «учреждения сего музея» была создана Комиссия под председательством тайного советника, обер-камергера Императорского Двора Э.Д. Нарышкина. В нее вошли ректор Тамбовской духовной семинарии архимандрит Димитрий, а также преподаватель Екатерининского учительского института, выпускник и преподаватель семинарии, историк-краевед И.И. Дубасов и С.Н. Чичерин. В журнале по устройству музея в г. Тамбове от 2 ноября 1879 года читаем: «...музей будет открыт при Тамбовской Ученой Архивной комиссии. Общее собрание... комиссии... постановило: ...музей должен называться Тамбовским Губернским музеем»³.

С 1879 по 1917 год в работе ТУАК и созданного при ней музея наряду с видными общественными деятелями, учеными принимали деятельное участие представители тамбовского духовенства. Членами комиссии, попечителями и дарителями музея были Тамбовские епископы Иннокентий (Беляев) и Кирилл (Смирнов), епископ Козловский Григорий, ректоры Тамбовской духовной семинарии протоиереи И.А. Панормов, Соколов, настоятель Саровской Пустыни игумен Иерофей. Священники городских храмов и батюшки далеких сельских приходов были постоянными жертвователями музея, совершая «серьезное

² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2853. Л. 31, 31 об.

³ Там же. Ф. 178. Оп. 3. Д.1. Л. 1, 1 об.

и скромное дело... исследования и сохранения памятников родного прошлого»⁴.

Протоколы заседаний ТУАК и первые музейные каталоги П.А. Дьяконова (1889) и А.И. Самоцветова (1916) свидетельствуют о коллекциях церковной утвари, икон, медного художественного литья, рукописных и старопечатных книг. В значительной степени они формировались и пополнялись тамбовским духовенством. «В наш музей непрерывно поступают все новые и новые интересные предметы. Так, ...от члена нашей комиссии, законоучителя Екатеринбургского учительского института, о. А.П. Архангельского получены предметы высокого археологического достоинства: старинное деревянное паникадило, оловянные сосуды, дароносицы и множество образков более или менее глубокой древности. Священником Василием Степановичем Викторовым пожертвованы – оловянный потир, дискос, тарелочки, крест и две дарохранительницы, тринадцать медных образков и резное из дерева изображение Спасителя в терновом венце»⁵. В 1909 г. в музей комиссии «поступили следующие предметы: по отделу церковно-археологическому – 97 медных образков, складней и крестов, пожертвованных членом комиссии священником села Ростошей Борисоглебского уезда о. Василием Разумновым; ...по отделу древних актов и рукописей – Синописис, отпечатанный в 1680 году, Грамота Св. Синода Феодосию, епископу Вологодскому, на пергаменте 1762 года»⁶. Из протокола № 161 заседания ТУАК от 12 октября 1909 года: «По открытии заседания членом комиссии о. Н. Ивановым было доложено собранию, что им найдена ставленая грамота, данная Св. Синодом в 1762 году епископу Вологодскому Феодосию, грамоту эту он, Иванов, жертвует Музею Комиссии... Собрание постановило: благодарить г. Иванова за его пожертвование и грамоту передать хранителю Музея Комиссии».

Синодальная грамота стала поистине уникальной «единицей хранения» документального фонда ТОКМ. В «Описи предметам, хранящимся в музее Тамбовской Ученой Архивной Комиссии», составленной А.И. Самоцветовым в 1916 году, грамота значится в разделе «Рукописи и книги» под № 843. На оборотной сто-

⁴ ИТУАК, 1911. Вып. № 54, протокол № 172. С. 24.

⁵ Там же, 1887. Вып. № 16. С. 2.

⁶ Там же, 1911. Вып. № 54, протокол № 172. С. 23

роне документа слева внизу две записи чернилами – «1943 г.» и «№ 4056, 1945 г.». В Книгу поступлений № 2 ТОКМ грамота записана 13 декабря 1948 года, № 4056. В 1958 году она была списана как «предмет, утративший музейное значение». В 2000 году синодальная грамота впервые экспонировалась в ТОКМ на выставке «Сокровища православной культуры и искусства», посвященной 2000-летию Рождества Христова, затем в 2007 году на выставке, посвященной 325-летию Тамбовской епархии. В 2010–2011 годы по программе «Культура России» была реставрирована в ВХНРЦ им. Академика И.Э. Грабаря.

Безусловно, взаимодействие музея ТУАК и Тамбовской епархии было гораздо шире, нежели пополнение музейных коллекций. Важнейшим направлением совместной работы стало обследование и фотофиксация древнейших тамбовских православных святынь, храмов и монастырей, изучение архивных документов, публикации материалов по истории Тамбовской церкви в Известиях ТУАК, Тамбовских епархиальных ведомостях, журнале «Русская старина», решение вопросов реставрации храмов и икон. Бесценным экспонатом ТОГБУК ТОКМ является альбом ТУАК с уникальными фотографиями православных реликвий, сделанными хранителем музея А.И. Самоцветовым в 1904–1905 годы.⁷ С созданием в 1912 году Церковно-археологического комитета совместная деятельность музея и Тамбовской епархии приобрела новое качество. Преосвященный Кирилл, епископ Тамбовский и Шацкий, подчеркивал значение «великого дела хранения потомству тамбовской старины». В «Воззвании», напечатанном на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей», он писал: «Долг пастырского служения... призывают нас к участию в деле научного изучения отчизны и истории местной церкви. Не будем уклоняться от посильного и добросовестного выполнения этой высокой задачи. Поработаем над этим предметом насколько достанет сил и умения»⁸. Священники охотно откликнулись на обращение. Уже к началу 1914 года поступило более 900 рукописей с историко-статистическим описанием приходов и храмов Тамбовской епархии.

⁷ ТОГБУК ТОКМ. КП № 6. Инв. № 10526.

⁸ ТЕВ, 1912. № 22–23. С. 849.

В 20-е годы XX столетия губернский народный музей принял на хранение отчужденные предметы церковного искусства, богослужебного обихода, в том числе и драгоценные святыни Тамбовской епархии – раку с мощами святителя Питирима, его фелонь, панагию, покров, ряд икон. Тем самым эти реликвии и другие церковные ценности были спасены от утраты, безжалостного варварского уничтожения, циничной продажи за рубеж.

В 1929 году решением Окрисполкома Тамбовскому окружному научно-художественному музею было передано «пустующее» здание кафедрального Питиримовского собора. Первая выставка весной 1930 года была антипасхальной, проходившей под лозунгом «Вместо богов и мощей больше угля, чугуна, стали, машин! Больше тракторов в деревню!». В так называемой экспозиции кощунственно были представлены мощи святителя Питирима и останки из семейного захоронения помещиков Лотаревых из Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Новые сотрудники не имели ни опыта, ни фундаментального образования, ни соответствующей квалификации. В 1930 году был упразднен отдел охраны памятников при Наркомпросе, который возглавляла Н.И. Троцкая. Начались многочисленные проверки и чистки в музеях страны. Музейные экспозиции превращались в иллюстрации к «Краткому курсу ВКП (б)». В январе 1930 года в Воронеже на съезде краеведов ЦЧО уже открыто разоблачались «лжекраеведы и двурушники».

По «Делу краеведов ЦЧО» в 1931 году было осуждено 14 тамбовцев: 8 человек на срок от 3 до 10 лет лагерей. Остальным лагеря были заменены высылкой. Так завершился разгром регионального научного краеведения и музейного дела.

Новый этап взаимоотношений музея и Тамбовской епархии относится к 1944–1946 годам – периоду пребывания на Тамбовской кафедре выдающего церковного иерарха архиепископа Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого). Безусловно, интересен факт передачи архиепископу из музея во временное пользование черной митры «необходимой для совершения предпасхальных богослужений», а также прошение настоятеля Покровской церкви г. Тамбова протоиерея Иоанна (Леоферова) о «выдаче архиерейского жезла с одновременным возвращением черной митры»⁹.

⁹ ТОГБУК ТОКМ. Научный архив, 1943–1946. Док. № 80, 80 об., 83.

По настойчивым ходатайствам Владыки Тамбовский областной краеведческий музей передал Тамбовской епархии самую большую коллекцию церковных ценностей – всего более шестисот единиц хранения, в том числе сто двенадцать антиминов, более двухсот икон, более двухсот богослужебных книг. Кроме того, были переданы священные одежды (в том числе и архиерейские), плащаницы, покровы, покровцы, воздуха из парчи и бархата, фарфоровые подсвечники, предметы литургического цикла¹⁰. Возвращенные музеем иконы – равноапостольной Марии Магдалины, благоверного Александра Невского, Вознесения Господня, Преображения, преподобных Антония и Феодосия Печерских, преподобного Серафима Саровского и ряд других были помещены в иконостас нижнего храма Покровской церкви города Тамбова, освященного Владыкой Лукой в честь преподобного Серафима Саровского в 1944 году.

Добивался, но безрезультатно, архиепископ Лука возвращения верующим кафедрального Спасо-Преображенского собора и мощей святителя Питирима.

Конец 1980-х – начало 1990-х годов стал для музея и епархии периодом непонимания, взаимных упреков и конфронтации. Острые разногласия между управляющим епархией, епископом Тамбовским и Мичуринским Евгением и директором ТОКМ Е.А. Морозовым сопровождали передачу епархии мощей святителя Питирима и других святынь 23 июня 1988 года, которая была приурочена к 1000-летию крещения Руси. Всего было передано 30 предметов. В 1991 году епархиальному управлению были переданы две уникальные иконы «Вселенские учителя и святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст» и «Пресвятая Богородица со святыми Петром, Алексием, Ионой, Филиппом Московскими и Всея России Чудотворцами», представляющие высокую художественную ценность.

В 1993 году музей был в кратчайший срок выведен из здания Спасо-Преображенского кафедрального собора. Ему было предоставлено здание бывшего Дома политического просвещения. Всего за пять лет, с 1988 по 1992 год, епархии было передано около 300 предметов.

¹⁰ ТОГБУК ТОКМ. Научный архив, 1943–1946. Док. № 68–92.

2000-е годы стали временем пересмотра отношений, вступления в диалог, определения путей взаимного сотрудничества. Сегодня музеи и епархия участвуют в совместных выставочных, издательских, исследовательских проектах, научно-практических конференциях и краеведческих чтениях. Нас объединяет понимание «наиболее поэтичной и наиболее поучительной задачи», связанной с духовной жизнью общества, осознание того, что культура является «прорастанием зерна религии, горчичным деревом, выросшим из семени Веры»¹¹.

¹¹ *Флоренский П.А.* Записки о христианстве и культуре // Электронный ресурс http://www.hrono.ru/libris/lib_f/froren01.html

БОГОСЛОВИЕ

Протоиерей Владимир Кленин,
секретарь Ученого совета
Тамбовской духовной семинарии

**Святитель Феофан Затворник –
учитель христианской нравственности
и духовный руководитель ко спасению**

Сегодня все больше и больше людей доброй воли обращаются к духовно-нравственным ценностям Православия и культурно-историческому наследию нашего российского общества для решения самых насущных проблем современности. В условиях активных социальных и экономических перемен, во времена относительной стабильности мира на планете неизменным остается духовная основа, которая светит нам из седой мудрости святоотеческого наследия, указывает правильный и уверенный путь вперед, в будущее. Приобщение к этим духовным сокровищам в сочетании с личным подвигом дают положительный результат и помогают обрести, а впоследствии и осуществить здесь, на земле, заветные возвышенные чаяния человека. И в первую очередь способствуют очищению душ наших от всего суетного, мелочного и греховного; воспитывают сердца людские, наполняя их любовью и состраданием; формируют гражданское самосознание в системе православных ценностей. После семидесятилетнего господства материализма в России мы вновь полны решимости плодотворно развивать сотрудничество в важнейших сферах бытия: религии, философии и науке, которые являются тремя основными движущими силами человеческой цивилизации, устремленной, в конечной счете, к одной цели – поиску совершенного блага. Противопоставление или изоляция этих цивилизационных сил друг от друга – явление искусственное и губительное, которое может привести к самым печальным последствиям.

Одним из выразителей святоотеческого наследия, учителем христианской нравственности и духовным руководителем ко спа-

сению по праву считается святитель Феофан (Говоров), Затворник Вышенский. В акафистном чтении о нем сказано: «Избранный Господом Церкви Русской светильник, изрядный подвижник и истинный слугитель Христов, богомудрый святитель Феофане... подвигами и трудами своими верным людям добре послужил и, в затворе пребывая, благодатными учениями путь спасения начертал еси»¹. Жизненный путь этого удивительного подвижника веры и благочестия тесным образом связан с Тамбовщиной. С 1859 по 1863 год он был епископом Тамбовским и Шацким, с 1866 по 1894 год подвизался в Вышенской пустыни, тогда входившей в состав Тамбовской епархии. Здесь святитель до конца своей жизни чувствовал себя вполне счастливым: на все предложения возглавить какую-либо епископскую кафедру он отвечал: «Вышу можно променять только на Царство Небесное»². Вся подвижническая жизнь и особенно пустынные подвиги святителя, при содействии Божественной благодати, постепенно сформировали его «в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова»³. Преисполненный духовной силой, искренностью и глубокой верой, горячим желанием спасения каждому человеку, Вышенский Затворник все свои знания и духовный опыт старался употребить «на обращение, вразумление и пробуждение грешников от усыпления»⁴, на указание путей таинственного общения с Богом под сенью Церкви. Святитель Феофан оказывал глубокое влияние на духовное возрождение всех слоев населения Российского общества. Его духовное наследие является глубоким и неиссякаемым кладом мудрости, из которого черпали и долго еще будут черпать люди, жаждущие религиозно-нравственного образования и просвещения. Сегодня, перед угрозой вымирания государствообразующего русского народа, его нравственной деградации, нам чрезвычайно важно обратиться к наследию святителя Феофана, которое поможет восстановить нравственные ориентиры, ценности культуры, веру. Живое преемство учения, духовности и опыта, берущее начало от Христа, пронизывает всю полноту человеческого существования и приво-

¹ Акафист святителю Феофану Затворнику Вышенскому. Свято-Успенский Вышенский женский монастырь, 2005.

² Собрание писем святителя Феофана. М., 1902. Вып. 8. С. 5.

³ Ефес. 4, 13.

⁴ *Феофан Затворник, святитель*. Путь ко спасению. М., 2003. С. 135.

дит в общение с Жизнью, о которой сказано Господом: «Аз есмь путь и истина и жизнь»⁵.

Вхождение в эту жизнь с Богом Феофан Затворник назвал не иначе, как «путь ко спасению». «Христианская жизнь, – говорит святитель, – есть ревность и сила пребывать в Богообщении». «Ощутимым внутренним свидетельством начала в нас христианской жизни, – продолжает старец Божий, – является появление жара деятельной ревности, исключительно о христианском Богоугождении, с полным самоотвержением и ненавидением всего тому противного (порока или нечто от таковых)»⁶. Истинный ревнитель не только старается делать доброе, «но бывает усерден и изобретателен на добро!; ибо иначе невозможно царствие получить», – вместе со святителем Иоанном Златоустом утверждает святитель Феофан. Как возжигается сей огонь и кто его производители? На этот вопрос Вышенский подвижник отвечает в строгом соответствии с православным святоотеческим духовным наследием: «Такая ревность производится действием благодати, однако же и не без участия свободной нашей воли. Как в семени растительная жизнь пробуждается тогда, когда к сокрытому в нем ростку проникает влага и теплота, и через них – всевосстанавливающая сила жизни, так и в нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия. Минута, когда низойдет благодать и сочетается с твоею волею, будет минутою рождения жизни христианской – сильной, твердой, многоплодной»⁷. Стяжание (то есть обретение и принятие) благодати и освящение ею нашего естества совершается в таинствах.

В таинстве Крещения, как известно, человек соделяется христианином – членом Церкви и получает доступ к благодати. Сила благодати проникает внутрь, врачует греховные болезни и повреждения, восстанавливает Божий порядок во всей его красе и гармонии. Поэтому Крещение и есть возрождение или новое рождение. Однако противоборствующая сила, влекущая к греху, и в этом обновленном состоянии не истребляется до конца, но уже не является господствующей. Святитель Феофан вместе со святым

⁵ Ин. 14, 6.

⁶ Феофан Затворник, святитель. Указ. соч. С. 11.

⁷ Там же. С. 17, 21.

Диадехом эту сокровенную тайну объясняют так: «До Крещения грех живет в сердце, а благодать извне действует; после же сего, благодать вселяется в сердце, а грех влечет извне. Он изгоняется из сердца, как враг из укрепления, и поселяется вне, в частях тела, откуда и действует раздробленно набегами. Почему и есть непрестанный искунитель, соблазнитель, но уже не властелин: беспокоит и тревожит, но не повелевает»⁸.

Особое внимание святитель Феофан обращает на то, что через Крещение жизнь христианская может начинаться и у младенцев, которые по известным причинам не могут искать благодати, посвящая себя всецело Богу. Это непереносимое условие в них соблюдается через восприемников. «Младенец живет, следовательно можно влиять на его жизнь. Здесь приложимы Святые Тайны, за ними вся церковность; и с ними вместе вера и благочестие родителей. Частое причащение Святых Христовых Тайн живо и действительно соединяет с Господом, умиротворяет в себе и делает непреступным для темных сил. Большое влияние имеет на детей: ношение в церковь, прикладывание к Святому Кресту, Евангелию, иконам, накрывание воздухами; также и дома: частое поднесение под иконы, частое осенение крестным знаменем, окропление святой водою, окуривание ладаном, осенение крестом колыбели, пищи и всего, к чему дитя прикасается, благословение священника, приношение в дом икон из церкви и молебны; вообще, все церковное чудным образом возгревает и питает благодатную жизнь дитяти. Под этим видимым охранением есть невидимое – Ангел Хранитель, Господом приставленный к младенцу с самой минуты Крещения. Он блюдет его, своим присутствием, невидимо влияет на него и в нужных случаях внушает родителям, что надо делать с находящимся в крайности детищем»⁹.

Крещеного человека подстерегает много опасностей на пути к совершенству. Стоит только ослабить или перестать возгревать в себе дар благодатной жизни, начинается жизнь холодная в вере, хоть иногда исправная и безукоризненная со вне. Ум рождает заботу о многопознании, разведывание, пытливость. Воля производит многожелание, стремление к многообладанию. Сердце образует

⁸ Феофан Затворник, святитель. Указ. соч. С. 25–26.

⁹ Там же. С. 32–34.

жажду удовольствий многих и разнообразных. Это круговращение в тысячу раз увеличивается, если человек приходит в соприкосновение, вступает в живой союз с себе подобными. К большой беде, в мире сем есть свой князь – лукавый, злой и опытный в обольщении. Вместе с целым полчищем слуг устраивает так, чтобы сознание, внимание, сердце человека были заняты любыми заботами, но только не Богом. При внимательном рассмотрении такой человек может оказаться много знающим, но слепым в отношении к делам Божиим и к делу своего спасения; что он непрестанно находится в делах и заботах, но бездействует и беспечен в отношении к устройению своего спасения; что он непрестанно испытывает тревогу и усладу сердца, но совершенно не чувствителен ко всему духовному. Такое состояние человека святитель Феофан Затворник называет «греховным сном». «Как крепко спящий, – говорит святитель Феофан, – какая бы ни приблизилась опасность, не проснется сам, не опомнится и не встанет, если не подойдет кто сторонний и не разбудит его, – так и погруженный в греховный сон, не опомнится и не встанет, если не придет к нему на помощь Божественная благодать, взывая: востани спяй и воскресни от мертвых, и освятитя Христос (Ефес. 5, 14)»¹⁰. Пробужденный от сна мнимого благополучия увидит свою греховность, почувствует опасность своего положения, начнет стараться и заботиться о том, как избавиться от своей беды и спастись. Благодатную помощь человек-грешник может получить в Таинстве Покаяния, куда он непременно должен поспешить. «Где нет Таинства Покаяния, – говорит святитель Феофан, – там нет и живущих истинно по-христиански»¹¹.

Путь ко спасению предусматривает и такой отрезок, на котором благодать скрывает себя от спасаемого человека. Святитель Феофан Затворник в согласии со святым Диадокхом объясняет нам: «Благодать утаевает свое присутствие, выжидая, как скоро человек совершенно обратится к Богу, тогда неизъяснимым каким-то ощущением открывает сердцу свое присутствие и опять ожидает движения души, дабы она с ревностнейшим произволением и смиреннейшим расположением взыскала Бога»¹².

¹⁰ Феофан Затворник, святитель. Указ. соч. С. 105.

¹¹ Там же. С. 216.

¹² Там же. С. 243.

И, наконец, когда кончится сей период сокровенного Богообщения и Божия в душе действия, благодать Божия, видимо, преисполняет его, что и составляет цель всего подвижничества и всех трудов со стороны человека, и всего домостроительного спасения от лица Божия. Святитель Феофан Затворник словами святого Макария и святого Диадоча об этом говорит так: «Благодать, после долгих испытаний, наконец, совершенно показывается, и душа приемлет полное усыновление Духа. Бог Сам Себя вверяет сердцу, и человек удостаивается быть един дух с Господом. Испытанный делается уже вполне жилищем Святого Духа. Благодать озаряет все его существо в глубочайшем каком-то чувстве»¹³.

Святитель Феофан Затворник в своих многочисленных творениях указал всем желающим путь ко спасению, или как правильно организовать духовную жизнь, которая постепенно преобразует человека из состояния страстного, болезненного в новое, святое, благодатное. Духовное единение с Христом открывает человеку бесконечную перспективу жизни и одновременно конкретный и полный ее смысл. Поэтому духовное наследие святителя-затворника должно стать достоянием или настольной книгой для каждого человека.

¹³ *Феофан Затворник, святитель. Указ. соч. С. 245.*

**ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО:
архитектура, иконопись, скульптура,
декоративно-прикладное искусство**

Священник Едесий Чернышев,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

**Архитектурный образ Свято-Троицкого собора
города Моршанска**

По благословению епископа Тамбовского и Шацкого Афанасия указом № 4009 Тамбовской Духовной консистории от 13 августа 1826 года моршанскому городскому главе Дорофею Даниловичу Кожину была выдана на три года книга для сбора пожертвований на построение нового каменного соборного храма в городе Моршанске¹. Самым первым жертвователем стал сам преосвященный Афанасий. На сбор пожертвований ушло 10 лет.

Еще задолго до строительства был поднят вопрос о месте расположения нового храма. Первоначально его планировали построить рядом со старым Софийским собором. При рассмотрении этого варианта стало ясно, что «построение нового собора должно весьма стеснить Софийскую площадь, у старой соборной церкви отнять весь вид... и между новым и старым собором оставить только самый тесный проезд»². Поэтому новому храму отвели другое место – на берегу Цны рядом с Софийской площадью. Для этого городское общество постановило купить в этой части города у моршанских купцов и мещан пять усадебных владений с домами. «Сей покупкою Софийская площадь по сломке домов распространится вдвое... и новый собор получит приличное место», – писал тамбовский губернатор³.

Процесс приобретения землевладений с домами растянулся на два года. В начале 1836 года в Петербург сообщалось: «...из мест, отходящих под постройку в г. Моршанске собора, некоторые уже

¹ Летопись соборного, г. Моршанска, Троицкого храма // Фонды Моршанского историко-художественного музея. С. 5.

² О перемене места, отведенного в г. Моршанске для постройки нового собора. 1834–1842 гг. // РГИА. Ф. 1237. Оп. 8. Д. 198. Л. 1.

³ Там же.

куплены, а остальные приобретаются...»⁴. В том же 1836 году в Министерство внутренних дел была отправлена еще одна телеграмма: «...место, на котором предположено построить в г. Моршанске новый собор через снос с покупных усадеб строений... очищено, и для развития под постройку собора места командирован тамбовский губернский архитектор»⁵.

10 июня 1836 года по благословению преосвященного Арсения были начаты работы по строительству Троицкого собора, которые продолжались 21 год. Главный придел во имя Святой Единосущной и Нераздельной Троицы был освящен 24 ноября 1857 года епископом Тамбовским и Шацким Макарием⁶ (митрополит Московский).

Оригинальные чертежи проекта Троицкого собора на сегодняшний день не обнаружены. До нас дошли лишь копии планов фасада и разреза здания 1830 года⁷.

Известно, что проект собора был рассмотрен 5 декабря 1830 года строительным Комитетом Министерства внутренних дел. Об этом свидетельствует надпись на копии проекта фасада в нижнем левом углу. В нижнем правом углу написано: «Сообщено управляющему Министерством внутренних дел, что Государь Император чертеж сей изволил рассматривать».

Кто же являлся автором этого величественного сооружения? Ответа на него, к сожалению, до сих пор нет. До настоящего времени не обнаружено ни одного документа с упоминанием архитектора-разработчика. На упомянутых копиях стоит только имя лица, сделавшего чертеж.

Во второй половине XX века авторство собора приписывалось В.П. Стасову – известному архитектору XIX века, выполнявшему крупнейшие столичные заказы.

Одним из первых В.П. Стасова, как автора проекта, упоминает В.И. Пилявский, член научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства СССР, доктор архитектуры, профессор ЛИСИ, автор монографии о В.П. Стасове. В своем пись-

⁴ О перемене места, отведенного в г. Моршанске для постройки нового собора. 1834–1842 гг. // РГИА. Ф. 1237. Оп. 8. Д. 198. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 24.

⁶ Летопись соборного, г. Моршанска, Троицкого храма // Фонды Моршанского историко-художественного музея. С. 10.

⁷ До закрытия собора копия плана фасада висела в алтаре.

ме от 7 сентября 1970 года он пишет: «Собор в целом и деталях является почти точной репликой столичного Преображенского собора, произведения гениального русского зодчего В.П. Стасова. Очевидно, что никто из иных зодчих не посмел для Моршанска воспроизвести замысел Стасова, стоявшего в 1820–30 годах во главе архитектурной жизни России. Можно с уверенностью утверждать, что моршанский собор является произведением зодчего Стасова... Таким образом, к числу городов, хранящих творения великого Стасова... мы по праву можем причислить и Моршанск»⁸.

Мнение авторитетного столичного специалиста впоследствии повторил моршанский краевед А. Шолохов, который писал: «По документам установлено следующее: ...здание строил по чертежам Стасова (подлинные чертежи отыскиваются) крепостной крестьянин Люлин С.В.»⁹ (Отметим, что в данном тексте возникла еще одна неточность: Люлин был не крепостным крестьянином, а вольноотпущенным¹⁰.)

Действительно, моршанский храм является «почти точной репликой» Преображенского собора в Петербурге, возведенного по проекту В.П. Стасова, но есть прямое подтверждение непричастности известного архитектора к авторству моршанского проекта. Во второй половине XX века Е. Острова, старший научный сотрудник Российского республиканского специализированного научно-реставрационного предприятия «Росреставрация» в своей «Исторической записке по памятнику архитектуры первой половины XIX века Троицкому собору в г. Моршанске Тамбовской области», которая была составлена в 1975 году, приводит слова письма самого В.П. Стасова к моршанским строителям. Этот документ, найденный в Ленинградской библиотеке М.Е. Салтыкова-Щедрина, называется: «Записка по строению собора в г. Моршанске в ответ на требование строителей по письму» (не датирована).

В письме к моршанским строителям, которое цитирует Е. Острова, Стасов отвечает на технические вопросы, касающиеся таких основных моментов, как кладка, толщина стен, связи, устройство куполов, колонн, дверей, окон и много другого, вплоть до мелких

⁸ Письмо В.И. Пилявского // Фонды Моршанского историко-художественного музея.

⁹ Письмо А. Шолохова // Фонды Моршанского историко-художественного музея.

¹⁰ Хитрово Г. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 250.

деталей. Свое письмо он заканчивает словами: «Архитектор Стасов считает обязанностью уведомить, что он планов для этого собора не сочинял, с которых присланы копии, а видит, что они кем-то составлены по подражанию Преображенского всей гвардии собора и С. Троицы, им устроенных в С. Петербурге, – но в некоторых частях неправильно, без рассмотрения внутреннего, т.е. невидимого глазами образа постройки...»¹¹

В заявлении Стасова нетрудно заметить желание именитого зодчего отмежеваться от подражательного, хотя и интересного проекта. Однако он, ведущий архитектор страны, оставаясь в рамках своего заявления, оказывает строителям в своих ответах квалифицированную помощь, которую от него ждали. Таким образом, мнение В.И. Пилявского о том, что «никто не посмел бы подделываться под Стасова» (данный тезис выступает главным аргументом в пользу авторства Стасова), опровергается. Проект моршанского собора как раз имеет подражательный характер. В связи с этим интересно то, что сам Стасов спокойно относился к подобному плагиату и даже помогал корректировкой проекта вместе с заявлением о своей к нему непричастности.

Почему же В.И. Пилявский так легко приписывает авторство именитому архитектору, но в своей монографии о Стасове моршанский собор не упоминает? Возможно, ответ кроется в событиях второй половины XX века.

В конце 1960-х годов тамбовский краевед А.И. Захаров задался целью спасти уникальные памятники архитектуры – моршанский Троицкий и мичуринский Боголюбский соборы, которые на тот момент находились в тяжелом состоянии. Для этого Захаров стал внештатным сотрудником ВООПИК и начал борьбу за восстановление храмов вместе с директором моршанского краеведческого музея П.В. Кобзевой и другими местными активистами, выступавшими за сохранение культурного наследия. С 1967 по 1970 год они вели переписку и встречались с областными чиновниками, организовывали обследования церковных зданий комиссиями разного уровня, которые не приводили ни к каким результатам. И вот в июне 1970 года появилось письмо столичного профессора В.И. Пи-

¹¹ *Острова Е.* Историческая записка по памятнику архитектуры второй половины XIX века. Моршанск, 1975 г. (ксерокопия) // Фонды Моршанского историко-художественного музея. С. 9.

лявского к руководству Моршанска, которое «в 1950-х годах самовольно сняло бывший собор с государственной охраны и приступило к его разрушению. Были снесены его малые купола. Этот акт вандализма был сделан по принципу нерадивой хозяйки, которая решает выбросить по ее мнению бесполезную, но ценную, непонятую ею вещь только для того, чтобы в квартире было меньше уборки»¹². Так в истории Троицкого собора вновь появился архитектор В.П. Стасов, но уже как «автор» проекта. Пилявский совершенно четко констатирует: «Можно с уверенностью утверждать, что Моршанский собор является произведением зодчего Стасова».

Насколько уверенно столичный профессор готов был утверждать авторство знаменитого зодчего – на все сто процентов ли, оставлял ли возможность для сомнения, или просто решил помочь сохранению здания, болея душой за разрушавшуюся красоту, – нам теперь не известно. Однако совершенно очевидно, что имя Стасова стало использоваться для привлечения внимания к существующей проблеме!

В тот момент уже не было важно, действительно ли Стасов являлся автором проекта или имел к нему лишь косвенное отношение. Главное – его фамилия прочно связалась с моршанским Троицким собором. А это означало, что «творение великого зодчего Стасова погибает». Именно так ставился вопрос при изыскании средств на реконструкцию церковного здания, как вспоминала Л.К. Кочеткова, которая в то время заведовала моршанским отделом культуры¹³.

Итак, В.П. Стасов корректировал чертежи проекта Троицкого собора и как бы санкционировал их реализацию. То внимание, которое он оказал в виде технических указаний и исправлений, тем самым привнеся свою лепту в строительство, вполне можно расценивать как соавторство, тем более, что прообразом моршанской святыни послужило именно его творение.

Говоря об архитектуре моршанского Троицкого собора, надо отметить, что он имеет сходство с двумя петербургскими постройками, спроектированными В.П. Стасовым, – Преображенским и Троицким соборами.

¹² Письмо В.И. Пилявского // Фонды Моршанского историко-художественного музея.

¹³ Из бесед автора статьи с Л.К. Кочетковой в ноябре 2005 г.

Моршанский Троицкий собор в плане представляет собой квадрат с выступающей на востоке алтарной частью и примыкающими с трех его сторон шестиколонными портиками. В этом отношении он отличается от петербургских соборов, план которых имеет форму креста. Однако если в план Троицкого собора включить пространство портиков, то получится та же форма – крест.

Судя по вышеупомянутому письму Стасова к строителям Моршанска, первоначальный проект соборного храма несколько отличался от реализованного на практике. Стасов писал: «Вообще план неправилен, он в одну сторону длиннее, а должен быть вовсе одинаковой длины, квадратный, потому что все внутренние и наружные столбы, арки, своды должны быть одинаковые и одинаково расставлены между собой, как на одной, так и на прочих сторонах»¹⁴. Это замечание было учтено – план современного храма равносторонен, что роднит его с петербургским Троицким собором.

Сходство Троицких соборных храмов, моршанского и петербургского, можно обнаружить и в конструкции портиков, в которых по шесть колонн, в то время как у Преображенского – четыре. Проект фасада моршанского храма 1830 года показывает, что колонны предполагалось выполнить с коринфскими капителями, как и у портика петербургского Троицкого, но на практике этого не сделали.

В пространственной композиции моршанского соборного храма большее сходство прослеживается с Преображенским собором, которое заключается в одинаковой расстановке малых куполов по углам основного объема здания. Вместе с тем говорить о полном подобии нельзя, поскольку в Преображенском соборе малые купола стоят на кольце внутренних столбов, а не на стенах четверика. Малые главы в столичном Троицком соборе почти вплотную придвинуты к главному куполу, доминирующему по высоте; в Преображенском они широко расставлены, несмотря на общую компактность. По своему объему моршанский собор больше Преображенского и в этом отношении ближе к петербургскому Троицкому храму.

В использовании декора Стасов был достаточно сдержан. Например, спроектированный им петербургский Преображенский

¹⁴ Острова Е. Указ. док. С. 21.

собор не изобилует круглой скульптурой, барельефами, сложным оформлением кладки. Пышно и торжественно Стасов впервые украсил петербургский Троицкий собор. В моршанском проекте видна попытка повторить именно его убранство, но в упрощенном виде. Неизвестный автор, вероятно, понимал, что в провинции воспроизвести все богатство столичного экстерьера будет сложно. В проекте нет скульптур и колоннады вокруг главного купола, зато почти все остальное убранство столичного образца предполагалось повторить в облике церковного здания уездного города.

Многое из запланированного проектом осталось не реализованным, – вероятно, из-за сложности строительства, нехватки средств и отсутствия профессиональных скульпторов. Так, например, не воплотились в жизнь следующие скульптурные задумки:

- барельефы на центральном барабане в подкупольной части в местах, соответствующих интервалу гуртов (созданы лишь ниши под их устройство);

- декоративный пояс среди консолей, поддерживающих карниз (там же, но ниже);

- рельефный декор вокруг арочных окон (вместо него оставлены гладкие ниши);

- ограда вокруг четырех малых барабанов;

- коринфские капители в виде стилизованного букета растений на колоннах портиков (вместо них оставлены гладкие поверхности);

- декоративный рельефный пояс по фасаду на уровне капителей.

Вместе с тем в декорировании моршанского собора появились элементы, которые не были запланированы проектом. К ним относятся вазы, поставленные на кровле с четырех сторон, вокруг дымоходов. Следовательно, банальная дымоходная труба оказалась весьма украшенной.

Сравнивая проект моршанского Троицкого собора с его воплощением на деле, понимаешь, что декоративного убранства в действительности слишком мало, но при взгляде на храм, за его могуществом и величием, совершенно не замечается каких-либо недостатков.

Таким образом, в решении плана, композиции, объема, пропорций и декоративного оформления моршанский собор явился про-

межуточным между двумя столичными постройками В.П. Стасова. Автор проекта компилировал два столичных архитектурных образа: один – для решения основного объема храма и декоративного оформления, другой – для строения купольной части.

Традиционное древнерусское пятикуполье в моршанском Троицком соборе соединено с античными формами, использующимися в классицизме.

Древнерусские храмы отличаются строгими архитектурными линиями, отсутствием пышности экстерьера, относительной простотой каменного убранства с применением нескольких декоративных элементов (примером могут служить псковские храмы, Троицкий и Святого Духа храмы в Троице-Сергиевой Лавре и др.). Внешней, достаточно простой красоте, в них противопоставляется богатейшее внутреннее убранство: золоченые иконостасы, многоцветные росписи стен, дорогие оклады икон, изысканные паникадила и прочая церковная утварь. В этом отражается стремление православной души к глубокому пониманию значимости внутреннего перед внешним, главенства души над телом.

При внешней простоте архитектурных форм интерьер Троицкого собора был весьма богат и содержателен. Центром интерьера любого храма является иконостас. В главном пределе моршанского собора он пятиярусный, боковые пределы трехъярусные. По своему оформлению иконостасы были явно не «стасовские», которые отличались применением пилястр, орнамента в виде спиралей, т.е. являющих собой классическое решение. В Троицком соборе было реализовано что-то общее между древнерусским, византийским и классицистическим принципами. Отсутствие единого стиля вполне компенсировалось хорошим техническим исполнением, так что складывалось положительное впечатление.

Глядя на Троицкий собор, нельзя не восхититься его величием и стройностью, плавностью линий в могучих каменных массивах!

Если ехать летом со стороны города Тамбова по дороге в Моршанск, то на взгорье, примерно километрах в 15-ти от города, открывается великолепная панорама: большинство домов «одноэтажной» России утопает за кронами деревьев, а вдалеке виднеется белокаменный собор – высокий и стройный, будто тянущийся вверх своими куполами! Когда спускаешься вниз с холма, храм на некоторое время скрывается за домами и деревьями, но, подъез-

жая ближе, видишь, как он неожиданно вырастает из-за крыш домов – появляются его кресты и своды, – и мы оказываемся прямо перед собором, поражаясь его массивности и благородству форм. Поражаемся тому труду и терпению, которые потребовались для возведения этой величественной постройки, той вере наших предков, которая отпечаталась в камне!

Троицкий собор является жемчужиной не только моршанской земли. Его значение простирается за пределы области, ведь не так много в России храмов, сходных с ним по величине. Наша задача и задача следующих поколений – сберечь эту красоту, чтобы «Господь был прославляем, а народ назидаем».

Протоиерей Валерий Литвиненко,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

История строительства Боголюбского собора в городе Мичуринске

Православные храмы с давних времен составляли неотъемлемую часть городских пейзажей. Волна антирелигиозной борьбы в годы советской власти уничтожила многие церковные архитектурные шедевры. Так, если в 1913 году в Тамбовском крае насчитывалось 1,5 тысячи храмов и монастырей, то в настоящее время почти полностью уничтожены церковные памятники архитектуры XVIII века; от построек XIX века осталось лишь 55 храмов. Наследие XX столетия составляет всего 15 церквей.

Не обошли стороной гонения на веру Христову и старинный русский город Козлов (ныне Мичуринск), который до октября 1917 года украшали 17 церквей, не считая церквей пригородных слобод, 2 монастыря и 8 часовен (при населении не более 50-ти тысяч человек). Многие городские храмы были обетными: Покровская соборная, Архангельская, Вознесенская, Троицкая, Ильинская, Боголюбская церкви, т.е. построенные по обещанию горожан в память о каком-либо историческом событии или избавлении от опустошительных эпидемий.

Для простых людей храмы служили не только культовыми постройками, но и истоками понимания прекрасного. Ведь церковь была, как правило, самым красивым сооружением, украшалась фресками, иконами, наполнялась звуками хорового церковного пения и колокольного звона.

К сожалению, большая часть церквей старого Козлова в настоящее время стерта с лица земли в период воинствующего атеизма; уцелело только четыре храма: Боголюбский кафедральный собор, Ильинский, Скорбящинский и Успенская церковь. Да и потребность в духовном окормлении православной церкви среди жителей современного Мичуринска куда меньше, чем у горожан дореволюционного города Козлова.

В 2009 году православные жители города Мичуринска с душевной радостью встречали 160-летие со дня основания и 135-летие

со дня окончания строительства и освящения Боголюбского кафедрального собора – тринадцатой по счету церкви, построенной в городе, бесценного духовного дара, оставленного нам нашими далекими предками. Сегодня Боголюбская церковь – памятник зодчества, охраняемый государством, – является одним из архитектурных символов Мичуринска.

Однако далеко не всегда Боголюбский собор был окружен должным вниманием и заботой прихожан. Ему в полной мере пришлось претерпеть те уничтожения, через которые прошли все городские церкви. Но Божий промысел сохранил его для нас и наших потомков, и сегодня мы имеем возможность ежечасно любоваться красотой Боголюбского храма, одновременно осознавая то, как много безвозвратно нами потерянно.

В 1873 и в 1902 годы в «Тамбовских епархиальных ведомостях» были изданы материалы, касающиеся истории создания Боголюбского собора: «Боголюбский храм в городе Козлове» и «Сказание о Боголюбском храме и Боголюбской иконе Божией Матери, что в городе Козлове». В 1889 году в Москве вышла книга «Козловские женские монастыри: древний Ильинский, – упраздненный и возродившийся из него – нынешний Боголюбский. Историческое описание». Во всех трех изданиях, кроме исторических хроник, детально описано состояние Боголюбского собора и козловского Боголюбского женского монастыря на рубеже XIX–XX веков.

Сегодня о Боголюбском кафедральном соборе можно услышать немало правдивых преданий, легенд, но и откровенных небылиц. Бытует мнение, что построен он в знак благодарности жителей Козлова Божией Матери за избавление жителей города от чумы и холеры, что когда-то при соборе был женский монастырь, что городской кафедральный собор – уменьшенная копия храма Христа Спасителя в Москве. Народ свято хранит предание об обретении чудотворного образа – образа Боголюбимой Божией Матери Козловской и явлении пречистой Девы Марии над собором, многочисленных чудесах, происходивших от икон храма. Вместе с тем до сих пор в городе распространены курьезные рассказы о несметных сокровищах, замурованных в стенах и подвалах собора, о том, что Боголюбская церковь якобы имела потайные подземные ходы в пригородный Троицкий мужской монастырь и к храмам, распо-

лагающимся на городском холме. Что же из этого является правдой, а что вымыслом?

История создания Боголюбского собора восходит к середине XIX века, когда козловское городское общество составило в январе 1848 года особый приговор, постановив воздвигнуть храм – в честь Боголюбской иконы Божией Матери, а при нем основать сиротский приют. «Содержа в памяти, – писали горожане, – грозное посещение Божие в сентябре и октябре месяцах минувшего 1847 года, поразившее наш город смертоносною язвою – холерою, от которой мы сохранились, как твердо верим, одним только всеильным ходатайством и покровительством Препоблагословенной Богородицы, – мы в духе смирения и сокрушения... просим Небесную Царицу о Ея благопоспешении в преднамеренном нами деле. Да устроится во имя Ея нашим городским обществом, а равно и добротными создателями храм, как памятник Ея милосердия и особенного граду нашему покровительству»¹.

Храмовый праздник нового собора решено было праздновать 3 ноября, т.к. в этот день по прекращению в городе холеры в 1847 году был отслужен благодарственный Богу молебен. «...И быть в тот день, – говорилось в том же приговоре, – пред Литургией крестному ходу из собора и из всех городских церквей в Боголюбский храм, а пред тем праздником посту с 1 по 3 ноября»².

Благословляя духовенство и горожан Козлова для совершення благодарственного молебна Богородице и начало строительства храма во имя Боголюбской иконы Божией Матери, епископ Тамбовский и Шацкий Николай (Доброхотов, годы служения на Тамбовской кафедре: 1841–1857) обратился к ним с глубокими по смыслу словами: «И за скорбь минувшую, и радость настоящую, да будет имя Господне благословенно!..»³

По замыслам горожан, тринадцатая церковь Козлова должна была превзойти великолепием двенадцать предыдущих. Купцы, прасолы, члены городской думы поручили человеку своего круга – купцу второй гильдии Зиновию Герасимовицу Порфентьеву, первому подрядчику строительства Боголюбского собора – найти

¹ Архив И.К. Голикова // Фонды Мичуринского краеведческого музея.

² Кученкова В.А. Тамбовские православные храмы. Тамбов, 1992. С. 183.

³ Черюковский Г. Сказание о Боголюбском храме и Боголюбской иконе Божией Матери, что в городе Козлове // ТЕВ, 1902. № 4.

подходящий проект храма. Вскоре он, проявив старания, представил обществу два плана, скопированных с планов, находящихся в Санкт-Петербурге церквей – Введенской и Благовещенской. Выбрали проект архитектора К.А. Тона – церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, построенный в 1834–1842 годы, с условием, что размеры возводимого в Козлове храма должны быть немногим больше Введенской церкви.

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы располагалась в городе на Неве, близ Обуховской больницы и Царскосельского (ныне Витебского) вокзала. Введенская церковь предназначалась для старейшего в русской армии Семеновского полка, отличившегося в ходе Отечественной войны 1912 года. Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы послужила прообразом не только Козловского Боголюбского собора, но и крупнейшего русского собора – храма Христа Спасителя в Москве, возведенного в 1889–1889 годы и рассчитанного на 10 тысяч человек. Петербургский, Московский и Козловский храмы архитектора К.А. Тона были воплощением единой архитектурной идеи – пятикупольного храма, представленного в «русско-византийском стиле».

В 1931 году храм Христа Спасителя в Москве был взорван. Введенская церковь Семеновского полка в Ленинграде была снесена в 1933 году. Из этого ряда талантливых архитектурных произведений К.А. Тона до настоящего времени сохранился лишь Боголюбский собор в Мичуринске.

Как оказался этот грандиозный проект выдающегося архитектора в Козлове – небольшом тогда купеческом городке? В 1824 году по распоряжению царя Александра Павловича в России был издан альбом архитектора А.А. Михайлова с образцовыми проектами «Краткое наставление о строительстве каменных церквей». В 1840 году был опубликован новый альбом проектов церквей, авторами которого были архитекторы-академики К.А. Тон и А.Г. Ухтомский. Обе книги были приобретены Тамбовской епархией и использовались в крае при строительстве храмов первой половины XIX века.

Проекты К.А. Тона и А.Г. Ухтомского представляли собой новое «русско-византийское» направление национального архитектурного стиля и отражали патриотические тенденции в русском обществе, характерные для периода после победы над Наполеоном.

Вторая четверть XIX века в России ознаменовалась развитием национального самосознания. Это время ставило перед архитекторами задачу создания национального стиля в храмовом зодчестве. Основой русской нации, и, следовательно, национального своеобразия, виделось Православие, исторические начало которого восходило к Византийской империи.

Одним из первых к архитектурному наследию Древней Руси и Византии обратился выдающийся архитектор Константин Андреевич Тон (1794–1881), считавший, что классические храмы не соответствуют ни русскому климату, ни православному преданию. Многие храмы, выполненные по проектам Тона, задумывались как памятники воинской доблести и как мемориалы, посвященные Отечественной войне 1812 года. Уже в петербургских постройках XIX века зодчий последовательно использовал крестово-купольную систему и основные внешние признаки традиционного соборного храма с пятью главами, символизирующими Христа и четырех евангелистов.

Направленность творчества К.А. Тона полностью соответствовала религиозным и этическим взглядам, патриотически настроенной части общества, – от императора Николая I и московского митрополита Филарета (Дроздова) до представителей литературы, науки и искусства.

По проектам К.А. Тона было построено немало зданий в Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе, Томске, Козлове, Красноярске, Ельце, Тихвине и других городах, составляющих национальную гордость России. Его архитектурному наследию принадлежат такие шедевры зодчества, как Московский Храм Христа Спасителя, Большой Кремлевский дворец, Петербургский вокзал в Москве и Московский в Санкт-Петербурге, знаменитая пристань со сфинксами перед зданием Академии Художеств в Санкт-Петербурге, здание Малого театра в Москве и многие другие замечательные архитектурные творения.

Конструктивно храмы архитектора К.А. Тона отличаются оригинальностью и совершенством. Построенный в «русско-византийском стиле» Боголюбский собор, до сих пор поражает своими размерами, строгостью линий и точностью пропорций. Простые и крупные формы придают зданию величие и монументальность.

Боголюбский собор в Козлове и Храм Христа Спасителя в Москве имеют много общего в своей архитектуре, соединяя в себе черты древнего и нового церковного зодчества. Особенностью московского и козловского храмов стал двухъярусный кольцевой обход, воспринимавшийся как памятник христианской древности. Оба собора имеют композицию, в которой преобладающую роль играет громадный центральный купол шлемовидной формы.

Местом строительства козловского Боголюбского собора по образцовому проекту К.А. Тона была выбрана Красная площадь на пересечении улиц Монастырской и Лебедянской. В 1771 году в знак благодарности Богородице за избавление города от чумы здесь была воздвигнута Красная часовня с неугасимой лампадой перед Боголюбской иконой Божией Матери.

Выбор места был обусловлен не только историческими причинами, но и практическими. Поскольку все церкви Козлова были тогда возведены в верхней части города бедные жители, не имевшие лошадей, испытывали затруднения при их посещении. В этом смысле местоположение Боголюбского собора было более удобным.

Закладку Боголюбской церкви осуществил бывший ректор Тамбовской Духовной семинарии архимандрит Платон (впоследствии епископ Костромской) 6 августа 1849 года – в день Преображения Господня. Однако строительство храма продвигалось медленно (причина тому заключалась не только в тщательности выполнения работ и нехватке денежных средств, но и в связи с крупнейшим городским пожаром). Осенью 1853 года Боголюбский храм был возведен до купола и лишь в 1871 году в нем, как свидетельствует летопись, строили три иконостаса и собирались заказать для них иконы. Строительство удалось завершить спустя 24 года после его начала.

В 1871 году многие районы России были поражены холерой, которая свирепствовала во многих уездах Тамбовской губернии, в том числе и в Козловском. В середине июля того года (в самый разгар холеры в окрестных селах), по общему желанию жителей города бывший в то время строитель храма Максим Герасимович Парфентьев испросил у епархиального начальства разрешение на совершение в строящемся и еще неосвященном Боголюбском Соборе трех

всенощных бдений с вечера, и трех молебных пений утром, перед Боголюбивой иконой Божией Матери⁴.

Из дома купца Гладышева в недостроенный храм был перенесен чудотворный козловский образ Богородицы. На протяжении трех суток горожане и жители окрестных сел усердно молились перед ним Пречистой Деве о своем спасении. Громадно было стечение народа во время этих священнослужений, даже обширный Боголюбский храм не вмещал всех молящихся. Горячи были молитвы людей, объятых страхом смерти, и моления их были услышаны – холера миновала Козлов. Летопись сообщала, что «в ужасное лето 1871 года город Козлов отправил в город Тамбов значительный транспорт печального товара – гробов, как совершенно ненужный в Козлове и нужный в Тамбове...»⁵

Ничего не было удивительного в том, что при таких чудесных обстоятельствах потекли обильные пожертвования, позволившие ускорить возведение нового храма. Когда в конце 1871 года умер второй подрядчик строительства Боголюбского собора М.Г. Порфентьев, храм был уже полностью отстроен. Строители приступили к изготовлению иконостасов. Были приобретены пять колоколов (самый большой из них весил 103 пуда). Новым подрядчиком был избран купец второй гильдии Никита Николаевич Гридчин.

В январе 1873 года Н.Н. Гридчин известил городскую управу, что церковь отстроена и готова к освящению. 10, 11 и 12 февраля 1873 года. Боголюбский храм был освящен в честь иконы Боголюбской Божией Матери Преосвященнейшим Феодосием 2 (Шиповаленко, годы служения на Тамбовской кафедре 1863–1873 гг.), епископом Тамбовским и Щацким, в сослужении духовенства, при многочисленном стечении граждан.

Новый Козловский храм имел три престола: главный в честь Боголюбской иконы Божией Матери, правый – Сретения Господня, левый – преподобного Сергия Радонежского.

Однако Боголюбский собор не сразу обрел свое великолепие. «Тамбовские епархиальные ведомости» свидетельствуют, что на

⁴ Козловские женские монастыри: древний – Ильинский, – упраздненный и возродившийся из него – нынешний Боголюбский: Историческое описание // Фонды Мичуринского краеведческого музея.

⁵ Солопов А. Блаженны чистые сердцем // Мичуринская правда, 1999. С. 1.

момент завершения строительства и освящения ни наружный вид храма, ни его внутренняя отделка, ни церковная утварь не были богаты. Стены внутри храма были окрашены бледно-розовой краской, иконостас собора отличался бедностью⁶.

Красотою, богатством и благолепием Боголюбский собор просиял лишь на рубеже XIX–XX веков. В конце XIX века среди 17 козловских храмов он отличался не только своими размерами, но и своим великолепным интерьером. Стены и пилоны храма были искусно расписаны опытными живописцами, в числе которых был академик живописи А.Д. Надежин и его ученики. По количеству и качеству позолоты убранство собора приближалось к лучшим храмовым сооружениям Петербурга и Москвы. Местная пресса сообщала, что Боголюбский собор занимал первое место по наружной, внутренней красоте среди козловских храмов, а по размерам в Тамбовской епархии уступал лишь моршанскому Троицкому собору. Громадностью размеров храм поражал жителей провинциального, в основном одноэтажного городка.

В XIX – начале XX века благоустройство Боголюбского собора легло на плечи церковно-приходского попечительства, ревностным старостой которого был Яков Алексеевич Гладышев. После его смерти старостой собора был избран Андрей Михеевич Памперов, содержащий при храме богадельню.

В 1910–1912 годы храм несколько раз горел, но всегда сравнительно быстро восстанавливался, во многом благодаря усилиям приходского попечительства.

Тихая безмятежная жизнь Боголюбского собора была в одночасье разрушена октябрьской революцией, хотя после нее еще 15 лет в нем продолжались Божественные службы. С 1922 года, согласно постановлению ВЦИИК, из Боголюбского собора и других храмов Тамбовщины начинали изымать церковную утварь в фонд помощи голодающим Поволжья.

В 1927 году с верующими был расторгнут договор на пользование храмом, а в 1932 году собор закрыли. Не касаясь подробно истории его разорения, необходимо отметить, что Боголюбская церковь великим чудом уцелела в годы советского атеизма.

⁶ Боголюбский храм в городе Козлове // ТЕВ, 1873. 10 июля.

Вторым рождением собора можно назвать 30 июня 1990 года, когда после передачи Тамбовским облисполкомом второй религиозной общине Русской Православной Церкви храм был освящен малым чином.

Сегодня Боголюбский собор – главный храм города Мичуринска. Он, как и прежде, поражает своим величием, внутренним и внешним. Однако предстоит еще много поработать, чтобы достичь былого изящества, красоты, богатства в его убранстве. Здесь, как и раньше, благодатно возносится молитва к Царице Небесной – Заступнице рода христианского.

М.В. Никольский,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
кандидат педагогических наук

Обучение основам иконописи через практическую деятельность

Практика обучения основам иконописи и анализ реального состояния иконописного творчества показывают, что процесс получения соответствующих художественных навыков должен базироваться на активном и приоритетном включении специальной практической деятельности учащихся и быть главнейшим звеном во всей системе подготовки изографа.

Практическая основа методики подготовки будущего иконописца определяется главным, исторически выверенным методом – методом копирования, который, по сути, является чистой практикой. Здесь следует вспомнить древние указания на то, что истинными творцами икон были святые отцы и богословы Церкви, а иконописец – лишь орудие в их руках. Однако мы знаем таких выдающихся богословов и одновременно иконописцев, как митрополит московский Петр, преподобный Андрей Рублев, Феофан Грек, Симон Ушаков; иконописцы нового и новейшего времени Леонид Успенский, монахиня Иулиания, архимандрит Зинов, архимандрит Рафаил и т.д.

Подобная традиция возникла в евангельские времена. Согласно церковному преданию, евангелист и ближайший ученик Иисуса Христа апостол Лука был первым христианским иконописцем. Известно, что он написал пять икон (с натуры) и являлся автором четырех канонических евангелических текстов, что свидетельствует о сочетании в нем талантов богослова и иконописца, что, в сущности, является понятием нераздельным.

Будущий иконописец обучается, приобретая соответствующие навыки чрез практику. В нашем случае речь идет о чисто практической деятельности учащегося, которая организуется следующим образом.

Подобная практика проводится после каждого года обучения: в учебных мастерских, музеях и музейных комплексах, православ-

ных храмах, монастырях и храмовых комплексах, художественно-производственных мастерских. Она проходит под руководством преподавателей и практикующих иконописцев на местах.

Выполняются обучаемыми в соответствии с рекомендациями и предложениями преподавателя, а также в соответствии с личностными предпочтениями (с обязательным обсуждением с руководителем). К таким заданиям относятся:

- работы, направленные на закрепление полученного опыта во время аудиторных занятий;
- работы, направленные на расширение полученного опыта во время учебного процесса;
- работы, выполненные в связи с необходимостью углубления частных творческих установок учащегося (как правило, во время выпускного курса).

Данные виды работ выполняются лишь в том случае, если обучаемый справляется с учебной программой, не проявляет признаков утомляемости, имеет высокий мотивационный уровень и сам проявляет творческую и учебную активность.

Внеаудиторные творческие работы (выполняются по индивидуальным творческим установкам и духовным воззрениям под руководством преподавателя)

К таким работам могут относиться:

- создание образов по оригинальным или редким изводам, выполняемых по плану учебных работ;
- применение увеличенных или уменьшенных размеров (форматов) досок на текущие задания;
- творческое переосмысление духовных акцентов какого-либо извода;
- применение несколько иных иконописных материалов в работе в соответствии с духовным замыслом;
- оригинальное (но уставное) итоговое оформление работы, упрощение или детализация извода в соответствии с заданием, нюансная балансировка тона и цвета иконы в соответствии с замыслом, применение особой иконописной техники в соответствии с замыслом, особый выбор фактуры образа.

Для того чтобы научиться фиксировать и овладевать некоторыми секретами мастерства и особенностями иконографической структуры иконического образа, необходимо выполнять дополни-

тельные виды работ по моделированию и копированию отдельных частных видов икон и элементов. Так, при написании некоторых иконографических типов возникает необходимость (или желание) написать еще схожий образ, но принципиально отличающийся по композиции, пластике (или даже по духовному прочтению). Например, осваивая написание иконографического типа иконы пресвятой Богородицы под названием «Умиление», как правило, выполняется икона, именуемая «Богоматерь Казанская», но для более глубокого понимания вышеуказанного типа есть необходимость написания иконы, именуемой «Богоматерь Владимирская». Дело в том, что обе эти иконы говорят об одном – антиномическом общении Богородицы и Богомладенца, о Его грядущем крестном страдании и последующем воскресении – Пасхе Христовой, но последующее художественное прочтение этих икон разное и по своему самобытное.

Художественная пластика и комплектация упомянутых иконографических типов также совершенно разные. Так, икона «Богородица Казанская» имеет крупный формат персонажей по отношению к размеру доски (формату); лик Богородицы развернут к зрителю (при наклоненной голове); композиция имеет погрудный формат с благословляющей рукой младенца-Христа.

Образ «Богородица Владимирская» имеет композицию, где Иисус Христос изображен полностью (с руками и ногами), сидящим на руке Богородицы, в парчовых одеждах, со взглядом, направленным на Свою Матерь.

Таким образом, при одном иконографическом типе указанные иконы имеют разную композицию, но общее художественное решение. Поэтому, если в образовательной практике есть возможность выполнения обеих икон, то это целесообразно сделать.

Если обучаемый активно и качественно справляется с учебным планом, то будет целесообразным его привлечение к возможным хоздоговорным работам в художественных бригадах по профилю осваиваемой специализации. Участвуя в них, обучаемый приобретает очень ценный опыт, так как сталкивается с реальной деятельностью, где учится доделывать до конца работу, необходимую заказчику, отделять в работе главное от второстепенного, планировать рабочее время, учиться у практикующих мастеров, знакомиться с современными художественными материалами, а также

с их использованием, расхождением и приобретением. Учебный опыт может лишь смоделировать подобную деятельность. Кроме того, при таких видах работ имеется возможность закрепления полученных навыков и знаний во время учебного процесса на практике.

Имеются в виду поездки в различные православные монастыри и приходы, где есть возможность учащимся поучаствовать в работах, связанных с благоустройством, реставрацией и реконструкцией как архитектурно-храмового комплекса, так и его оформлением, что способствует приобщению к православной культуре в целом, через соответствующую трудовую деятельность.

Данный вид работ напоминает классическую искусствоведческую практику, где идет описание имеющихся иконописных памятников или знаковых произведений в храмах и галерейно-музейных собраниях региона, где находится учебное заведение.

Сбор подобных рефератов со временем составит авторские папки, где будет храниться систематизированное описание наиболее интересных (с точки зрения учащегося) иконописных произведений, которые помогут указать ему индивидуальный путь творческо-иконописного совершенствования. Данная деятельность вырабатывает у учащихся аналитические качества, которые необходимы будущему изографу, так как у него формируются детальное видение предмета, умение определять главное и второстепенное в иконическом образе, традиционные и инновационные черты православного канона; формируется умение смотреть на икону с научных (аналитических) позиций, что придает выводам обучаемого более объективный характер.

Практика показывает, что объем подобного реферата не должен превышать 16 страниц машинописного текста (или 1 печатный (типографский) лист). Структура реферата: введение; описание произведения (размер, дата создания, иконографическая композиция, материал); возможная археологическо-агиографическая история произведения; повествование о подобных иконографических памятниках, объединенных одним типом; описание иконографического извода; фотофиксация в распечатанном и электронном видах (общая фотография, фотографии образа в храмовом или музейном пространстве, его фрагменты, торцы, тыльная часть основы); описание сохранности произведения; выводы (о подвиж-

ных и неподвижных формах композиции и канона); список источников, посвященных памятнику и его аналогам.

Важной деятельностью для учащихся является сбор различных изображений святых, интерьеров храмов, церковной утвари, православных орнаментов и т.д., как для иконописного класса (в качестве наглядных пособий), так и для личного архива.

Под процессом сбора лицевой иконографической информации понимается фотофиксация понравившихся изображений, их зарисовки, калькирование, приобретение в качестве репродуцированных изображений, поиск в сети Интернет (как в аналоговом, так и в цифровом вариантах), сбор соответствующей литературы. Причем сбор подобной информации не обязательно должен иметь какую-либо цель, так как зачастую собранные изображения не будут представлять какого-либо интереса на сегодняшний день, но впоследствии смогут оказать неоценимую услугу в понимании иконы или в ее создании, так как в процессе обучения меняется художественный уровень или ценностные установки.

Сбор иконографической лицевой информации обязательно должен иметь систематизированный характер.

Если рассмотреть возможность методической систематизации аналоговой информации, то опыт показывает, что целесообразно следующее распределение иконографического лицевого материала по разделам (или условным папкам): изображения православных праздников; изображения Иисуса Христа; изображения Богородицы; изображения Ангелов; изображения святых мужей; изображения святых жен; изображения святого Николая Чудотворца; изображения святого Георгия Победоносца; изображения Креста Господня; изображения иконостаса и интерьеров православного храма; проекты и фотографии православных храмов; православные орнаменты; о православии.

В процессе сбора материала некоторые папки могут стать двойными (и более), в зависимости от выбранных приоритетов.

В данной статье мы не рассматривали различных оригинальных и инновационных видов дополнительной практической деятельности в подготовке будущих иконописцев (например, работа в православных лагерях и в рамках инновационных площадок), так как они недостаточно апробированы на практике и не осмыслены теоретически.

При всех очевидных положительных моментах этого процесса преподавателю необходимо помнить о том, чтобы не перегружать учащегося, поскольку повышенная утомляемость может сформировать апатию и потерю интереса к иконописному творчеству. По нашему мнению, подобная педагогическая деятельность может быть только адресной, индивидуальной по отношению к конкретному ученику, если только вышеуказанные действия не определены учебным планом общей системы подготовки будущего иконописца на начальном этапе художественного образования.

В результате проведенного анализа, основанном на реальном педагогическом опыте, мы выяснили, что обучение основам иконописи через практическую деятельность является эффективным и необходимым средством в подготовке будущего изографа на начальном этапе художественного образования. Основное его достоинство – активизация иконографического мышления, так как обучаемый начинает (и вынужден) использовать полученный опыт и навыки на практике, а также видит результат своего иконописного образования как бы со стороны.

И.Ю. Позднякова,
кандидат архитектуры.
священник Виктор Поздняков,
выпускник Тамбовской духовной семинарии

Роль епископа Феофила (Раева) в церковном строительстве Тамбовской епархии в конце XVIII – начале XIX века

В XVIII веке за строительство новых церквей отвечали местные архиереи. На них была возложена основная ответственность за утверждение проекта на месте, разрешение строительства, также они были основными инициаторами в возведении новых церквей в городах и монастырях. Со времен основания Тамбовской епархии практически все правящие архиереи старались соблюдать порядок непрерывного строительства новых церквей. В конечном итоге, именно от хозяйственной политики преосвященного зависело состояние дел в храмостроительстве епархии. В «Историко-статистическом описании» Георгий Хитров подробно рассказывает о строительной деятельности каждого тамбовского епископа как о неотъемлемой части его служения.

Одним из самых деятельных преосвященных, пребывавших когда-либо на Тамбовской кафедре, был епископ Феодосий (Головницкий), (пребывание на Тамбовской кафедре: 1766–1786 гг.). «Усердие Феодосия обнаружило себя щедростию на устройство и украшение храмов Божиих. В городах, монастырях и селах на место ветхих деревянных церквей одна за другою воздвигнуты церкви каменные обширные и благолепные; в короткое время построено довольно новых храмов. <...> Короче сказать: в 1772 году после язвы устроено в епархии до 40 храмов».¹ Необходимо отметить, что в XIX веке эпитет «благолепный» или «хорошокрасивый» применялся к зданиям, украшенным деталями барокко и классицизма. Должное внимание епископ уделял и монастырскому строительству. Именно он был инициатором каменного строительства

¹ Хитров Г. Указ. соч. С. 97

на территории Казанского монастыря, которое продолжил его приемник – епископ Феофил (Раев) (пребывание на Тамбовской кафедре: 1788–1811 гг.).

По происхождению епископ Феофил был малороссиянин. Родился в семье дворянина Камардина² в 1737 году в Глуховском повете Черниговской губернии. Рано лишившись родителей и не имея средств к существованию, до 18 лет обучался в черниговской семинарии, потом в Киевской академии. Фамилию «Раев» часто давали в семинариях или академии сиротам-воспитанникам. В 1762 году он принял постриг с именем Феофила и был рукоположен в сан иеродиакона. В том же году был определен учителем во вновь открытые географический и немецкий классы Новгородской духовной семинарии, где в 1769 году был переведен на преподавание пиитики. В том же году, 27 июля в Санкт-Петербурге, он был рукоположен в иеромонаха. 29 сентября 1770 года иеромонах Феофил был назначен префектом, а 13 июля 1774 года был посвящен в сан архимандрита новгородского Антониева монастыря и поставлен ректором той же семинарии, что дало ему право присутствия в духовной консистории. В 1780 году архимандрит Феофил был вызван в С.-Петербург для исправления чреды священнослужения и проповеди слова Божия, он так же присутствовал в Санкт-Петербургской духовной консистории. В июле 1782 года был переведен настоятелем в новгородский Хутынский монастырь. Через пять лет, в апреле 1787 года, он был рукоположен в епископа Старорусского, викария митрополита Новгородского Гавриила³. В мае 1788 года епископ Феофил был назначен на самостоятельную Тамбовскую кафедру⁴.

Здесь, по особому указанию Святейшего Синода, он должен был устроить учебно-воспитательный процесс в Тамбовской семинарии. Помимо этого, руководствуясь примером митрополита Гавриила, у которого в течение 18 лет он находился в подчинении, епископ Феофил старался наладить все сферы церковной жизни вверенной ему епархии – от упорядочения консисторского делопроизводства, до правильного исполнения церковных служб

² Хитров Г. Указ. соч. С. 168

³ Здравомыслов К.Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени: Краткие биографические очерки. Новгород, 1897. С. 119 – 120

⁴ Хитров Г. Указ. соч. С. 109

в приходских церквях. Как сообщает тамбовский историк священник Георгий Хитров, по прибытии на кафедру епископ Феофил составил для консистории письменные указания и правила. Следует заметить, что в этом документе епископ неоднократно ссылается на опыт и труды Московского митрополита Платона⁵. Дело в том, что годы правления Тамбовского епископа Феофила пришлось на время служения митрополита Платона (Левшина). Он являлся одним из крупнейших церковных деятелей эпохи Просвещения в России и возглавлял Московскую епархию с 1775 по 1811 год⁶. Логично предположить, что его взгляды на церковную архитектуру, изложенные в собрании сочинений и изданные в 1782 году, а также строительная программа, осуществлявшаяся в это время в Московской епархии, имели влияние на его современника – епископа Феофила.

Епископ Феофил открыл новую эпоху в жизни Тамбовской епархии и на много лет вперед predetermined модель строительства городских и монастырских соборов этого региона. «С попечением о внутреннем благоустройстве обителей епископ Феофил соединял непрерывную, самую неутолимую заботу о внешнем их благолепии. При его поступлении на паству тамбовскую почти все монастыри вверенной ему епархии были бедны зданиями, и эти здания большею частью деревянные, приходившие уже в ветхость, не соответствовали своему назначению ни планом, ни вместимостью. <...> к концу его служения пастве Тамбовской все обители были им устроены согласно требованию времени. Для некоторых обителей он сам был и зодчим и надзирателем при постройках. Только устройство монастырей, удаленных от Тамбова, он поручал людям, к которым имел полное доверие, не оставляя, впрочем, своего личного надзора за постройками».⁷

Личное участие епископа в церковном строительстве было огромным и решающим. В условиях, когда обители получали ничтожное финансирование от государства, а пожертвования тратили только на необходимые нужды, епископ смог организовать небывалое по масштабам строительство сразу в нескольких монастырях.

⁵ Хитров Г. Указ. соч. С. 116, 159.

⁶ Пулятин И.Е. Образ русского храма и эпоха Просвещения: Монография. М.: Гнозис, 2009. С. 21–57.

⁷ Хитров Г. Указ. соч. С. 133–134.

Сначала был произведен капитальный ремонт в Троицком Козловском монастыре – одном из древнейших монастырей епархии. «Когда были приобретены средства для исправления ветхостей Козловского монастыря, преосвященный Феофил на этот случай дал Варлааму подробныя наставления, и он выполнил их с отличною точностию. <...> Вообще архимандрит Варлаам, при помощи и под руководством епископа Феофила, столько сделал для благоустройства козловской обители, сколько не сделал ни один настоятель после него».⁸

Значительной реконструкции подверглась Успенская церковь. Двухэтажным храм был основан в 1670 году по благословению высокоосвященного Илариона, бывшего Митрополита Рязанского во имя Успения Божией Матери при настоятеле игумене Кирилле. Верхняя церковь в нем была одноименной, а нижняя – во имя Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия. Здесь была произведена перепланировка – переустроены приделы, один из которых по просьбе епископа был посвящен Варлааму Хутынскому, – святому, подвизавшемуся в монастыре, настоятелем которого некогда был преосвященный Феофил. На храмозданной таблице, сохранившейся в наши дни об этом написано : «... а 1793 года при игумене Варлааме Новохоперском возобновлена с позолоченным иконостасом и обновлена образами, ищекотурена снаружи, покрыта вновь железом. Крест и глава позолочены и переименована: в нижнем этаже... во имя Всех Святых... а в верхнем – во имя Варлаама Хутынского».

В 1844 году каменные своды верхней церкви были разобраны и заменены деревянной скатной кровлей, а стены подняты на два аршина.⁹ Тогда же была разобрана колокольня этого храма. От нее осталось кубовитое основание, примыкающее к основному объему церкви. По сути, в таком виде эта церковь сохранилась до настоящего времени. Протяженные боковые фасады расчленены лопатками и горизонтальными тягами. Наличие фигурных фронтонов на северном, южном и западном фасаде, выполненных в неорусском стиле «северного зодчества», говорит о том, что церковь подвергалась повторной реконструкции уже в начале XX века. Каждый такой фронтон был увенчан небольшими луковичными

⁸ Хитров Г. Указ. соч. С. 135–136.

⁹ Бельх М. Сказания о Козловских храмах. Липецк, 1998. С. 102–103.

главками, значительно обогащавшими пластику лаконичных фасадов храма.

Помимо настоятельского корпуса была перестроена часть монастырской ограды. Судя по описаниям, изданным в 1876 году в Тамбовских Епархиальных Ведомостях,¹⁰ сложно сказать, когда были сооружены башни: вместе с первой каменной стеной в 1750 году, или позже, при епископе Феофиле. Ансамбль Козловского монастыря приобрел должный вид уже без участия епископа, но, несомненно, согласно его строительной программе. Колокольня, выстроенная в 1822 году на пожертвования жителей города Козлова, располагалась по центру западной стены над Святыми воротами, между двумя угловыми башнями. Традиционное расположение колокольни над западным входом было продиктовано не функциональной, а богослужебной необходимостью: «В нижнем ярусе в направлении запад-восток существуют проездные ворота, которые, впрочем, всегда заперты, за исключением дней, в которые осуществляются крестные ходы, так как для прохода в монастырь есть северные ворота.»¹¹

Большое внимание преосвященный Феофил уделял и Саровской пустыни.¹² «Посетив ее весною 1789 года, епископ Феофил нашел некоторые здания не соответственными великолепию храмов и богатству обители; другия, по его мнению, стояли не на месте с нарушением общаго ея вида. Рассмотрев внимательно обитель, преосвященный Феофил тот час же составил план переделок и новых построек, удивляясь тому, что пустынь, богатая средствами для своего внешнего великолепия, не вполне обладает им, тогда как это могло бы еще более возвышать высокий иноческий чин ея. По наставлению этого зодчаго, строитель пустыни иеромонах Пахомий в том же году приступил к исполнению его предначертаний».¹³ По указаниям епископа на месте старой надвратной церкви была возведена четырехъярусная колокольня с симметрично прилегающими к ней братскими корпусами, в углах западной стены

¹⁰ Козловский Троицкий монастырь // Тамбовские епархиальные ведомости. 1876. № 10. С. 313–315.

¹¹ Козловский Троицкий монастырь // Тамбовские епархиальные ведомости. 1876. № 11. С. 316.

¹² Орлов Н.И. Особенное внимание Преосвященного Феофила (Раева) к Саровской пустыни. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. № 28 С. 195–197.

¹³ Хитров Г. Указ. соч. С. 136.

возведены две трехъярусные башни (на восточной стороне ограды башни уже существовали). Таким образом, западная стена была полностью перестроена по классицистическому канону, главным атрибутом которого являлась высокая колокольня над Святыми воротами и башни, фиксирующие углы. Колокольня Саровского монастыря – одно из самых высоких зданий, и в то же время, лучших классицистических образцов храмового строительства на территории Тамбовской епархии. Планировка двух нижних ярусов решена в виде последовательно уменьшающихся квадратов, два верхних яруса – подобные квадраты с незначительно скошенными углами. В декоративном оформлении колокольни присутствуют пилястры и карнизы, а в нижнем ярусе – треугольные портики над проездами. Три нижних яруса прорезаны арочными, верхний – прямоугольными проемами. Отличительной особенностью проема второго яруса является его выполнение в виде венецианского или палладианского окна с рустованными центральными стойками, что является редкостью для провинциального зодчества. Наличие курантов в верхнем ярусе было, пожалуй, единственным случаем применения часового механизма в церковном строительстве Тамбовской губернии того времени.¹⁴

Приведенное описание дает основание полагать, что Саровская колокольня возводилась по проекту высококлассного архитектора. Ее основные детали схожи с чертежом колокольни альбома № 10 из коллекции альбомов М.Ф. Казакова, хранящихся в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В. Щусева. Н.Ф. Гуляницкий отмечает высокий уровень профессионального мастерства проектов в составе указанного альбома, отображавших основные типы и тенденции храмостроения второй половины XVIII века.¹⁵ На чертеж колокольни как возможный прототип Саровской постройки впервые указал И.Е. Путятин.

Проект колокольни из «Смешанного альбома» был выполнен в системе классических правил тектонического построения плас-

¹⁴ Авель (иеромонах). Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся / записки, собранные Троицкой Сергиевой лавры иеромонахом Авелем. Второе издание. М.: типография Александра Семена, 1860. С. 84.

¹⁵ Гуляницкий Н.Ф. Собрание чертежей храмов в «Смешанном» альбоме М.Ф. Казакова // Матвей Федорович Казаков и архитектура классицизма / Редкол.: Н.Ф. Гуляницкий, М.Б. Михайлова (зам. гл. ред.) и др.; НИИ теории архитектуры и градостроительства. М.: НИИТАГ, 1996. С. 54–56.

тики фасадов. Имеется в виду, прежде всего, пятиярусная композиция, созданная в соответствии с градацией ордерной суперпозиции. Нижний ярус выполнен в виде широкого прямоугольного основания, оформленного четырехколонным тосканским портиком с арочным проездом. За пределы портика вынесены крылья стен с дополнительными дверными проемами. Верхние ярусы проекта колокольни, квадратные в плане, со скошенными углами, постепенно убывают в размерах снизу вверх. Распределение ордеров от дорического к ионическому, композитному и, самому верхнему, коринфскому подтверждает строгое следование ордерной суперпозиции. Просветы арок трех средних ярусов колокольни оформлены малыми колоннами соответствующего ордера, несущими арочную затяжку. В верхнем ярусе малые колонны несут антаблемент, над которым в полуциркульной нише устроен циферблат, что так же создает впечатление подобного арочного проема. Купол колокольни венчает стилизованная луковица-шпиль на восьмигранном барабане.

Можно предположить, что при строительстве Саровской колокольни использовался описанный чертеж. На это указывает общий принцип построения ярусов, характерное завершение в виде купола с полуциркульными люкарнами для устройства циферблатов, а также полностью воссозданный венчающий элемент. Расхождения могли быть вызваны вынужденным упрощением проекта при строительстве. Так, в Саровской постройке приставные колонны были заменены плоскими пилястрами. Нижний ярус приобрел квадратные очертания, так как крылья корпусов, вплотную прилегающие к колокольне, значительно ниже, чем это показано в проекте. Благодаря такому изменению, основание более активно вычленяется из фоновой застройки корпусов, к тому же поставленных глубже фасада колокольни. Арочный проем в виде палладианского окна был сохранен лишь во втором ярусе, где было устроено помещение церкви во имя святителя Николая. Арки третьего и четвертого ярусов звона, видимо, было решено оставить без декоративных колонок из-за сложностей в монтаже колоколов. Значительное отличие здания Саровской колокольни от рассматриваемого чертежа – отсутствие пятого яруса. Видимо, это было вызвано рациональными соображениями в функциональной целесообразности наличия дополнительного помещения. Таким

образом, в Саровской колокольне последний ярус представляет собой некое слияние двух верхних ярусов проекта: он более вытянут по вертикали и имеет сложную арку в виде прямоугольного проема с люнеттой над балкой и двух круглых отверстий в тимпане, имитирующих розетки. Саровской колокольне так же, как и ее проектному прототипу, свойственна особая устремленная ввысь, утонченная и изящная пластика фасадов.

Новые башни на западной стороне отчасти были скопированы с восточных, выстроенных немного ранее, в 1782 году. Благодаря руководству Феофила монастырь приобрел законченный вид. А сам епископ, фактически, выступил в роли архитектора: особенности предложенного им проекта говорят о его познаниях в области архитектуры и о приверженности к «правилам» классицизма. В результате Саровский монастырь стал одним из лучших монастырских ансамблей, выстроенных в эту эпоху на территории Тамбовской губернии.

Далее, по указаниям епископа строительство церквей велось в Санаксарской и Вышенской пустыни. Колокольня Вышенской пустыни являлась наиболее близкой копией Саровской колокольни. В ее венчающей части прослеживается довольно точное повторение саровского прототипа: главки на барабане и купола с люкарнами. Ее создатели пошли по пути дальнейшего упрощения образца, вдвое сократив второй ярус и превратив арку с рустованными колоннами в термальное окно. Пропорции двух верхних ярусов, получивших очертания почти правильных восьмигранников, были также сокращены по вертикали, из-за чего Вышенская колокольня получилась значительно ниже Саровского прототипа.

В Николаевском Чернеевом монастыре так же, как в Сарове, следуя общепринятым канонам, были возведены колокольня и ограда с четырьмя башнями по углам.

В городе Пензе епископ вел работу по возведению на новом месте зданий Спасо-Преображенского монастыря. Епископ Феофил предложил перенести монастырь, после того как увидел ветхость старых построек и стесненность участка, возникшую в результате перепланировки города по Высочайше утвержденному плану.¹⁶

¹⁶ Дворжанский А.И. История Пензенской епархии: Исторический очерк. Кн. 1. Пенза, 1999. С. 12

Проект нового монастыря, подготовленный настоятелем архимандритом Израилем (точно установить автора проекта не представляется возможным), епископ счел не соответствующим финансовым возможностям заштатной обители и ходатайствовал перед Синодом об изменении всех двухэтажных построек на одноэтажные. Старые монастырские церкви было предложено разобрать, а полученный материал в целях экономии средств использовать для нового строительства, но по просьбе горожан Преображенский храм было решено оставить. Однако продолжение строительства храма на новом месте последовало нескоро. Так как монастырь перенесли за город, к Вознесенскому кладбищу, то каменная кладбищенская Вознесенская церковь, построенная в 1779–1784 годах, стала первым монастырским храмом. В 1798 году была сооружена трехъярусная каменная колокольня.¹⁷ В XX веке монастырь был разрушен. На сохранившихся фотографиях хорошо просматривается ограда с колокольней и угловыми башнями. Колокольня являлась классической трехъярусной башней. Нижний ярус в плане представлял собой квадрат со скошенными вершинами. В его оформлении просматривается крупный руст и круглые декоративные розетки, по одной на каждой грани. Средний ярус одинаковых размеров по отношению к нижнему был снабжен спаренными полуколоннами, перекрытыми арочными фронтонами. В простенках между ними находились арочные ниши с живописными вставками, пространство между нишами и фронтонами было заполнено ромбовидным живописным декором. Верхний ярус, круглый в плане, значительно меньшего диаметра по отношению к нижним, являлся звоном. По сторонам сквозных арочных проемов стояли полуколонны, поддерживающие треугольные фронтоны, причем над каждым проемом имелось круглое слуховое окно. Купол колокольни был увенчан луковичной главкой на круглом барабане. По сторонам колокольни симметрично друг другу были устроены входы, оформленные треугольными фронтонами. Угловые башни представляли собой восьмерик, поставленный на кубовитое основание. Отличительной особенностью этих башен являлись декоративные пояса в виде висячих стрельчатых арок, обрамлявших

¹⁷ История Храма Вознесения Господня // Храм Вознесения Господня [Пенза, 2007–2009] URL: <http://vozneshenie.dabor.ru/> (дата обращения: 24.04.2011)

оба яруса. Шатровое покрытие и килевидные кокошники, видимо, появились в результате более поздней реконструкции во время строительства храма Живоначальной Троицы 1849–1862 годов.¹⁸

В городе Тамбове на территории всех трех монастырей (Трегуляевского, Казанского и Вознесенского девичьего) велось крупномасштабное строительство под непосредственным руководством епископа. До начала реконструкции обители представляли собой примерно одинаковое зрелище: полуразвалившиеся церкви и службы, огороженные деревянной оградой. Епископ Феофил решил полностью перестроить и церкви, и кельи, и хозяйственные корпуса, и ограды. Строительство Трегуляевского и Казанского монастырей происходило по общей схеме: сначала возводилась новая ограда с непременно четырьмя башнями по углам, колокольня, кельи и т. д., а затем в разгар строительства принималось решение о реконструкции соборного храма непременно по саровскому образцу. Общий силуэт этих монастырских комплексов (особенно Казанского монастыря) напоминал уменьшенную модель Саровской пустыни.

Интересно, что, рассказывая о строительстве женских монастырей, Г. Хитров не говорит о возведении непременно четырех башен в углах ограды и колокольни над центральным входом. Да и проекты церквей здесь не соответствовали саровскому образцу, тогда как при строительстве четырех соборов из пяти возводимых в то время на территории мужских обителей наблюдается непременное следование указанному прототипу.

Во всей деятельности епископа Феофила по реконструкции монастырей Тамбовской епархии прослеживается планомерная политика опытного градостроителя. Во время правления этого епископа большинство монастырей подверглись продуманной реконструкции.¹⁹ Их ансамбли стали главными градостроительными ориентирами в среде одноэтажной жилой застройки, являющимися доминантами и сегодня. В конце XVIII – начале XIX века планировка монастырской территории устраивалась по канонич-

¹⁸ История Храма Вознесения Господня // Храм Вознесения Господня [Пенза, 2007–2009] URL: <http://vozneshenie.dabor.ru/> (дата обращения: 24.04.2011).

¹⁹ Ларин Н. Из прошлого Тамбовской епархии. Преосвященный Феофил епископ Тамбовский и Шацкий // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 6 С. 749.

ной схеме, воспроизводящей модель Горнего Иерусалима, согласно которой геометрически правильный участок обносился стеной с башнями по углам и высокой колокольней над западными, Святыми воротами.²⁰ Стиль самих монастырских построек можно охарактеризовать как ранний классицизм с элементами позднего барокко. Можно сказать, строительство высокой колокольни – это один из главных моментов в создании монастырского ансамбля. Она являлась основной доминантой, относительно которой организовывалось и внутреннее пространство обители, и внешняя система окружающих ориентиров.

Строительная программа епископа Феофила не ограничивалась обустройством монастырей. «Во время управления паствою тамбовскою, как показывают клировыя ведомости, построено более трехсот храмов в городах и селах по планам, утвержденным и грамотам, выданным епископом Феофилом».²¹ Тамбовский краевед И.И. Дубасов так охарактеризовал любовь епископа Феофила к строительству церквей и монастырей: «Епископ любил строиться; поэтому Тамбовские жители часто видели своего архипастыря на верхних подмостках возводимых им построек. Къ всякой работе он внимательно присматривался и часто давал мастерам более или менее дельные советы».²² Таким образом, эпитеты зодчего и строителя, которыми наделял Г. Хитров персону епископа Феофила, были не образными выражениями, а отражением фактического состояния дела.

²⁰ Бусева-Давыдова И.Л. Развитие композиции русских монастырей эпохи классицизма // Матвей Федорович Казаков и архитектура классицизма / Редкол.: Н.Ф. Гуляницкий, М.Б. Михайлова (зам. гл. ред.) и др.; НИИ теории архитектуры и градостроительства. М.: НИИТАГ, 1996. С. 127–131.

²¹ Хитров Г. Указ. соч. С. 163.

²² Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края / составитель Ю.А. Мизис. Тамбов: Пролетарский светоч, 1993. С. 92.

ФИЛОЛОГИЯ

С.Ю. Дубровина,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
доктор филологических наук, профессор

Живое слово Православия

Лексика христианских истин, Евангелия и проповеди изначально создала русский литературный язык. Литургические тексты, церковная обрядность, иконопись, гимнография, книжность – жития святых, поучения, проповеди, паремийные изречения, наставления о монашеской жизни составили богатство русской культуры и русского языка, расширив бытовавшую систему этнического мирозерцания.

Христианство поднялось над понятиями традиций и культуры, оно объединило человечество с вышним миром – миром Божьим. Литературный русский язык сформировался под влиянием апостольского наследия святых Кирилла и Мефодия. Будучи а priori авторитетным, язык Церкви был гармонично воспринят как данный свыше дар для постижения и уразумения смысла жизни. «И ради быша словени, яко слышаша величья божия своим языкомъ», – писал автор «Повести временных лет...»¹

Величайшую роль в жизни крестьянина играл храм. Постоянное посещение церкви, присутствие на службах, пение на клиросе, соблюдение уставов и праздников создало душу и мышление русского народа.

Народная речь живо воспринимала язык богослужения, сохраняя его в различных видах метаязыковой рефлексии, видоизменяя для пользователя, утверждая свои приоритеты. После принятия христианства лексический состав живого разговорного языка обогатился словами, отражающими представления о Церкви, ее устоях и заповедях. В русском фольклоре опыт веры сформировал

¹ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы XI – начало XII века / Вступит. ст. Д.С. Лихачева. М., 1978. С. 42–43.

такие интересные, богатые историческими сюжетами и христианской мифологией жанры, как библейские рассказы, духовные стихи.

Церковнославянский язык оставил глубокий след в литературном русском языке. Войдя в русский язык и став его частью, он сформировал русскую ментальность, гносеологию неземного разума, обращенного к земной жизни. Церковнославянская книжность создала русский литературный язык.

В церковных памятниках, пришедших на Русь, было сокрыто богатство сложных и тонких переживаний мистического и аскетического характера, достоинство высоких смыслов. С принятием христианства русский язык обогатился новыми, книжными элементами.

Изучение церковнославянских элементов в русском языке всегда считалось одной из важнейших задач исследования его истории. При этом почти не изучено влияние церковнославянского языка на русские диалекты.

Между тем очевидно, что приобщение народных масс к Церкви, знакомство с христианскими текстами способствовало демократизации книжного языка и проникновению в него народных элементов. На протяжении веков, обращаясь к богослужебным текстам, народ производил отбор «активных» и «пассивных» церковнославянизмов для употребления в устной речи. Христианские символы, питающие национальный язык и вошедшие в него вместе с созданием письменности, попадая в диалект и вживаясь в народную крестьянскую среду, адаптировались, приобретая специфические языковые черты диалекта.

Анализируя процесс проникновения книжного языка в живую языковую стихию, А.А. Шахматов отмечал: «Но уберечься от влияния все нарастающей этнографической среды церковнославянскому языку в его новом облики можно было только ненадолго: в самом непродолжительном времени он наводняется народными элементами, нашедшими себе надежного союзника в деловом, приказном языке, облакающемся естественно в письменную форму и вырастающем именно в ней и благодаря ей»².

² Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925. С. 12.

Церковнославянизмы переосмысляются в живой речи и передаются в народной этимологии³. Порой в бытовых ситуациях возникает ассоциативное сближение с книжным словом: *подм. Пастырь, я.м.* – надоевший, постылый человек: «Пастырь ты для меня, уходи, – так жена мужу говорит, если пьет он или еще што»⁴. Сближается фонетика прошедшего времени глагола «постыл» (*опостылеть* – надоесть) с церковным «пастырь». Слово «пастырь» – явный церковнославянизм, которому в русском языке соответствует слово «пастух»).

По поводу возгласов, призывов, завершающих молитвы слов, весьма ценно примечание В.И. Даля: «Алалá, алалúя ж. тмб., пен. Вздор, бред, грезы, чепуха, бессмыслица. Несет такую алала с маслом, что уши вянут»... Спутали в говоре с другим словом из церковной службы нашей (аллилуйя) и сами дивятся неприличию поговорки»⁵.

Сблизившись с разговорным языком, книжный язык не растратил своего богатства, не «измельчал» и не опростился, но сам стал шире, сильнее в своих выражениях, доступнее.

Проницаемость и открытость лексики как уровня системы языка позволяет ей вбирать в себя на пути своего формирования множество заимствований, формировать стилистические слои речи, включающие историзмы, архаизмы, просторечия, окказионализмы, неологизмы. Лексику вероучения, христианских истин можно назвать «церковной», но в таком случае определяется только сословно-профессиональное значение термина. Избранное нами определение «христианская лексика» шире, так как относится не только к церковным референтам, но и к семантическому наполнению, которое эта лексика привнесла в русский язык, развив, переосмыслив многие повседневные понятия (вера, слава, мир, падший, душа, царство, истина, свет, род, благо, быть, сущность, просвещать, закон).

³ Дубровина С.Ю. Народная этимология в лексике веры и церкви // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003. Вып. 8. С. 172–177; Ее же. Вариантное прочтение содержания языкового знака при мотивации, основанной на случайных сближениях // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 2005. № 5. С. 124–130.

⁴ Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1968. С. 337.

⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1994. Т. I. С. 25.

Христианская лексика прочно вошла в «систему систем» – литературный русский язык, став доступной не только кодифицированной системе языкового выражения, но и разговорному русскому языку. Как отмечает О.Г. Порохова, в летописях и «житийном жанре» письменных памятников «широкое распространение имеет преимущественно уже ставшая общеупотребительной церковная лексика, выходящая по существу за пределы чисто церковного языка, например, слово «рождество», «христианин»... и далее ... «причащати», «молебен», «рай», «архангел», «псалом», «моление», «христороубы», «праведник» (большая часть Есиповской, Ремезовской летописей); «амвон», «диптих», «митрополия», «архидиакон» (последние главы Толстовского списка); «церковь», «синодик», «христианин», «молитва», «святой», «православный» («Есиповская летопись»)⁶.

Воронежская исследовательница В.Ф. Филатова замечает, что «наименования церковных обрядов и таинств вошли в народную речь» и называет лексемы повседневного обихода – *благословлять, обрुчатся, обедня, вечерня, свечи ставить, лампадку зажигать, ладаном кадить, Евангелие выносить, плащаницу выносить, сенишная, говеть, моление, молитва, питимью наложить, исповедаться, каяться, канун, креститься (крест положить), кропить святой водой, молебен служить, освятить* и др.⁷.

Сформировавшийся в области ратификации христианства языковой паритет мы оцениваем следующим образом.

Церковнославянский язык всегда был и остается безукоризненным в отношении догматики православия, формировавшей духовные ценности многих поколений русских людей разного сословия и образа жизни.

Но и «язык народного православия», характерный для крестьянского сословия и простых слоев населения, не следует считать искаженным церковнославянским языком. Это русский язык в его диалектном «изводе», вобравший в себя церковнославянизмы с одновременной транслитерацией культурной семантики.

⁶ Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей XVII века: Дис. канд. филол. наук. М., 1952. С. 400, 401.

⁷ Филатова В.Ф. Акциональная церковная лексика в составе обрядовой (на материале говоров восточной части Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров. 1995: Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 80–81.

Церковные слова давно стали достоянием литературного русского языка. Заимствования обрусели, и многие слова, подвергнутые когда-то транспозиции, уже на протяжении многих веков воспринимаются только в этом, транспозитивном, значении. Гречизмы воспринимаются как старославянизмы и составляют высокий стиль русской литературы.

С другой стороны, на первом этапе становления русского языка праславянская семантика слов изменялась под влиянием церковнославянского. В результате эволюции новые «христианские» семантики прочно утвердились в русском языке и сосуществуют с исходными. Поясним сказанное на примерах.

Общеславянское *jъstь (истый), давшее жизнь существительному «истина», известному в древнерусском, украинском, болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, древнепольском⁸, в современном русском языке обладает семантикой экзистенциальности («истина» – «то, что существует в действительности, отражает действительность; утверждение, суждение, проверенное практикой»⁹), но в то же время известно и в связи со значением, пришедшем из церковнославянского, в котором истиной называется христианское учение (Огласит их словом истины!). Ср. «святая истина», «повторять старую истину»¹⁰.

Праславянское «слава» было переосмыслено под влиянием переводов с древнегреческого и молитвы «Слава:» (ср. греч. δόξα σοί, ο θεός ημων, δόξα σοί «Слава Тебе, Боже наш, слава тебе!») и в русском языке составляет семантический узел с «парящим» над всеми смыслами словом «Бог»: ср. разговорное *не слава Богу*, (*Опять у него дома что-то не слава Богу* – неблагополучно)¹¹.

Как мы видим, в итоге сосуществования генетических и христианских значений возникло языковое явление, которое можно назвать «взаимодополнительной дистрибуцией семантик праславянских слов: генетической и церковной».

Христианское знание диалекта питалось книжным русским языком. Впоследствии, в эпоху интеграции территорий и разви-

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986. Т. II. С. 142.

⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка // Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. С. 221.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 632.

тия коммуникаций, на диалект стал оказывать огромное влияние русский кодифицированный язык.

Как известно, эпоха «чистого диалекта» – просторечия, обслуживающего исключительно узус конкретной местности, давно миновала. На протяжении по крайней мере всего XX века под «местным языком» подразумевается диалект, сопряженный с большой долей привнесений из общеразговорного и кодифицированного литературного языков. Литературные образцы речи, информативный язык прессы, радио, средств массовой информации в настоящее время составляют основную лексическую часть говоров.

Исходя из современного состояния диалектных систем в целом, уверенно можно говорить о литературном русском языке как основном источнике формирования христианской лексики для диалекта. По отношению к церковно-славянскому языку это будет вторичный источник, посредник, воспринявший систему нравственных ценностей христианства от своего книжного, переводного предшественника.

Рассматривая соотношение христианской лексики в разных языковых системах, мы должны отдавать себе отчет в том, что область выражения религиозных смыслов находится в пределах кодифицированного литературного языка и разговорной речи, составляющих «систему систем» – русский язык.

Термины «кодифицированный литературный язык» (КЛЯ) и «разговорная речь» (РР) были дефинированы в известной коллективной работе «Русская разговорная речь» (1973), где они противопоставлены как различные языковые системы, функционирующие в одном и том же языковом коллективе. При этом под разговорной речью предполагается любая речь в устной форме, любая речь городского и сельского населения, бытовая речь носителей литературного языка, содержащая в себе фактор непринужденности. «Понимая указанным выше образом непринужденность речи, – пишут авторы работы, – мы считаем, что РР обслуживает частную, неофициальную сферу общения, что оппозиция общественной сфера // частная сфера соответствует разграничению КЛЯ и РР»¹².

¹² Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1973. С. 5, 23.

Адаптированная часть церковнославянского языка входит в диалекты через посредство русского литературного языка. Христианская лексика в диалектах вовлекается в языковую систему каждого из говоров с учетом присущих ему особенностей.

Стремясь к своему генетическому источнику, христианская лексика в диалектах выполняет консолидирующую функцию, сближая диалекты с русским литературным и церковнославянским языками.

И.К. Носова,
кандидат филологических наук, доцент,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Роль церковно-славянского языка в становлении и развитии речевой русской культуры

Первые памятники славянской письменности были созданы первоучителями Кириллом и Мефодием как переводы греческих богослужебных книг. В лингвистике этот язык называется старославянским. В основе своей он отражает древнеболгарский язык, на котором говорили выходцы из города Солуни (Фессалоники, Салоники) – родины Кирилла (Константина) и Мефодия.

Памятники этого языка появились в X–XI века у племен славян, принявших христианство: у болгар, чехов, сербов, русских, моравов, хорватов, поляков и др. Но в наибольшей мере он отразил южно-македонский (солунский) диалект древнеболгарского языка. Вместе с тем он был гораздо богаче и шире своей народноязыковой основы, особенно в словарном составе: он вобрал в себя элементы других славянских языков, а также много лексико-фразеологических богатств из международных языков древней культуры – греческого и отчасти латинского.

Памятники старославянского языка созданы на основе двух азбук: глаголицы и кириллицы. Так как тексты, написанные Кириллом и Мефодием, до нас не дошли, то первоначальный строй языка определяется учеными лингвистами путем тщательного филологического анализа. Старославянский язык играет роль общеславянского литературного языка, потому что принадлежит к единой славянской культуре. С XI века появилось несколько редакций или изводов этого языка, которые отражают живую языковую среду своих народов: болгарскую, сербскую, русскую и др. Именно этот, пропитанный чертами местной славянской речи старославянский язык принято называть церковно-славянским.

Естественно, что церковнославянский язык претерпел значительные изменения по сравнению со старославянским языком эпохи Кирилла и Мефодия: например, утратил носовые гласные. Это произошло под влиянием русского языка, в котором на месте

этих носовых звучали У и А: звУк, пУтати, имЯ, опЯть. Сравнивая церковнославянские звуковые особенности, словарный состав, грамматический строй с русскими языковыми чертами, ученые обнаруживают взаимообогащение этих языков, которое отражало глубокое влияние православной христианской культуры на древнюю русскую цивилизацию.

Славянские языки делятся на группы: южно-славянскую (болгарский, сербский, славянский, вымерший старославянский), восточно-славянскую (русский, украинский, белорусский, вымершие полабский и акшубский). Южная и восточная группы славянских языков имеют больше звуковых особенностей, общих для них, чем западная. Это сближение показывает, что в своей исторической судьбе восточные и южные славяне были тесно связаны.

В их объединении важную роль играл старославянский язык, будучи языком православия. Важнейшие глаголические памятники: «Киевские листки» (X век), Зографское, Марейское и Ассеманиево Евангелия, «Симайская псалтирь» и «Синайский требник», «Сборник Клоца» (XI век); кириллические памятники: «Савина книга», «Супрасльская рукопись» и «Остромирово Евангелие» (XI век). Их изучение позволило лингвистам установить систему звуковых и грамматических форм на древнейшей ступени существования славянской речи, когда еще письменности не было, а единую, нераздельную общность, как доказано историей славянства, представлял праславянский язык – основа всех славянских языков, сравнение с которой помогает восстановить их отдельную историю.

Это касается, в частности, и русского языка, в котором звуковая система прослеживается в развитии от древнейшей поры до современного состояния.

Церковнославянский язык имел специфические звуковые особенности, которые отличали его от языков восточно-славянской группы, в том числе и русского. Например, неполногласное сочетание РА, ЛА, РЪ, ЛЪ (в русском им соответствует полногласия ОРО, ОАО, ЕРЕ, ЕЛО. Сравните: гРАдъ – гОРОд, мРАзъ – мОРОз, бРЕгъ – бЕРЕг, гЛАдъ – гОЛОд, мЛЕко – мОЛОко). Или особые палатальные (мягкие) согласные ШТ и ЖД, которые развились из доисторических групп Тj и Дj) и которым в русском языке

соответствуют согласные Ч и Ж (хоШТ-еши – хоЧешь, хоЖДе-ние – ис-хоЖен). В русском языке далее различается звучание слов с исконным гласным звуком Е под ударением после мягкого согласного: здесь в XIV–XV веках этот Е стал произноситься О после мягких согласных. А в словах, которые больше употреблялись в церковно-славянских текстах, звучание Е не изменилось. Так возникали современные параллельные звуковые варианты слов: сравните русские одЕжка, надЁжный, совремЁнный и слова церковно-славянской огласовки одЕжда, надЕжда, совремЕнный.

Приведем другой пример различного произношения церковно-славянских и русских элементов слова. Многие современники чувствуют стилистическую официозность, возвышенность слов, которые начинаются с приставки раз- или рас-: «рассказ», «расчертить»; разговорность, обыденность звучания слов с префиксом роз- или рос-: «россказни», «росчерк», «розвальни».

Есть и другие звуковые отличия русских по происхождению слов, а также появление новых звучаний в результате изменений в русском языке в период исторического развития, когда были уже памятники письменности. Они создают особое звучание, отличное от произношений церковно-славянских слов, которые тем самым выделяются в составе русского словаря. Но, кроме того, словарное богатство церковно-славянского языка развивало в русской лексике способы выражений новых значений, особенно абстрактного характера, терминологического употребления, культурно-просветительской семантики и самое главное – христианско-православной веры. Таковы, к примеру, слова «милость», «воскресение», «боуки» (буква), «кънижъник», «писание», «стихъ», «тетрадь», «милосердие», «добронравие».

Особенное влияние оказал церковно-славянский язык на формирование духовной культуры русского народа. Много внимания этой высокой миссии, когда в условиях православной веры церковно-славянский становился буквально вторым родным языком для каждого воцерковленного человека с младенчества, уделяет профессор Православного Свято-Тихоновского Богословского института Т.Л. Миронова. Она доказывает, что слова церковно-славянского языка несут в себе энергию Божией силы, что они, благодаря православным молитвам, строят жизнь человека. Вместе с тем они создают защитительную сень от ловчей сети теле- и радиоэфиров.

Действительно, человек, который осознал, что жить по заповедям – не просто исполнять запреты «не убий, не укради, не лжесвидетельствуй» и «чти отца и мать своих», а сделать эти моральные установления православия принципами своей жизни. Это не просто запреты и призывы, потому что они исходят из глубокой веры в то, что все в мире имеет Божественное происхождение.

Только тогда человек придет к гармонии внутреннего мира и всех проявлений мира внешнего, когда он глубоко верует в Божественную сущность мироздания, почитает его и смиряет пред ним свою гордыню, не творя для себя идолов; входит в общество православных – Церковь Господа, не причиняет людям зла, проявляет справедливость, совесть в семье и в обществе, чтит труд и плоды его и не завидует чужому богатству. Именно эти нравственные принципы помогли человечеству на протяжении более двух тысячелетий выстоять и сохранить свою аутентичность в стиле, присущем идеям Божественной справедливости. Несмотря на дьявольские соблазны, люди видят в числе своих приоритетов любовь как основу взаимоотношений между членами общества. Человечество в состоянии отделять трудности и испытания от злых сил от уныния и безысходности, если его жизнь строится в согласии, гармонии с Божественным миром.

В этой постоянной борьбе добра и зла, в отстаивании своей независимости и государственности от различных захватчиков русскому народу помогало и помогает высокая культура старославянской письменности и церковно-славянского языка. Получив их в конце X века, он распространил эти ценности на территории Киевской Руси, а старославянская письменность в виде кириллицы живет в наши дни и продолжает развиваться, подвергшись реформированию лишь один раз, в эпоху Петра I, и усовершенствованию в советский период, в 1918 году.

Здесь же, в древнем Киевском государстве, началось взаимодействие старославянского (затем – церковно-славянского) языка с древнерусским литературным языком. Первый, облачая формы русских слов в различные звуковые варианты, способствовал увеличению богатства второго, ибо русский язык на протяжении веков вбирал в себя целые пласты слов и фразеологических оборотов славянского происхождения. Ограничимся здесь в данном случае только лексическими примерами. Так, в образовании церковно-

славянских слов используется оригинально оформленные звуко-сочетания и корни особой, торжественной семантики, но различные суффиксы, приставки, сложение основ, которые сообщают этим словам патетическое или, наоборот, сниженное звучание. Ушли в прошлое такие слова, понятные, однако, русскому человеку, как «радостотворити», «человеколюбовствовати», «многоглаголание» и др. Судьба других слов из церковно-славянских источников оказалась иной в русском языке. Они то находили использование в речевом обиходе народа, то уходили в небытие, чтобы снова возвратиться, то вновь призываются для того, чтобы выразить потребности нового общества. Примеры таких слов: «милосердие», «щедрость», «дерзать», «долготерпение», «многотрудный». Сравните сниженные по стилю слова: «торжище», «стяжание», «злонравный». Есть и такие слова, которые постоянно используются в русском языке для создания соответствующего стилистического звучания: то приподнято-оптимистические, то критически-саркастические (с разной мерой осмеяния). Сравните по выразительности стилистических оттенков следующие группы слов: «достойный», «великодушие», «совесть», «умиление», «создание», «жертва», «животворящий» и «раболепие», «малодушие», «мзда», «стяжательство», «развращаться».

Впервые попытался навести порядок в использовании славянизмов в русской литературе М.В. Ломоносов, создав теорию трех «штилей». А.С. Пушкин практически освоил стилистические возможности славянских слов для выражения торжественного, официального, фамильярного, интимно-ласкового, шутливого и сатирического в своих многочисленных произведениях. В дальнейшем интерес к славянскому речевому богатству продолжал и продолжает развиваться в русской классической, советской и современной литературе.

Таким образом, церковно-славянский язык – это мощный резерв и источник духовного семантического, звуко-оформительного, словообразовательного и стилистического обогащения русского литературного языка¹.

¹ В статье использованы материалы кн.: Полный православный богословский энциклопедический словарь / Репринтное изд., рекомендованное к печати Отделом религиозного образования и катехизации Московского Патриархата. М., 1992. Т. 1,11; Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин М., 1979; Свирелин А., прот. Церковно-славянский словарь. М, 1997. Изд. 7.

Л.Ю. Евтихиева,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
руководитель НМЦКА,
кандидат филологических наук, доцент

Прецедентный текст в эпистолярном наследии преподобного Амвросия Оптинского

Возвращение интереса отечественной гуманитарной науки к изучению святоотеческого наследия потребовало пересмотра и методологических, и методических подходов. В активную практику, включая студенческую, вошли термины и понятия: религиозная филология, литературоведческая аксиология, лингвистическая апологетика, христоцентричность, соборность, православный менталитет, религиозная картина мира и пр.¹. Необходимость обучения всех слоев населения азам духовных традиций осознава на уровне государства и общества. В связи с чем, как никогда актуальной становится задача обучения нашего современника навыкам чтения трудов выдающихся представителей русского Православия².

Эпистолярное искусство, традиция ведения дневника – почти совершенно исчезнувшая практика духовной жизни образованного общества, знак уходящей культурной эпохи. Причина по-

¹ Более детально проблемы становления новой гуманитарной науки о прочтении культурных смыслов рассматриваются, напр., в работах В. Руднева, И. Есаулова. См.: Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001; *Его же*. Морфология реальности: Исследования по философии текста. М., 1996; *Есаулов И.* Категория соборности в русской литературе. М., 2002; Пасхальность русской словесности. М., 2004; *Его же*. Новые категории филологического анализа для понимания сущности русской литературы // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы / Под общ. ред. И.Л. Волгина. М., 2008. С. 50–58.

² Здесь мы имеем в виду эксперимент введения в школьный курс «Основ религиозной культуры». В этой связи заметим, что успеху нововведения могло бы служить совершенствование основных школьных курсов, как то: русский язык, литература, история. Более подробно об этой идее см.: Православная история и традиционная культура Тамбовского края: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 22–23 марта 2006 / Науч. ред. Л.Ю. Евтихиева. Тамбов, 2007; Православная история и традиционная культура: Материалы международной научно-практической конференции. 22–23 марта 2008 / Науч. ред. Л.Ю. Евтихиева. Тамбов, 2009; Духовное краеведение: Программа курса регионального компонента базисного учебного плана. Тамбов, 2007.

добных культурных изменений – новые условия коммуникации, вместе с которыми меняются и язык, и речь современника. Резко ускорился темп коммуникации, возросла динамичность ритма жизнедеятельности. Наши усилия более всего направляются на то, чтобы справиться с количеством информации, когда информационный шквал каждодневно искушает природное свойство человека быть интеллектуальным творцом новых смыслов. Семантические поля современного языка, вынужденные приспособляться к возрастающей скорости коммуникации, зарастают «лингвистическими плевелами»: варваризмы, макаронизмы, вульгаризмы, сленг и пр. Угнетаемое языковое сознание наблюдает тенденцию сокращать коммуникацию до минимальной фразы, которая является не приглашением к диалогу, а предупредительной отсылкой к стандарту, клише, лишённого теплоты лично-согретого смысла³.

Иную сторону мысли и иную речевую практику найдем в эпистолярном наследии преподобного Амвросия Оптинского. Трудности восприятия языка святоотеческого наследия, как показывает нам личный педагогический опыт, объясняются иной картиной мира, иным языковым сознанием, иным типом конструирования речи авторов, отдаленных от нас во времени и в культурном пространстве.

О принципиальных изменениях речевой практики русского языка писали представители филологической науки начала XX века. Так еще в 1925 году Г.О. Винокур, отмечая изменения словаря, стилистических свойств слов и оборотов речи, писал: «Штампованная фразеология закрывает нам глаза на подлинную природу вещей и их отношений, ...она подставляет нам вместо реальных вещей их номенклатуру – к тому же совершенно неточную, либо

³ О проблемах культуры современной речи и причинах кризиса русского языка читайте, напр., в работах: *Баранов А.Н., Паршин В.В.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 2003; *Виноградов С.И., Платонова О.В.* и др. Культура русской речи. М., 1999; *Караулов Ю.Н.* Культура языка и языковая критика. Русский язык в эфире: Проблемы и пути их решения // Материалы круглого стола. М., 2000; Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 2004; Язык и стиль средств массовой информации. М., 2002; Бушев А. Русский язык и современный социум: языковая динамика // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы / Под общ. ред. И.Л. Волгина. М., 2008. С. 41–43.

окаменевшую... Поскольку мы пользуемся ничего не значащими лозунгами и выражениями, то бессмысленным, ничего не значащим становится и наше мышление. Можно мыслить образами, можно мыслить терминами, но можно ли мыслить словарными штампами?»⁴.

Такая постановка вопроса актуализирует проблему использования прецедентных текстов как материала порождения аксиологического вывода. Каков же прецедентный текст в эпистолярном наследии Амвросия Оптинского?⁵ Изучение прецедентных текстов в составе писем преподобного старца позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения русской языковой картины мира и православного сознания. Весь строй языка преподобного Амвросия устремлен к образу мысли, соподчиненной системе церковнославянской традиции, прецедентность которой очевидна. Обилие цитат библейского происхождения, опора на греческие этимологии и, вместе с тем, яркая этнокультурная самобытность речемышления представителя южнорусской региональной традиции – все это заставляет задуматься о том, что старцу-наставнику приходилось действовать в условиях межкультурной коммуникации, т.е. постоянно варьировать избранный прецедентный лейтмотив в тональностях этнокультурного перевода.

Еще со времен немецкого филолога Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835), старшего современника старца, а также Александра

⁴ Винокур Г.О. Культура языка: Очерки лингвистической технологии. М., 1925. С. 84–86.

⁵ Прецедентные тексты – стихийно или сознательно отобранные тексты, которые рассматриваются как общеизвестные в конкретной речевой культуре и которые допускают в этой связи особые формы их использования. Особую роль играют прецедентные тексты в межкультурной коммуникации. Явление прецедентности рассматривается как одно из важнейших средств межкультурной коммуникации. Прецедентный текст, или интертекст, в сжатом виде способен передать информацию о тексте-источнике либо о целом культурном/историческом событии, следовательно, обладает особым типом коннотации, которую можно назвать культурной коннотацией. Наличие культурных коннотаций обеспечивает возможность идентификации прецедентного текста адресатом. Это соответствует тезису М.М. Бахтина о том, что художественный текст представляет собой диалог автора не только с читателем, но и со всей современной, предшествующей и последующей культурой. См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1987; Богданов К.А. Прецедентные тексты в современном фольклоре; Щурина Ю.В. Прецедентный текст в межкультурной коммуникации // Материалы Международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: Человек в мире коммуникаций» (Барнаул, 12–16 апр. 2005 г.) / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 2005. С. 257.

Афанасьевича Потебни (1835–1891) понимание речевого произведения сопрягалось с духовной жизнью народа, ставился вопрос о влиянии характера языка на субъективный мир⁶.

Будучи носителем национального характера русского человека XIX века, своим мировосприятием старец восходил к древней церковнославянской традиции, стержнем которой является христианское вероучение и православное мировоззрение. Эпистолярное наследие преподобного – свидетельство того, что в воцерковленной среде русских людей XIX века церковно-славянский был не только языком богослужения, но языком художественной литературной традиции, а также языком общения. Подтверждение тому найдем и в морфологии, и в синтаксисе, и лексике писем. Однако это отдельная проблема. Мы же остановимся на одном лишь аспекте: своеобразии и экспликация в духовном наследии преподобного Амвросия Оптинского пространственно-временных (хронтоп) ориентаций речемыслительных моделей как основных координат мировосприятия.

Как считают социолингвисты, небывалое ускорение темпа жизни, динамика цивилизации привели к тому, что порождаемые формы, в нашем случае тексты, очень быстро теряют свою актуальность, «устаревают». Этот феномен получил название – «сокращение настоящего». Русский язык имеет специальные механизмы, расширяющие настоящее за счет того, что данные механизмы имеют большую когнитивную значимость⁷. Одним из таких меха-

⁶ Национальная картина мира проявляется в общих представлениях людей, принадлежащих к одному этносу, о действительности; в их однотипных реакциях на типичные ситуации, в сходных оценках и суждениях, в пословицах, афоризмах, поговорках. В языке запечатлена наиболее существенная и важная часть этих общих представлений, поэтому говорят о языковой картине мира, которая выступает как своего рода «коллективная философия», – язык ее «навязывает» в качестве обязательной всем носителям этого языка.

⁷ В данном случае таким механизмом считается грамматическая форма настоящего времени в русском языке. См.: *Шевцова С.В.* Использование религиозно-библейской метафоры в языке литературы, искусства и политике: Учеб. пособие по англ. яз. для ст. курсов / Моск. гос. ин-т междунар. отношений. М., 1989. В древнерусском, в сатрославянском языках, как убедительно доказывали Д.С. Лихачев и Ю.М. Лотман, отражено иное, в сравнении с современным языком, представление о времени. См.: *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. В 3-х т.т. Т. II. Таллинн, 1992. С. 108–109; *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979; *Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация // Тезисы пленарного доклада II Международной конференция РКА «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты». М., 2004.

низмов является переосмысление прецедентного текста в конкретной речевой ситуации. Как мы понимаем, старец пользуется прецедентностью текста как механизмом расширения настоящего. Такое свойство организации языковой категории времени многое объясняет в восприятии феномена времени, зафиксированного в русской картине мира. Становится понятным естественное для русскоязычных православных бережное сохранение традиций первых христиан и первых источников святоотеческой литературы и, главное, восприятие этих традиций и учений как актуальных для сегодняшнего дня. В современном механизме расширения настоящего и создания актуального бытия говорящего можно увидеть неутраченную связь с восприятием времени в древнерусской картине мира.

Секрет иного мировосприятия приоткрывает письмо преподобного некой матери, которая просит наставить ее сына, которой утратил стремление к добру по причине, что де в Евангелии сказано о конечной победе зла⁸.

«Скажите вашему сыну: зло уже побеждено... Сыном Божиим Иисусом Христом, Который ради сего и снисшел с неба на землю, воплотился, пострадал человечеством и крестными Своими страданиями и воскресением сокрушил силу зла», – отвечает старец. И далее: «Где же тут торжество зла над добром? И вообще всякое торжество зла над добром бывает только мнимое, временное. С другой стороны, несправедливо и то, будто человечество на земле постоянно совершенствуется... В христианско-нравственном же отношении всеобщего прогресса нет...

Желание трудиться на благо человечества – весьма благовидное, но поставлено не на своем месте. Царственный пророк святой Давид говорит: сперва уклонись от зла, а потом уже сотвори благо (Пс. 33,15). У нынешних же людей дело выходит иначе. Все хотят на словах трудиться на благо ближним и нисколько не заботятся о том, что наперед нужно самим уклониться от зла, а потом уже заботиться о пользе ближних».

Старцу кажутся подозрительными сами слова «самопомощь», «самодеятельность». Старинные люди говорили: Без Бога не до

⁸ Преподобный Амвросий Оптинский. Умудряйся и смиряйся: Сб. писем / Сост. В.В. Каширской. М., 2005. С. 93–98.

порога. Сам Господь в Евангелии говорит: «Без мене не можете творити ничесоже»⁹. Старец не видит прогресса и в современной науке: *«Не думаю, чтобы нынешние ученые так хорошо знали и понимали, например, мифологию и вообще классическую древность, как их знали и понимали Василий Великий и Григорий Богослов»*.

Мы позволили себе такую длинную цитату лишь потому, что в ней явно представлена иерархия духовных ценностей, дающая направление мысли старца-наставника. Во-первых, это знание Евангелия, раскрывающего помысел Божий о человеке. Во-вторых, «псаломское слово», вобравшее в себя ветхозаветную мудрость, взлелеянную веками. В-третьих, апостольское наставление и предупреждение. В-четвертых, святоотеческие уроки жизни. В-пятых, мудрое слово народной русской пословицы и поговорки. И эта иерархия в мировосприятии старца надвременна и надпространственна, так как она истинна, не подвластна изменчивости прогресса, творимого тщетой человеческой гордыни.

В устах старца общеизвестная истина, до конца соблюденная и не переиначенная, чудесно наполняется современным смыслом, так как она сохраняет архетип, который пытается реформировать представитель иной культурной тенденции. Речь писем старца, как правило, спокойна и нетороплива. Однако преподобный показывает способность к жесткой полемике, если речь идет о ереси. Таково письмо¹⁰ к некоей сестре, просящей наставления для брата, который *«был хороший христианин, но теперь от современных столкновений поколебался относительно учения Православной Церкви»*.

Прецедентный текст письма старца довольно часто опирается на фольклорную традицию. В данном случае фольклор мы рассматриваем не только как словесное произведение, но как вообще род народной созидательной деятельности на основе устной традиции. В письме от 1881 г. старец пишет монахине, надо думать Казанской женской общины¹¹: *«Недавно подарили мне ковер, на котором красиво изображены утки. Я пожалел, что не догадался тут*

⁹ Ин. 15,5.

¹⁰ Преподобный Амвросий Оптинский. Указ. соч. С. 77.

¹¹ Там же. С. 176.

же выставить и гусей, так как на ковре осталось еще много места. Мысль такая мне пришла потому, что свойство и действие уток и гусей хорошо изображают свойство и действие страстей, тщеславие и гордость. ...Тщеславный, если имеет благовидную и красивую наружность, то охорашивается, как селезень, и величается своею красотью, хотя часто бывает и мешковат как селезень... Гусь, когда бывает что-либо не по нем, поднимает крылья и кричит: «Кага! Каго!». Так и горделивый, если имеет в своем кружке какое-либо значение, часто возвышает голос, кричит, спорит... Если же... не имеет никакого веса и значения, то от внутреннего гнева шипит на других, как гусыня, сидящая на яйцах, и, кого может кусать, кусает. Почему апостол Павел и заповедует, глаголя: не бываем тщеславни, друг друга раздражающе, друг другу завидяще (Гал. 5, 26).

Вот к какому объяснению подали повод гусь лапчатый и утка рябчатая... Но не вотще Православная Церковь, перечисляя творения Божии одушевленные и неодушевленные, многократно повторяет Господу песнь: «Вся премудростию сотворил еси». Как видим и здесь, сочетает старец отдаленные друг от друга культуры, отраженные в прецедентных текстах. Заметим, что тема птиц, домашних и диких, довольно часто затрагивается в посланиях преподобного. Поздравляя монахиню с праздником, он просит кланяться «милым гусеняткам, которые бывают иногда милы, иногда же и гнилы»¹².

Как известно из жизнеописания старца, он в юности любил веселость, знал и пел много песен. Не отсюда ли в поздравительных посланиях к духовным чадам упоминания о птицах, ассоциирующихся с персонажами песенной лирики. Вот, например, в письме от 1881 года¹³: «Поздравляю тебя со днем пустынного твоего уединенного Ангела, молитвы которой да помогут тебе и в церковном затворе... К концу марта или раньше прилетят поздравлять тебя кукушка, соловей и канарейка; мастерица пишет, что они уже готовы и расправляют крылья лететь, пока не наступила сырая погода». И следующее за ним письмо¹⁴: «Посылаю тебе обещанную картину, вышитую на материи шелка, – скоро-

¹² Преподобный Амвросий Оптинский. Указ. соч. С. 196.

¹³ Там же. С. 200–202.

¹⁴ Там же. С. 201.

ходящего странника с бегущим впереди сусликом и сидящими на дереве кукушкой и горлицей... Смотри на эту картину, можешь придумать себе разные толкования: как кукушка кукует, как горлица воркует, как суслик бежит или, стоя на задних лапках, свистит, и как скороходящий странник спешит своих присных навестить. Но скажу тебе: придумывай толкования такие, которые располагают к утешению, а не такие, которые наводят уныние, от которых по псаломскому слову, находит дремота душевная. Не без причины апостол заповедует ко всем: долготерпите, всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите: сия бо есть воля Божия (Фес. 5,17)».

Еще одно поздравительное письмо¹⁵: *«Сегодня твои именины... Твоя храмина, как четырьмя углами, утверждается четырьмя твоими молитвенницами... Стой же сия храмина, твердо и не шатайся, ни вспять, ни на десно, ни на шуе не озирайся. А зри прямо к востоку, от онуже пришедый Господь глаголет о Себе: не приидох, да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца (Ин. 6,38)».*

Сравним с текстом народной песни, имеющей хождение в ареале Тамбовского, Знаменского, Сампурского, Ржаксинского, Мучкапского районов Тамбовской области:

Расти, расти, моя калинушка,
 Расти не шата... ох расти не шатайся.
 Не направо, ох да не налево,
 Ох да ни налево, ты не поломайся.
 Тонкой веткой, ох, да тонкой веткой
 Ты на восток солнца, эх да подымайся.

Образы крестьянской повседневности часто встречаются в текстах преподобного на правах прецедентных текстов. Вот пример назидания о поиске душевного покоя, созданного на основе воспоминания о лоскутной технике домашнего ремесла¹⁶: *«Сказал Господь, на земле скорбни будите (Ин.16,33). «Там хорошо, где нас нет», «Как ни кинь – всё выходит клин». Поэтому люди по нужде и умудряются соединять клины и шивать, чтобы выходил четверугольник».*

¹⁵ Преподобный Амвросий Оптинский. Указ. соч. С. 198.

¹⁶ Там же. С. 205.

Языковая игра, метафоричность, рифма, стиховой ритм – эти приемы речетворчества в письмах старца есть результат творческой переработки фольклорного прецедента в соответствии с условиями коммуникативной ситуации. Вот рассуждение о том, как следует относиться к прегрешениям ближнего¹⁷: «Сидор, да Карп в Коломне проживат, а грех да беда с кем не бывает». Другое отношение в предостережении апостола Павла: «Кто соблазняется, и аз не разжигаюся» (2 Кор. 11, 29)... «Аще ли неверный отлучается, да разлучится (1 Кор. 7,15)».

Оптинский старец дал высокий образец почтения к учителю, на всем протяжении подвижничества, благодарно вспоминая своего учителя архимандрита Моисея, слова которого не однажды повторял в своих посланиях: «Наше дело – предоставить человеку средства ко спасению, а спасается он или не спасается, – сам смотри».

Через все письма старца проходит мысль о том, что его поучения не порождение воли человека, но трансляция древних заветов. В этом смысле показательны приписки к наставлениям, которые старец делал своею рукой, тогда как основной текст выполнял письмоводитель¹⁸: «Мир всем вам! Хорошо бы и нам!»¹⁹.

Сополагая прецедентные тексты различных эпох и культур, преподобный точно знал, что для Божьего слова нет ни начала, ни конца. Письма преподобного глубоко личностны, однако в них нет своей воли, нет ничего навязанного самостью, что не умаляет величия творческой личности старца²⁰. Простота формы языка

¹⁷ Преподобный Амвросий Оптинский. Указ. соч. С. 170.

¹⁸ Там же. С. 175.

¹⁹ Известно, что прп. Амвросий был долгое время письмоводителем у Оптинского старца Макария (Иванова). Письма о. Макария написаны рукою о. Амвросия. Тексты же писем прп. Амвросия записывал его письмоводитель – о. Климент (Зедергольм), выпускник Московского университета, магистр греческой словесности. Его, для смирения, старец называл – писарем.

²⁰ В аналитической философии есть специальное направление – лингвистическая апологетика, толкующая отношения человека с Богом как языковую игру. В этом случае прецедентную форму можно рассматривать как мифологическую, а каждый предмет для мифа уникален и в то же время связан с другими предметами (ср. также парасемантика). Французский антрополог Люсьен Леви-Брюль назвал эту мистическую связь между предметами в мифологическом мышлении партиципацией, то есть сопричастием. См.: Руднев В. Лингвистика языкового существования / Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. С. 14; Юденко В. Пути повышения интеллектуального потенциала нации // «Проза.ру», 2009; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избр. статьи. В 3 тт. Таллинн, 1992. Т. 1. Для подготовки данной работы были использованы материалы с сайта <http://lib.ru/> языковая игра (карнавализация).

преподобного старца, равно как и яркая образность, паремийность очевидны. Но сама по себе простота как принцип праведного бытия достигается лишь в результате праведных трудов, совершенствования души. Едва ли многие из многих цитирующих крылатую фразу Оптинского старца «Где просто, там ангелов со ста» вполне понимают смысл истины, восходящей к истокам Заповедей Божьих²¹.

Всякий читающий и анализирующий памятники святоотеческого наследия приходит к мысли, что вкус к подобному чтению требует высокой культуры, соответствующего интеллекта.

«Помолись обо мне. Век сей проходит, глагол же Господень пребывает вовеки»²².

²¹ Общественно-политическую значимость аксиологической оценки концепта «ПРОСТОТА» излагается в главе монографии диакона Андрея Кураева. См.: *Кураев А., диакон. В защиту простоты или о ереси гносеомахии / Перестройка и Церковь. Ч. 1 // www.prosvetsentr.ru.* В этой связи небезынтересны противоречивые историко-культурные оценки гуманизма как системы духовных ценностей, унаследованной европейской цивилизацией от эпохи Возрождения.

²² *Преподобный Амвросий Оптинский.* Указ. соч. С. 170.

ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Протоиерей Игорь Груданов,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
заведующий Отделом религиозного образования
и катехизации Тамбовской епархии

**Роль убеждения и веры в познавательной
деятельности**

Мир, в котором живет и действует человек, познание его законов и способов влияния на них – извечная проблема человечества. Философия, соприкасаясь с действительностью, не может и не должна ограничиваться констатацией существующего положения дел. Стремление к познанию породило науку и методологию научного познания мира. Сложившиеся в науке методы познания, как универсальные, применяемые во всех формах научного познания, так и специфические, характерные для определенных дисциплин, являются результатом исторического развития. Они возникли и развились, когда отдельные группы ученых, часто независимо друг от друга, решали одни и те же типы задач на протяжении длительного времени. Для достижения успеха и взаимопонимания они должны были выработать общие понятия, согласованную терминологию, язык научного общения, методы и стандарты исследований. Так начали складываться определенные научные парадигмы (от греч. *paradeigma* – пример, образец).

Теория научных парадигм и ее философское обоснование были выдвинуты в 60-х годах XX столетия американскими историками и философами науки Т. Куном и С. Тулминым. Считалось, что возникшая в определенных исторических условиях, благодаря способности объяснять и предсказывать определенные явления лучше, чем все другие системы знаний, данная парадигма группирует вокруг себя определенный круг ученых, образующих особое научное сообщество.

Взгляды Т. Куна и С. Тулмина резко контрастировали с пониманием науки, сложившимся у философов-неопозитивистов в первой половине прошлого столетия. Неопозитивисты, а также кри-

тические рационалисты исследовали строение научных знаний в основном на примере естественных наук – классической физики, теории относительности и квантовой механики. Теоретические структуры и метод познания, сложившиеся в этих науках, представлялись им познавательным, гносеологическим идеалом.

Однако к середине XX века был накоплен огромный материал, показывающий, что модель науки, выработанная неопозитивизмом и критическим рационализмом и учитывавшая лишь ее логическую структуру, но игнорировавшая ее социальный, исторический, религиозный, языковой и психологический контекст научной деятельности, не соответствует действительности. Поэтому и была выдвинута новая концепция-теория научных парадигм.

Однако еще в XVII–XVIII веках делались попытки перенести методы математики, естественных наук в сферу общественного познания, методы механики в биологию. И так как эти методы были просты и не учитывали специфической сложности и своеобразия новых областей применения, то это как будто бы подтверждало правильность концепции парадигм.

В современной же науке подобные переносы не только участились, но и стали условием дальнейшего научного познания. Так, для разработки теории искусственного интеллекта потребовалось объединить в одном комплексе весьма разнородные знания. Среди них – знания, относящиеся к физике, химии, лингвистике, психологии, нейрофизиологии, социологии, логике, философии. Таким образом, новый этап в развитии науки потребовал нового подхода, новой философской концепции научных знаний. Этот этап получил название концепции синтагмы (от греч. *syntagma* – нечто соединенное).

Синтагма¹ представляет собой особую систему знаний, построенную из разнородных по своему происхождению подсистем, объединяемых для решения определенного комплекса сложных, неоднородных задач, неподдающихся решению на основе какой-либо одной или нескольких научных дисциплин. Образование синтагм происходит не путем механического сближения различных дисциплин, а путем выделения из них определенных блоков, теорий, результатов, достижений, методов, которые затем используются для

¹ См.: Баранцев Р.Г. Синергетика в современном естествознании. М., 2003.

решения специфического нестандартного комплекса задач. Примерами синтагматических систем знаний являются современная экология, теория социального управления, педагогические теории воспитания и обучения, теория искусственного интеллекта и т.д.

Таким образом, на современном этапе развития общества, технологии и науки универсальные методы научного познания и системы знаний, складывающиеся как научные синтагмы, приобрели все большее значение и выступают доминирующей формой развития науки.

В статье рассматривается попытка использования теории синтагм в подходах определения путей взаимодействия науки и религии в сфере познавательной деятельности.

Научные идеи и теории рождаются в головах ученых подобно младенцам. Они выходят на свет незрелыми и беспомощными, и чтобы выжить и набраться сил, они нуждаются в защите и вере. Возникшая теория на первых порах ограничивается объяснением лишь небольшого круга явлений, причем таких, которые явно подтверждают ее. Требуется время для расширения области ее применения, для оправдания используемых ею моделей и методов, для убеждения в ее правоте других ученых, для привлечения их к ее разработке. Такая ситуация типична даже для самых плодотворных теорий. Так, к 1913 году, хотя прошло уже немало времени с выхода основополагающих работ М. Планка (1900) и А. Эйнштейна (1905), квантовая теория еще пребывала в совершенно незрелой форме. Планк писал в то время, что современное состояние теории, основанной на законах излучения, учения об удельной теплоемкости и т.д., изобилует зияющими пробелами и совершенно нетерпимо для настоящего теоретика.

И все же, отдавая отчет в несовершенстве теории, ученые верили в то, что со временем она достигнет зрелой стадии развития и позволит объяснить многие загадочные явления. Вера – состояние субъекта, тесно связанное с духовным миром личности, возникающее на основе определенной информации об объекте, выраженной в идеях или образах, сопровождающееся эмоцией уверенности и рядом других чувств и служащее мотивом, стимулом, установкой и ориентиром человеческой деятельности².

² Философский словарь. М., 1975. С. 359.

Вера и убеждение в гносеологическом ключе выступают как необходимый компонент любого познавательного процесса. В познавательной вере знание переходит в субъективную уверенность, толкает, побуждает, настраивает человека на практическое действие, претворяющее идею в жизнь. В этом гносеологическое содержание понятия сознательной веры, уверенности и ее необходимости для развития познавательного процесса.

На роль веры и убеждения в познании обращали внимание многие ученые. А. Эйнштейн говорил, что без веры в возможность охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира, не могло быть никакой науки. Эта вера есть и всегда останется основным мотивом всякого научного творчества. Отец кибернетики Н. Винер тоже писал, что наука не возможна без веры.

В самом общем гносеологическом смысле вера – это позиция человека, придерживающегося каких-либо представлений без достаточных эмпирических или рациональных оснований. При этом вера не является этими представлениями или суждениями, она есть именно установка или «позиция сознания». Этой позиции могут быть какие-то оправдания (авторитет человека, характер его занятий, особенности воспитания и обучения, факты и рациональные сопряжения), однако окончательных гарантий и доказательств этой позиции приведено быть не может.

Уже давно философы, размышлявшие над природой обоснования и доказательства знания, столкнулись с тем, что должны существовать такие исходные положения, которые не могут быть обоснованы. Ведь, если одни положения обосновываются и доказываются другими, эти другие третьими и т.д., то, чтобы эта цепочка обоснований не уходила в бесконечность, приходится предположить существование таких положений, которые не только сами не нуждаются в обосновании, но и выступают исходным пунктом всего этого процесса. Вот эти-то исходные положения и описывались как основанные не на доводах и доказательствах, а на непосредственной вере. Их специфика заключается в том, что они связаны с исходной позицией человека в мире, с фундаментальными уровнями восприятия и понимания реальности.

Понятая, таким образом, познавательная вера оказывается связанной с общемировоззренческими допущениями, которые не

могут быть окончательно подтверждены или опровергнуты отдельными фактами.

Вера и знание не разделены непреступной стеной. Вера, определяющая какую-то позицию человека, может обосновываться знанием пусть не прямо, а опосредованно. Она получает подтверждение тем способом, каким вообще подкрепляются фундаментальные предпосылки отношения человека к миру – достоверностью и практической эффективностью основанного на них опыта и знания. Вера в этом процессе перерастает в уверенность и убежденность.

Что общего и в чем отличие веры и убеждения? И то, и другое неразрывно связаны с личностью человека. Если знание может быть выражено в ясной форме суждений, понятий, теорий, может быть отчуждено от человека и храниться в виде информации в библиотеках, то убеждение и вера – это неотделимые от человека феномены сознания и познания, а в православном вероучении вера рассматривается как дар Божий. И то, и другое непосредственно соотносятся с жизненным опытом и мировоззрением человека. Вера отличается от убеждения своею непосредственностью и, в конечном счете, не нуждается в аргументах.

Формирование убеждений – процесс, который начинается с внешней стороны (в науке – с образования, с тех научных школ и традиций в которых происходит становление ученого). Но в подлинном убеждении эти внешние факты должны «переплавиться» во внутренней духовной работе личности, пройти через ее самосознание, пополниться собственным опытом и рациональными аргументами.

В самой науке вера и убеждение проявляются в некоторых специфических формах. Наука есть коллективная деятельность по производству знания. Поэтому деятельность любого ученого невозможна без доверия к опыту своих коллег и коллективному опыту науки в целом. Без этого ему пришлось бы все исследовать и доказывать самому, что совершенно нереально.

Ярче всего роль веры в науке проявляется в ситуациях неопределенности – ситуациях выбора проблем и путей их решения, выбора научных программ и традиций. Как показывают исследования, критерии выбора в подобных случаях не сводятся к логическим доводам и эмпирическим процедурам. Решающую роль

в этом процессе играют личные предпочтения ученых или их доверие к авторитету выдвинувшего новую теорию ученого.

Вера и убежденность в своей позиции может проявляться не только в отстаивании новой точки зрения, но и в защите старой. Особенно ясно это проявляется тогда, когда большинство ученых уже отходят от нее, а оставшиеся ее сторонники выглядят консервативными. Но и здесь мы сталкиваемся не с упрямством или неумением понять новое, а с глубокой личной убежденностью в верности собственных представлений.

Таким образом, мы видим, что вместе с верой и убеждением в познание входит личная позиция ученого, включающая познавательную деятельность в целостный процесс человеческой жизни с ее эмоционально-волевыми, ценностными ориентациями, акты свободного выбора. В развитие науки вносят немалую долю борьба убеждений и столкновение уверовавших в определенные идеи ученых, соперничество альтернативных программ и теорий, неожиданная утрата интереса к еще не исчерпавшим себя направлениям исследования, конфликты, ведущие к ломке убеждений, а нередко и творческих судеб ученых.

В истории философии и психологии различают три вида теорий веры³: эмоциональные, рассматривающие веру преимущественно как чувство (Юм, Джеймс и др.); интеллектуальные, в которых вера трактуется как феномен интеллекта (Милль, Brentano, Гегель и др.); волевые, признающие веру атрибутом воли (Декарт, Фихте).

Вера является необходимым элементом индивидуального и общественного сознания, важным моментом деятельности людей. Объектами веры выступают факты, явления, тенденции развития природной и социальной действительности. Они не даны субъекту чувственно и выступают лишь в виде возможности. При этом объект веры представляется существующим в действительности, образно, эмоционально. В качестве субъекта веры может выступать индивид, социальная группа и общество в целом. Вера отражает не только объект, но и отношение к нему субъекта.

С.Л. Франк целую часть своей книги «С нами Бог» посвящает выяснению сущности веры, анализируя несколько ее понятий.

³ Философский словарь. М., 1975. С. 359.

Сначала философ излагает то ограниченное определение веры, которое наиболее распространено в современном мире – интеллектуальное. Вера понимается как убежденность в недоказуемом, как уверенность в том, что доказать точно невозможно, но что вероятно с высокой степенью достоверности.

Религиозная вера отражает отношение человека к Господу Богу. В Новом Завете «вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в нем». В Евангельском рассказе об исцелении бесноватой⁴ мы видим твердую и непоколебимую уверенность женщины в осуществлении желаемого и ожидаемого ею события (исцеления ее бесноватой дочери Господом Иисусом Христом), как бы уже совершившегося перед ее глазами. Такую уверенность Сам Господь назвал верою. Но уверенность есть только одна сторона веры. Глубоко веровавший в Бога царь Давид говорит о себе: «Всегда видел я перед собою Господа». Поскольку человек не может видеть Бога, то слова Давида нужно понимать не в собственном смысле. Ими он выражает мысль о том, что Бог, невидимый для него, также несомненен, как и видимые предметы. Этот пример показывает, что верою называется еще уверенность в невидимом, как бы в видимом.

Таким образом, вера есть уверенность в желаемом и ожидаемом, как бы в настоящем и в невидимом, как бы в видимом. Вера, можно сказать, – глаза души. То, что не может быть понято, принято разумом, иногда может быть принято, понято верою. Верою постигается то, что не может быть постигнуто разумом. Таким образом, вера не отрицает разум, но восполняет его⁵.

Православная христианская вера выражена в «Символе веры», составленном в IV веке святыми отцами Церкви, на I и II Вселенских Соборах. Она основывается на откровении Божиим, на слове Божиим, запечатленном в Священном Писании и Священном Предании.

Бог открывается людям не только через Священное Писание (Библию) и Священное Предание (творения святых отцов Церкви Христовой), но и через природу – Свое творение, а также через совесть человека, которая есть в нас, как бы голос Божий, гово-

⁴ Мф. 15, 22–28.

⁵ Иоанн Дамаскин, *прп.* Точное изложение Православной Веры. М., 2003.

рящий, что хорошо и что дурно. И в этом контексте религиозная вера (православная христианская вера) должна стать основой для определения этических параметров познания.

Наука и техника в своем развитии несут не только блага, но и угрозы для каждого человека и человечества в целом. Еще в XIX–XX веках предотвращение нежелательных результатов и отрицательных последствий научно-технической революции стало настоящей потребностью для человеческого общества. В этом аспекте на передний план выдвигается проблема моральной ответственности ученых – этических параметров познания.

Как показывает исторический опыт и практика современной науки, от поддержания высоких этических норм, характерных для познавательной деятельности, во многом зависит «здоровье» научного сообщества. В проблеме этических параметров познания проявляется не только взаимосвязь познавательного и нравственного отношения человека к миру, но и противоречивость процессов, происходящих в современной науке, в ее отношениях с обществом.

В XX–XXI веках произошел сдвиг в оценке этического образа науки. Начиная с античности и вплоть до недавнего времени, научно-теоретическая деятельность изображалась учеными и философами как безусловное благо. Эта оценка не вызывала сомнений до тех пор, пока наука была сравнительно изолирована от общества, от материального производства.

Ситуация стала меняться с середины XIX века, когда наука начала выходить за узкий мир университетских кафедр и стала все более интенсивно внедряться в промышленность, в сельское хозяйство и военное дело. И здесь оказалось, что наука вносит в мир человека не только благо.

Столетие спустя эта этически окрашенная оценка противоречий в развитии науки и техники дополнилась и другими чертами: ученые, открывая путь к использованию все более могущественных сил природы, ведут свои исследования без учета последствий их возможного применения; становясь все более сложными и дорогостоящими, научные исследования концентрируются в немногих странах, что углубляет разрыв между ними и развивающимися странами; наука оказывает деструктивное воздействие на сферу духовной культуры: она подтачивает гуманистические ценности,

вытесняет и разрушает традиционные формы жизни и культуры, приводит к расколу единой ранее культуры на две непроницаемые и противостоящие друг другу сферы – научно-техническую и гуманитарную.

Соотношение научного познания и этики ведется ныне вокруг трех основных вопросов: нравственной ответственности ученого за социальные последствия использования научных открытий; этических норм, обеспечивающих «здоровье» научного сообщества и необходимых для успешной познавательной деятельности; этического содержания и смысла научного знания.

Первый вопрос является наиболее жгучим и неотложным в современной ситуации. Опыт нашего столетия свидетельствует, что применения знания, выходящего за пределы социально-этического контроля, чревато трагедиями. Использование открытий ядерной физики, исследований космоса, научных работ в области генетики, медицины, психиатрии может быть легко повернуто против человека. На первый взгляд великолепные достижения человеческой мысли вдруг отрывают свою вторую сущность. Так, «мирный» атом принес Чернобыль, головолomную проблему: как избавиться от радиоактивных отходов атомных станций, многие из которых продолжают излучать сотни лет. Фантастические успехи геной инженерии открыли перспективу «изготовления» человека по заказу – с заранее заданными физическими и психологическими характеристиками. Надо ли говорить, какой это «подарок» политическим тиранам. Несмотря на протесты видных ученых, эксперименты в этом направлении продолжаютс. Исследователей привлекает сама проблема, возможности ее решения, а что дальше – «это не в нашей компетенции».

Есть ли предел этому посягательству на будущее человечества? Современная практика показывает – нет. В условиях информатизации общества, совершенствования информационных технологий как продукта информационной революции перед человечеством встает ряд психологических, социальных и нравственных задач. В печати появились сообщения о том, что ученые вплотную подошли к созданию электронных машин, которые смогут вмешиваться во внутренний мир человека – читать его мысли, чувствовать его эмоции, управлять его сознанием.

Вся человеческая цивилизация зиждется на независимости нашего мышления. Недаром издревле бытует поговорка, что язык дан человеку для того, чтобы скрывать его мысли. Что же будет, если они окажутся у всех на виду? Да просто рухнут все писанные и неписанные законы общежития, люди не смогут общаться между собой. Стремление ученых обеспечить быструю и легкую коммуникацию приведет к полному ее уничтожению. И здесь встает вопрос: можно ли вообще ограничить науку только тем, что идет во благо человечеству? История показывает, что до сих пор это не удавалось. Но раз есть яд, то должно быть и противоядие.

Этим противоядием может быть возврат к религии, истинной вере, через осознание, что не всякое знание спасительно для души, а значит и для человека. «Не всякое знание угодно Богу и спасительно для души. Свято знание, когда человек узнает о Боге и об обязанностях своих к нему из слова Божия, так же, как победить свои страсти, о тайне своей души для ее спасения. Не грешно узнавать, по нашему званию, свое искусство, ремесло. И есть знание греховное – пытливость. Например, когда узнают тайны ближних своих, не быв обязаны к тому званием, дознаются о тайнах соседа. Обуздывать жадность в познании есть такая же добродетель, как полагать предел похотям плоти»⁶.

Православное мировоззрение и истинная наука – это два русла, закономерно ведущие к познанию и прославлению Творца. Религия имеет дело с духовным миром и верой, наука – с материальным миром и знанием. Суть истинной веры предельно четко выражена в православном «Символе веры», который от Господа Бога, следовательно, абсолютно истинен и неизменен. Суть истинного знания выражена набором соответствующих физических представлений, то есть парадигмой, которая в качестве постулата принимается на веру людьми, следовательно, не абсолютно верна и по необходимости изменяется со временем.

Духовный и материальный миры и объекты различаются между собой принципиально, как небо и земля, как религия и наука. В них действуют столь же принципиально различающиеся законы: в первом – промысел Божий, пути которого неис-

⁶ *Феофан Затворник, свт. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. Репринт. изд. М., 1995.*

поведимы, а во втором – парадигма. Именно поэтому традиционные научные методы неприменимы для изучения духовного мира. Однако духовный мир, непрерывно взаимодействуя с материальным (телесным), оставляет на последнем свои следы, которые вполне поддаются изучению, и это не есть вторжение науки в запретную духовную область, поскольку не нарушает «Символа веры»⁷.

Недоразумения, предубеждения и антагонизм возникают, когда преходящую «веру» (парадигму) ученых путают с непреходящей верой религии, что ведет к конфузам типа многовекового католического запрета Земле вращаться вокруг Солнца.

При разработке новой физической картины мира современными учеными впервые в качестве парадигмы использовались тексты Священного Писания, отличающиеся, как доказал своим открытием И. Панин, абсолютной достоверностью, что наложило свой отпечаток и на теорию. Религия заняла подобающее ей ведущее место, как это и было в древности. С ее помощью открыты многие новые физические законы. В результате удалось расшифровать физический механизм заболеваний (тайну здоровья), научно определить причастность лукавого к восточным культам, спиритизму, астрологии, парацелительству, лозоходству и т.д.

Мировоззрение включает в себя определенное миропонимание, восприятие мира, отношение к миру, социальные установки, системы ценностей и ориентаций относительно целей развития и средств их достижения. В содержании научного мировоззрения центральное место занимает научная картина мира, представляющая собой теоретический синтез важнейших достижений естественных и социальных наук в понимании природы и общества, их взаимосвязи, происхождения человека, его места в мире. Картина мира не тождественна всему содержанию конкретных наук – последнее значительно шире по объему информации, но в картину мира входят важнейшие достижения науки. Современная картина мира выполняет интегрирующую функцию по отношению к комплексу фундаментальных наук и прикладных теорий. Познание ее содержания способствует преодолению узости кругозора

⁷ Степанов В.М. Символ Веры в естественных науках. Навстречу 2000-летию христианства: Материалы конференции (10 фев. 1999 г.). Новгород, 1999.

ученых, специализирующихся в области частных проблем, оно имеет и важное общеобразовательное значение.

Познание всеобщих свойств и законов мира способствует разработке единых мировоззренческих и методологических оснований науки.

Под основаниями научной теории понимаются ее важнейшие исходные положения и принципы, на которых теория строится и развивается. Различают эмпирические основания, представляющие совокупность важнейших экспериментальных фактов и результатов наблюдений. Большое значение для построения и развития науки имеют также ее теоретические основания, т.е. совокупность ее законов, принципов и существенных положений.

К числу общетеоретических относятся и философские обоснования. Они включают мировоззренческие, гносеологические и социальные принципы, на которых базируется любая теория, создаваемая ею общая или частная картина объективной реальности, а также применяемые в теории методы познания.

Мировоззренческие принципы касаются свойств объективной действительности, понимания мира, его атрибутов и законов развития. Гносеологические принципы касаются понимания объективной ценности научных теорий, сущности научных революций, относительной и абсолютной истины, применяемых в теории методов и их взаимоотношения между собой. Социальные принципы выражают социальную ориентацию развития науки, ее роль в обществе, совокупность политических и моральных норм и ценностей. Указанные принципы в философских основаниях тесно связаны между собой.

Философские основания также связаны с общетеоретическим основанием науки, во многом определяют его, и их нельзя рассматривать в качестве внешнего «довеска» к теории.

Нельзя не признать тот факт, что религиозное мировоззрение, идеалистические представления виделись чуждыми и неприемлемыми в качестве философских оснований. Так, позиция в этом вопросе Ньютона, Бойля, Лейбница, которые стремились включить в естественнонаучные теории принципы сотворения мира, абсолютности пространства и времени, существование предусмотренной Богом гармонии и др., объявлялись чуждыми объективному содержанию научных теорий. Однако физическая картина мира

быстро меняется. Так, механическая картина мира, господствовавшая в физике в XVIII–XIX веках, оказалась ограниченной и в дальнейшем была заменена электромагнитной картиной, которая соединила теории электромагнитного поля и электронную теорию материи. Но и последняя вскоре уступила место квантово-релятивистской картине мира, основанной на квантовой механике и теории относительности.

История показывает, как часто делается вывод, что естественные науки – оплот атеизма. Это является одним из основных аргументов противников введения в программу школьного обучения предметов духовно-нравственного цикла.

В конце XX века были сделаны попытки⁸ дополнить существующую общенаучную картину мира новой физической теорией основанной на религиозном мировоззрении, что обогащает гносеологические и мировоззренческие принципы философских оснований науки и ведет к ее интеграции с религией.

Время, в которое мы живем, отмечено сложными, неоднозначными процессами. С одной стороны, растет население планеты. В развитых странах увеличивается продолжительность жизни, разворачивается научно-техническая революция, позволяющая не только значительно облегчить наш труд, но и выйти в открытый космос, проникнуть в глубины мироздания. С другой стороны, в мире в ужасающих размерах накоплены средства массового уничтожения, истощаются природные ресурсы, загрязняется отходами природной деятельности наша среда обитания. В общем, перед человечеством встает ряд глобальных проблем, требующих срочного реагирования. В разрешение этих проблем вносят свою лепту и искусство, и мораль, и политика, и право. Но самые большие надежды современное общество возлагает на науку. Ведь разработка новейших технологий облегчающих труд и повышающих его производительность, использование новых видов энергии, повышение продуктивности сельского хозяйства – все это связано с новейшими научными открытиями и их внедрением в производство.

В настоящее время мир отступил от Творца и на фоне оскудения духовности и нравственности поклоняется идолу науки. Все

⁸ Вейник А. Термодинамика реальных процессов. Минск, 1991.

это ведет к катастрофическим последствиям в общественной жизни и окружающей среде.

Техника разрушает окружающую природу, мощные ЭВМ грозят в будущем вытеснить и заменить человека во многих сферах деятельности, несанкционированно внедриться в его сознание. Вторжение научных методов в управление и технологию обезличивает общество и делает простого человека придатком научной элиты.

Чтобы человечество не погибло, требуется всеобщее обращение людей науки к нравственным ценностям в своей познавательной деятельности. Господь Бог обратился к миру еще в середине XX века через открытие Ивана Панина (в котором математически доказывается истинность Священного Писания, а значит, и существование Творца). Но это обращение многими учеными так и не было услышано. В Священном Писании Нового Завета говорится: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец»⁹.

По данным Института перевода Библии, в Стокгольме еще к 1986 году, Священное Писание было переведено на 1848 языков, и только около 2% населения земного шара не имели на своем языке ни одной его книги. Сейчас оно переводится еще более чем на тысячу «малых» языков, даже если на них говорят лишь несколько тысяч, сотен или десятков человек. Как видим, до всей Вселенной осталось рукой подать, а Господь наш Иисус Христос сказал: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»¹⁰.

⁹ Мф. 24, 14.

¹⁰ Лк. 21, 33.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Тамбовская духовная семинария (краткая историческая справка)	6
Раздел I. Святитель Питирим и духовное наследие Тамбовского края	
<i>Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ</i> Причисление святителя Питирима к сонму святых в 1914 году. Подготовка к торжествам прославления и их проведение	10
<i>Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ</i> Прошлое и настоящее соборного храма Преображения Господня в городе Тамбове	23
<i>Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ</i> Новое чудо святителя Питирима Тамбовского	34
<i>М.А. Климкова</i> Святитель Питирим. Азовские походы и строительство русского флота	38
<i>Г.А. Абрамова, протоиерей Виктор Лисюнин</i> К вопросу об атрибуции рукописных книжных памятников середины XIX века как свидетельствах о чудесах святителя Питирима, епископа Тамбовского	51
Раздел II. Тамбовская духовная семинария в системе образования России	
<i>Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ</i> Тамбовская духовная семинария: предыстория учреждения и первые годы деятельности (1779–1802)	60
<i>Священник Алексей Насонов</i> Тамбовская духовная семинария во второй половине XIX – начале XX века	67
<i>Р.Ю. Просветов</i> Священномученик Феодор (Поздеевский) о духовном образовании и воспитании пастырства	74
<i>О.Ю. Левин</i> «Глубока скорбь любви...» Тамбовский период жизни священномученика Владимира (Богоявленского, 1848–1886)	79

<i>Протоиерей Виктор Лисюнин</i> Роль православного духовенства в развитии системы народного образования в конце XIX – начале XX века (на примере Тамбовской епархии).....	91
<i>Священник Иоанн Сутормин</i> Образование и социальное обеспечение сельского духовенства в XIX веке (по материалам сельских храмов Гавриловского района Тамбовской области)	101
<i>М.А. Климкова</i> Сергей Александрович Рачинский и церковно-приходские школы ..	111

Раздел III. Научные публикации

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

<i>Священник Димитрий Смольянинов</i> Значение и роль епископата в жизни Церкви (по творениям святых отцов и церковных писателей II–IV веков)	128

ИСТОРИЯ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ

<i>В.Д. Орлова</i> Отражение событий Тамбовской епархии XVIII века в газете «Тамбовские известия», изданной Г.Р. Державиным	135
<i>Протоиерей Петр Лукин</i> Игуменья Дорофея (Кудрявцева) – первая настоятельница Сухотинского Знаменского женского монастыря	141
<i>В.Б. Безгин, О.А. Самойлова</i> Сельские приходы Тамбовской епархии (конец XIX – начало XX века)	151
<i>М.К. Акользина</i> Тамбовские благотворители. Взаимоотношения купечества и Церкви в XIX веке.....	162
<i>С.В. Радецкий, П.П. Щербинин</i> Вклад Тамбовской епархии в сбор пожертвований на нужды Российской армии в период Русско-японской войны 1904–1905 годов	170
<i>Священник Антоний Лозовский</i> Деятельность внутренней миссии Тамбовской епархии по борьбе с религиозным сектантством в 1905–1917 годы.....	187

Г.А. Абрамова

Из истории взаимоотношений Тамбовского областного краеведческого музея и Тамбовской епархии.
1879 – 2014 годы 193

БОГОСЛОВИЕ

Протоиерей Владимир Кленин

Святитель Феофан Затворник – учитель христианской нравственности и духовный руководитель
ко спасению 200

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО:

архитектура, иконопись,

скульптура, декоративно-прикладное искусство

Священник Едесий Чернышев

Архитектурный образ Свято-Троицкого собора
города Моршанска 206

Протоиерей Валерий Литвиненко,

История строительства Боголюбского собора
в городе Мичуринске 215

М.В. Никольский

Обучение основам иконописи через практическую
деятельность 224

И.Ю. Позднякова, священник Виктор Поздняков

Роль епископа Феофила (Раева) в церковном строительстве
Тамбовской епархии в конце XVIII – начале XIX века 230

ФИЛОЛОГИЯ

С.Ю. Дубровина

Живое слово Православия 241

И.К. Носова

Роль церковно-славянского языка в становлении и развитии
речевой русской культуры 248

Л.Ю. Евтихиева

Прецедентный текст в эпистолярном наследии преподобного
Амвросия Оптинского 253

ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Протоиерей Игорь Груданов

Роль убеждения и веры в познавательной деятельности 263

ISBN 978-5-98429-191-0

**БОГОСЛОВСКИЙ СБОРНИК
ТАМБОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

Выпуск I

Дизайн обложки – Д.А. Гук
Компьютерная верстка – Т.В. Подковырова
Корректор – В.А. Трофимова

Подписано в печать 14.08.2014 г. Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,57. Тираж 500 экз. Заказ № 2605

Открытое акционерное общество «Издательский дом «Мичуринск»
Отпечатано в обособленном подразделении
«Тамбовская типография «Пролетарский светоч»
392600, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а